

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ имени С. М. КИРОВА
КАФЕДРА ЛИТЕРАТУРЫ

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

ПСКОВ
1962

Редакционная коллегия:

М. Ефимова (ответственный редактор), Е. Маймин, Э. Попова.

В сборнике печатаются доклады межвузовской научной конференции, посвященной 125-летию со дня смерти А. С. Пушкина. Публикуемые статьи представлены работниками кафедр литературы Псковского педагогического института, Тартуского государственного университета и научными сотрудниками Пушкинского заповедника.

ИДЕЙНАЯ СТРУКТУРА «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ»

Ю. ЛОТМАН

«Капитанская дочка», — одно из наиболее совершенных и глубоких созданий Пушкина, — неоднократно была предметом исследовательского внимания. В обширной литературе вопроса особо следует выделить ряд исследований Ю. Г. Оксмана¹ и главу в книге Г. А. Гуковского². Архивные разыскания и публикации документов, равно как и тонкий анализ идейно-политического содержания в работах Ю. Г. Оксмана, производимый на обычном для этого исследователя широком идеологическом фоне, и рассмотрение художественной природы повести, ее места в истории формирования пушкинского реализма в книге Г. А. Гуковского составляют высшие достижения советского литературоведения в этой области. И если те или иные конкретные положения этих работ могут стать предметом научного спора, то это не умаляет их значения как основы для любого дальнейшего углубления в анализ пушкинской повести. Ряд глубоких замечаний исследователь найдет в работах Б. В. Томашевского, В. Б. Шкловского, Д. П. Якубовича, Е. Н. Купряновой, Н. К. Пиксанова, Д. Д. Благого и др. Это, однако, не означает, что проблематика «Капитанской дочки» выяснена исчерпывающе. Более того, многие кардинальные вопросы позиции Пушкина в «Капитанской дочке» все еще продолжают оставаться дискуссионными. Таково, например, истолкование знаменитых слов о «русском бунте». Если Ю. Г. Оксман считает их своеобразной данью цензурным условиям, воспроизведением

---

¹ Работы Ю. Г. Оксмана, посвященные «Капитанской дочке», публиковались между 1934 и 1955 годами. В дальнейшем они вошли в книгу «От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева» (Саратов, 1959). Здесь же на стр. 101—102, 105, 110—111 и 131 — обзор литературы вопроса.

² Г. А. Гуковский, Пушкин и проблемы реалистического стиля, М., Гослитиздат, 1957.

охранительной точки зрения (равной взглядам Дашковой и Карамзина), разоблачаемой всем ходом повествования, вызывающего читательское сочувствие Пугачеву, то другой авторитетный знаток творчества Пушкина Б. В. Томашевский писал: «Оставленная в тексте романа сентенция отнюдь не вызывалась необходимостью изложения событий. Что же касается до взглядов Гринева, как героя романа, на Пугачева и крестьянское движение, то Пушкин отлично охарактеризовал их в других более четких словах и в самом ходе действия. Если он сохранил эту фразу, то потому, что она отвечала собственной системе взглядов Пушкина на крестьянскую революцию. За этой фразой не кроются ни презрение к русскому крепостному крестьянству, ни неверие в силы народа, ни какие бы то ни было охранительные мысли. Эта фраза лишь выражает, что Пушкин не верил в окончательную победу крестьянской революции в тех условиях, в которых он жил».³

Это не единственный из спорных вопросов, возникающих в связи с «Капитанской дочкой». Решение их следует искать на путях анализа произведения, как идейно-художественного единства.

Путь Пушкинской мысли от «Дубровского» к замыслам о Шванвиче, Башарине (параллельно с работой над «Историей Пугачева») и, наконец, «Капитанской дочке» хорошо изучен в работах Ю. Г. Оксмана⁴ и ряда других исследователей.⁵ Суммировать эти данные можно следующим образом: Пушкин в начале 1830-х гг., исходя из чисто политического наполнения понятия свободы, пришел к убеждениям, весьма характерным для продолжателей декабристской мысли.⁶ Свобода, понимаемая как личная независимость, полнота политических прав, в равной мере нужна и народу и дворянской интеллигенции, утратившей антинародные феодальные привилегии, но выковавшей в вековой борьбе с самодержавием свободолюбивую традицию. Борьба за уважение деспотом прав дворянина — форма борьбы за права человека. С этих позиций народ и дворянская интеллигенция («старинные дворяне») выступают как естественные союзники в борьбе за свободу. Их противник — самодержавие, опирающееся на чиновников и созданную самодержавным про-

---

³ Б. В. Томашевский, Пушкин, кн. II, М.—Л., изд. АН СССР, 1961, стр. 189.

⁴ См.: Ю. Г. Оксман, От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева, стр. 5—36.

⁵ См., например.: В. Шкловский, Заметки о прозе Пушкина, М., 1937, Н. И. Фокин, К истории создания «Капитанской дочки», Уч. зап. Уральского Пединститута, 1957.

⁶ Ср. сопоставление экономических воззрений Пушкина и М. Орлова в работе С. Я. Борового. «Об экономических воззрениях Пушкина в начале 1830-х гг.» в сб. «Пушкин и его время», вып. I, Л., изд. государственного Эрмитажа, 1962.

изволом псевдоаристократию, «новую знать». В области художественной типологии такой подход подразумевал своеобразную конструкцию образа: определяющим в человеке считалось не социальное бытие, которое было у Дубровского и Троекурова общим (Пушкин, конечно, был чужд вульгарно-социологическому противопоставлению «мелкопоместного» и «крупного» барства), а принадлежность к определенному кругу идей, культурно-психологическому типу. Только с этих позиций можно было признать, что дворянский, общий с Онегиным, образ жизни не затрагивает народного нравственного склада Татьяны, а Дубровский может перейти на сторону народа, оставаясь дворянином. Он утратил имущество, но не пережил того нравственного переворота, который потребовался, например, Нехлюдову, чтобы перейти на сторону народа. Дубровский в крестьянском отряде — это нравственно тот же Дубровский, каким он был до рокового перелома своей судьбы. Прошедшая жизнь офицера и помещика не представляется ему грехом и скверной, а новая — нравственным воскресеньем. Русский столбовой дворянин, наследник вековой традиции сопротивления самодержавию, он естественный союзник народа. И в качестве вождя восставших он сохраняет патриархальную власть над своими крестьянами. Его отряд скорее напоминает партизанскую «партию» 1812 г., возглавленную офицером типа Васьки Денисова или Николая Ростова (которого его гусары называют: «наш граф»), чем русскую крестьянскую вольницу, поднявшуюся с топорами на господ.

«Общие замечания», которыми снабдил Пушкин «Историю Пугачева» для Николая I, свидетельствуют о глубоком переломе, который произошел во взглядах Пушкина в ходе изучения материалов крестьянской войны под руководством Пугачева. Пушкин писал: «Весь черный народ был за Пугачева. Духовенство ему доброжелательствовало <...> Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны» (IX, кн. I, стр. 375). Именно то, что в основе поведения людей, как теперь считает Пушкин, лежат «интересы», позволяет объединить всех дворян, без различия их идейно-интеллектуального уровня, степени свободолюбия или сервилизма, в один, общий с правительством, лагерь, противопоставленный «черному народу». Типизация художественного образа приобрела отчетливо социальную окраску. Это, в свою очередь, наложило отпечаток на всю идейно-художественную структуру повести.

Вся художественная ткань «Капитанской дочки» отчетливо распадается на два идейно-стилистических пласта, подчиненных изображению миров — дворянского и крестьянского. Было бы недопустимым упрощением, препятствующим проникновению

в подлинный замысел Пушкина, считать, что дворянский мир изображается в повести только сатирически, а крестьянский — только сочувственно, равно как и утверждать, что все поэтическое в дворянском лагере принадлежит, по мнению Пушкина, не специфически дворянскому, а общенациональному началу.⁷

Каждый из двух, изображаемых Пушкиным миров имеет свой бытовой уклад, оваянный своеобразной, лишь ему присущей поэзией, свой склад мысли, свои эстетические идеалы. Быт Гринева, воспитание героя даются сквозь призму ассоциаций с бытом фонвизинских героев.⁸ Однако резкая сатиричность изображений Фонвизина смягчена: это рассказ вызывающего сочувствие читателей героя о своем детстве. Фонвизинские отзвуки воспринимаются не как сатирическое изображение уродства неразумной жизни плохих помещиков, а как воссоздание *характерного* в дворянском быту XVIII в. Уклад жизни провинциального дворянина Гринева не противопоставлен, как это было у Фонвизина, вершинам дворянской культуры, а слит с ней воедино. «Простаковский» быт Гриневых не снимает их связи с лучшими традициями дворянской культуры XVIII в. и их порожждением — чувством долга, чести и собственного человеческого достоинства. Не случайно «дворянский» пласт повести пронизан отзвуками и ассоциациями, воскрешающими атмосферу русской дворянской литературы XVIII в. с ее культом долга, чести и человечности. Этой цели служат и эпитафии, частично подлинно заимствованные из поэтов XVIII в., частично под них стилизованные. Пушкину важно было, чтобы имена Сумарокова, Княжнина, Хераскова значились под главами, определенным образом ориентируя читателя. Гринев в детстве,

---

⁷ В этом смысле характерно часто встречающееся стремление исследователей перенести «простого» Миронова из дворянского лагеря в народный. Позиция Пушкина в «Капитанской дочке» значительно более социальна, чем, например, Толстого в «Войне и мире», где Ростовы, действительно, вместе с народом противопоставлены миру Курагиных. Не случайно, Пушкин не ввел в повествование фигуры троекуровского типа — вельможи XVIII в., — антагониста Гриневых и Мироновых. Швабрин — фигура совсем иного типа: он отщепенец, противопоставленный всему дворянству в целом. Попытки увидеть в Екатерине II фигуру, являющуюся противоположной Мироновым, как мы стараемся показать, лишены оснований.

⁸ Отец Гринева «женится на девице Авдотье Васильевне Ю. дочери бедно тамошнего дворянина. Нас было девять человек детей. Все мои братья и сестры умерли во младенчестве» (VIII, кн. I, стр. 279). Этот эпизод, бесспорно, должен был проектироваться в сознании читателей на реплику Простаковой и воскрешать атмосферу помещичьего быта XVIII в. «Покойник батюшка женился на покойнице матушке. Она была по прозванию Приплодных. Нас, детей, было у ней восемнадцать человек, да, кроме меня с братом, все, по власти господней, примерли» («Недоросль», III действ., явл. 5). Из этой же сцены Пушкин взял другую, рядом расположенную, реплику эпитафией к главе «Крепость»: «Старинные люди, мой батюшка (Недоросль)». Савельич охарактеризован цитатой из «Послания к слугам моим» Фонвизина: «И денег и белья и дел моих рачитель» (там же, стр. 284).

как и Митрофан «жил недорослем, гоня голубей» (VIII, кн. 1, стр. 250), но вырос не Скотининым, а честным офицером и поэтом, стихи которого — «для тогдашнего времени, были изрядны, и Александр Петрович Сумароков, несколько лет после, очень их похвалял» (там же, стр. 300). Точно также «по-домашнему», вплетается в повествование и имя Тредьяковского, который оказывается учителем Швабрина (там же). Гринев — наследник русского вольтерьянского рационализма — не может без стыдливой оговорки о том, что «сродно человеку предаваться суеверию, несмотря на всевозможное презрение к предрассудкам» (там же, стр. 289), рассказать о своем загадочном сне. В духе русских юристов XVIII в. — последователей Беккариа он протестует против пытки («думали, что собственное признание преступника необходимо было для его полного обличения, — мысль не только неосновательная, но даже и совершенно противная здравому юридическому смыслу» (там же, стр. 317)).⁹

Крестьянский уклад жизни овеян *своей* поэзией: песни, сказки, легенды пронизывают всю атмосферу повествования о народе. Особое место занимают пословицы, в которых выкристаллизовалось своеобразие народной мысли. Исследователи неоднократно обращали внимание на роль пословиц и загадок в характеристике Пугачева. Но пословицами говорят и другие персонажи из народа. Савельич пишет в отписке барину: «Быль молодцу не укора: конь и о четырех ногах, да спотыкается» (там же, стр. 312). Пушкин подчеркнул, что речь Пугачева, вобравшая все своеобразие народного языка, дворянину непонятна: «Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора», — пишет Гринев. При этом показательно, что тайный «воровской» язык, которым пользуются Пугачев и хозяин «умета», — это не арго, специальная речь, доступная лишь членам шайки, а язык пословиц и загадок — сгусток национально-самобытной стихии языка. Смысл речи, непонятной Гриневу, прекрасно понятен читателю.

Разные по образу жизни, интересам, нравственным идеалам и поэтическому вдохновению, миры дворянский и крестьянский имеют и разные представления о государственной власти. Пуш-

---

⁹ Конечно, Гриневу принадлежит и вызвавшее многочисленные споры слово о «русском бунте». Ю. Г. Оксман привел параллели к рассуждениям Гринева из записок Дашковой и произведений Карамзина. Подобные примеры можно было бы привести в очень большом числе. Хочется лишь отметить, что в контексте русской идейной жизни конца XVIII в., — и это было Пушкину прекрасно известно, — подобные высказывания имели не охранительный, а либерально-дворянский характер. Однако спор о значении этих слов Гринева приобрел явно гипертрофированный характер, заслонив собой анализ всей повести как таковой. Из того, что осуждение «русского бунта» принадлежит Гриневу, не вытекает автоматически никаких выводов о позиции Пушкина. Ее нельзя вывести простым толкованием отдельных сентенций. Следует определить значение всего замысла в его единстве.

кин отбросил разделение властей на «законные» и «незаконные». Еще во время путешествия по Уралу он обнаружил, что народ разделяет власть на дворянскую и крестьянскую и, подчиняясь силе первой, законной для себя считает вторую. В «Замечаниях о бунте» Пушкин писал: «Расскажи мне, говорил я Д. Пьянову, как Пугачев был у тебя посаженным отцом? — Он для тебя Пугачев, отвечал мне сердито старик, а для меня он был великий государь Петр Федорович» (IX, кн. I, стр. 373). Но и правительство — дворянская власть — по-разному относится к «своим», даже если они «изменники», и к «чужим». Оно вершит не правосудие, а классовую расправу: «Замечательна разность, которую правительство полагало между дворянством личным и дворянством родовым. Прапорщик Минеев и несколько других офицеров были прогнаны сквозь строй, наказаны батогами и пр. А Шванвич только ошельмован преломлением над головою шпаги» (там же, стр. 373). Дворянская историография рассматривала самодержавную государственность как единственно возможную форму власти. В их представлении народное движение может привести лишь к хаосу и гибели государства. Не только реакционные, но и либеральные дворянские мыслители XVIII — начала XIX вв. считали, что народное восстание несет с собой общественный хаос. Просветительская точка зрения, особенно в ее демократическом—руссоистском или радищевском — варианте, исходила из представлений о народном суверенитете и праве угнетенных на восстание. Совершенно с иных, чем у дворянских идеологов, позиций просветительство было также нормативно. Оно делило государственные системы на правильные и неправильные и для каждого народа в данный исторический момент допускало лишь одну возможность.

Позиция Пушкина была принципиально иной. Увидев раскол общества на две противопоставленные, борющиеся силы, он понял, что причина подобного раскола лежит не в чьей-либо злой воле, не в низких нравственных свойствах той или иной стороны, а в глубоких социальных процессах, не зависящих от воли или намерений людей. Поэтому Пушкину глубоко чужд односторонне-дидактический подход к истории. Он в борющихся сторонах видит не представителей порядка и анархии, не борцов за «естественное» договорное общество и нарушителей истонченных прав человека. Он видит, что у каждой стороны есть своя, исторически и социально обоснованная «правда», которая исключает для нее возможность понять резоны противоположного лагеря. Более того: и у дворян, и у крестьян есть своя концепция законной власти и носители этой власти, которых каждая сторона, с одинаковыми основаниями, считает законными. Екатерина — законная дворянская царица, и ее управление соответствует правовым идеалам дворянства. Сама законность принципов ее власти делает, в глазах дворянина, второстепен-

ным вопрос о недостатках ее личного характера, неизбежном спутнике самодержавия. И старик Гринев, в облике которого Пушкин сознательно приглушил черты аристократического фрондерства, сведя их с пьедестала самостоятельной политической позиции до уровня характеристической черты человека эпохи, наставляет сына: «Служи верно, кому присягнешь» (VII, кн. I, стр. 282). С точки зрения героев-дворян, Пугачев — «злодей». Иван Кузмич говорит Пугачеву: «Ты мне не государь», а Иван Игнатьич повторяет: «Ты нам не государь» (там же, стр. 324—325). Со своей стороны, крестьяне в повести, подобно собеседнику Пушкина Д. Пьянову, считают Пугачева законным властителем, а дворян — «государевыми послушниками». Готовя материалы к «Истории Пугачева», Пушкин записал, что яицкие казаки «кричали: Не умели вы нас прежде взять, когда у нас Хозяина не было, а теперь Батюшка наш опять к нам приехал — и вам уж взять нас не можно; да и долго ли вам, дуракам, служить женщине — пора одуматься и служить государю» (IX, кн. 2, стр. 766—767). Гринев же не может признать Пугачева царем: «Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу» (VII, кн. I, стр. 332).

Пушкин ясно видит, что, хотя «крестьянский царь» заимствует внешние признаки власти у дворянской государственности, содержание ее — иное. Крестьянская власть патриархальнее, прямее связана с управляемой массой, лишена чиновников и окрашена в тона семейного демократизма. На «странном», для Гринева, военном совете у Пугачева «все обходились между собою как товарищи, и не оказывали никакого особенного предпочтения своему предводителю» (там же, стр. 330). В этом смысле кавалерские ленты на крестьянских тулупах сподвижников Пугачева и оклеенная золотой бумагой крестьянская изба с рукомойником на веревочке, полотенцем на гвозде, ухватом в углу и широким шестком, уставленным горшками, — «дворец» Пугачева, — глубоко символичны.

Но именно эта крестьянская природа политической власти Пугачева делает его одновременно вором и самозванцем для дворян и великим государем для народа. Пугачев сам говорит Гриневу, что «кровопийцем» его называет «ваша братья» (там же, стр. 352), а Гринев-старший знает, как и все дворяне, что цель «гносного бунта» была «ниспровержение престола и истребление дворянского рода» (там же, стр. 369).

Осознание того, что социальное примирение сторон исключено, что в трагической борьбе обе стороны имеют свою классовую правду, по-новому раскрыло Пушкину уже давно волновавший его вопрос о жестокости как неизбежном спутнике общественной борьбы. В 1831 г. Пушкин, напряженно ожидавший новой «пугачевщины», взволнованно наблюдал проявления жестокости восставшего народа. 3 августа 1831 г. он писал

Вяземскому: «Ты верно слышал о возмущениях Новгородских и Старой Руссы. Ужасы! Более ста человек генералов, полковников и офицеров перерезаны в Новг<ородских> поселен<иях> со всеми утончениями злобы. Бунтовщики их секли, били по щекам, издевались над ними, разграбили дома, изнасиловали жен; 15 лекарей убито <...> бунт Старо-Русской еще не прекращен. Военные чиновники не смеют еще показаться на улице. Там четверили одного генерала, зарывали живых и проч. Действовали мужики, которым полки выдавали своих начальников. Плохо, ваше сиятельство!» (XIV, стр. 204—205).¹⁰ Впечатления Пушкина, в этот период, видимо, совпадали с мыслями его корреспондента, видевшего события вблизи, Н. М. Коншина, который писал Пушкину: «Как свиреп в своем ожесточении народ русской! Жалеют и истязают» (там же, стр. 216). Эту двойную природу народной души — добрую, но ожесточенную — Пушкин тогда попробовал воплотить в образе Архипа, убивающего чиновников¹¹ и спасающего кошку.

К моменту создания «Капитанской дочки» позиция Пушкина изменилась: мысль о жестокости крестьян заменилась представлением о роковом и неизбежном ожесточении *обеих* враждующих сторон. Он начал тщательно фиксировать кровавые расправы, учиненные сторонниками правительства. В «Замечаниях о бунте» он писал: «Казни, произведенные в Башкирии генералом князем Урусовым, невероятны. Около 130 человек были умерщвлены посреди всевозможных мучений!»¹² «Остальных человек до тысячи (пишет Рычков) простили, отрезав им носы и уши» (IX, кн. I, стр. 373). Рядом с рассказом о расстреле пугачевцами Харловой и ее 7-летнего брата, которые перед смертью «сползлись и обнялись — так и умерли», Пушкин внес в путевые записи картину зверской расправы правительственных войск с ранеными пугачевцами: «Когда под Тат.<ишевой> разбили Пугачева, то яиц<их> прискакало в Оз.<ерную> израненных, — кто без руки, кто с разруб<енной> головою <...>. А гусары галицынские и Хорвата <?> так и ржут по улицам, да мясничат их» (IX, кн. 2, стр. 496—497. Курсив Пушкина).

Пушкин столкнулся с поразившим его явлением: крайняя жестокость обеих враждующих сторон проистекала часто не от

¹⁰ Истолкование значения этой цитаты для истории замысла «Капитанской дочки» см.: Ю. Г. Оксман, цит. соч., стр. 24.

¹¹ Для концепции Пушкина первой половины 1830-х гг. показательным, что жертвой восставшего народа оказываются именно чиновники — слуги самодержавия и связанной с ним псевдоаристократии, — а не «свой» помещик. Восстания в военных поселениях как бы подтверждали эти убеждения: они были направлены против военных чиновников, подчиненных правительству.

¹² В черновом варианте Пушкин распространил это место: «Иных, пишет Рычков, растыкали на кольях, других повесили ребром за крюки; некоторых четвертовали» (IX, кн. I, стр. 477).

кровожадности тех или иных лиц, а от столкновения непримиримых социальных концепций. Добрый капитан Миронов, не задумываясь, прибегает к пытке, а добрые крестьяне вешают невиновного Гринева, не испытывая к нему личной вражды: «Меня притащили под виселицу. «Не бось, не бось», — повторяли мне губители, может быть, и вправду желая меня ободрить» (VIII, кн. I, стр. 325).

В том, что жестокость нельзя объяснить случайными причинами или характерами отдельных людей, убедил Пушкина рассказ Крылова о том, какое ожесточение вызвала между детьми даже «игра в пугачевщину»: «Дети разделялись на две стороны, городовую и бунтовскую, и драки были значительные <...> произошло в ребятах, между коими были и взрослые, такое остервенение, что принуждены были игру запретить. Жертвой оной чуть было не сделался некто Анчапов (живой доньне). Мертваго, поймав его, в одной экспедиции, повесил его кушаком на дереве. — Его отцепил прохожий солдат» (IX, кн. 2, стр. 492).

Невозможность примирения враждующих сторон и неизбежность кровавой и истребительной гражданской войны открылась Пушкину во всем своем роковом трагизме. Это только подчеркивалось тем, что, излагая события глазами наблюдателя-дворянина, Пушкин показывал социальную узость и необъективность точки зрения повествователя. Гринев пишет: «Шайка выступила из крепости в порядке» (VIII, кн. I, стр. 336), и стилистический оксюморон «шайка выступила», подчеркнутый обстоятельством образа действия «в порядке», показывает и объективную картину выступления войска крестьян, и невозможность для наблюдателя — дворянина увидеть в этом войске что-либо, кроме шайки. Так построена вся ткань повествования. Из этого, бесспорно, вытекает и то, что вызывавшие длительные споры сентенции повествователя принадлежат не Пушкину. Но из этого еще не вытекает того, что Пушкин с ними не согласен.

Определение отношения автора к изображаемым им лагерям — коренной вопрос в проблематике «Капитанской дочки». Спор о том, кому следует приписать ту или иную сентенцию в тексте, не приблизит решения этого вопроса, ибо ясно, что сам способ превращения исторических героев в рупор авторских идей был Пушкину глубоко чужд. Гораздо существеннее проследить, какие герои и в каких ситуациях вызывают симпатии автора. Когда-то, создавая оду «Вольность», Пушкин считал закон силой, стоящей над народом и правительством, воплощением справедливости. Сейчас перед ним раскрылось, что люди, живущие в социально разорванном обществе, неизбежно находятся во власти одной из двух взаимоисключающих концепций законности и справедливости, причем законное с точки зрения одной социальной силы оказывается незаконным с точки зрения другой. Это убеждение обогатило Пушкина высоким историческим

реализмом, позволило увидеть в истории столкновение реальных классовых сил и подвело к созданию таких глубоких по социальной аналитичности произведений, как «Сцены из рыцарских времен».

Но это же проникновение в законы истории снова и по-новому поставило перед Пушкиным издавна волновавший его вопрос о соотношении исторически-неизбежного и человеческого. Мысль о том, что исторический прогресс не отделим от человечности, постоянно в той или иной форме присутствовала в сознании Пушкина. В 1826 г. Пушкин писал: «Герой — будь прежде человек», в 1830 г. он повторил эту же мысль:

Оставь герою сердце, что же
Он будет без него — тиран?

Диалектика прав исторической закономерности и прав человеческой личности волновала Пушкина с 1826 г. Но теперь история предстала как внутренняя борьба, а не как некое единое движение,¹³ и Пушкин встал перед вопросом соотношения социальной борьбы и этического критерия гуманности.

Пушкин раскрывает сложные противоречия, возникающие между политическими и этическими коллизиями в судьбах его героев. Справедливое с точки зрения законов дворянского государства оказывается бесчеловечным. Но было бы недопустимым упрощением отрицать, что этика крестьянского восстания XVIII в. раскрылась Пушкину не только в своей исторической оправданности, но и в чертах, для поэта решительно неприемлемых. Сложность мысли Пушкина раскрывается через особую структуру, которая заставляет героев, выходя за мир свойственных им классовых представлений, расширять свои нравственные горизонты. Композиция романа построена исключительно симметрично.¹⁴ Сначала Маша оказывается в беде — суровые законы крестьянской революции губят ее семью и угрожают ее счастью. Гринев отправляется к крестьянскому царю и спасает свою невесту. Затем Гринев оказывается в беде, причина которой, на сей раз, кроется в законах дворянской государственности. Маша отправляется к дворянской царице и спасает жизнь своего жениха. Рассмотрим основные сюжетные узлы. До десятой главы действие подчинено углублению конфликта между дворянским и крестьянским мирами. Герой, призванный воспи-

¹³ В «Полтаве» борьба идет между Петром и вне истории стоящими эгоистами, честолюбцами, странствующими палладинами (Мазепа, Карл XII), в «Капитанской дочке» и Пугачев и Екатерина II представляют русский XVIII век.

¹⁴ Об этом см. в кн. Д. Д. Благого «Мастерство Пушкина», М., Советский писатель, 1955.

¹⁵ Мы имеем в виду первоначальный, а не последующий, цензурный, вариант XI главы.

танием, присягой и собственными интересами стоять на стороне дворянского государства, убежден в справедливости его законов. Нравственные и юридические нормы его среды совпадают с его стремлениями как человека. Но вот он в осажденном Оренбурге узнает об опасности, грозящей Маше Мироновой. Как дворянин и офицер он обращается к своему начальнику по службе с просьбой о помощи, но в ответ слышит лекцию о предписаниях военного устава.

«— Ваше превосходительство, прикажите взять мне роту солдат и полсотни казаков и пустите меня очистить Белогорскую крепость.

Генерал глядел на меня пристально, полагая, вероятно, что я с ума сошел (в чем почти и не ошибался).

«Как это? Очистить Белогорскую крепость?» — сказал он наконец.

— Ручаюсь вам за успех, — отвечал я с жаром. — Только отпустите меня.

«Нет, молодой человек», — сказал он качая головою. — «На таком великом расстоянии неприятелю легко будет отрезать вас от коммуникаций с главным стратегическим пунктом и получить над вами совершенную победу. Пресеченная коммуникация . . .»

Я испугался, увидя его завлеченного в военные рассуждения» (VIII, кн. I, стр. 343).

Речи и действия генерала справедливы и обоснованы с уставной точки зрения. Они законны и закономерны. Дав Гринеvu войска, он нарушил бы правила военной теории, не дав их, он нарушает лишь требования человечности. Канцеляризм оборотов речи генерала подчеркивает новую сторону идеи законности: она оборачивается к герою своей формальной, бесчеловечной стороной. Это особенно ясно после того, как Гринев раскрывает генералу свою интимную заинтересованность в судьбе Машы Мироновой. Он слышит ответ: «Бедный малый! Но все же я никак не могу дать тебе роту солдат и пол-сотни казаков. Эта экспедиция была бы неблагоразумна; я не могу взять ее на свою ответственность» (там же). Генерал, как человек, сочувствует Гринеvu, но действует, как чиновник.

Гринев предпринимает совершенно неожиданный для русского дворянина и офицера XVIII века шаг (не даром он сам называет свою мысль «странной») — он выходит из сферы действия дворянских законов и обращается за помощью к мужицкому царю. Однако в стане восставших действуют свои законы и нормативные политические идеи, которые столь же равнодушны к человеческой трагедии Гринева. Более того: как дворянин, Гринев враждебен народу, и законы восстания, политические интересы крестьян требуют не оказывать ему помощи, а уничтожить его. Подобное действие вытекало бы не из жестокости того или иного лица, а из автоматического применения общего закона

к частному случаю. Желая остаться дворянином и получить помощь от Пугачева, Гринев явно непоследователен. На это тотчас же указывает сподвижник Пугачева Белобородов: «. Не худо, — говорит он Пугачеву, — и господина офицера допросить порядком: Зачем изволил пожаловать. Если он тебя государем не признает, так нечего у тебя и управы искать, а коли признает, что же он до сегодняшнего дня сидел в Оренбурге с твоими супостатами? Не прикажешь ли свести его в приказную, да запалить там огоньку, мне сдается, что его милость подослан к нам от оренбургских командиров» (там же, стр. 348). Совет этот не выдает в его авторе какой-либо особой жестокости: пытка в XVIII веке, как Пушкин специально подчеркнул в двух параллельных сценах и специальном размышлении Гринева, входила в нормальную практику дворянского государства. Что касается до сущности недоверия Белобородова к Гриневу, то оно вполне оправдывается классовыми интересами крестьянской революции. Белобородов не верит Гриневу, потому что видит в нем дворянина и офицера, не признающего власти мужицкого царя, преданного интересам враждебного ему мира господ. Он имеет все основания заподозрить в Гриневе шпиона и, оставаясь в пределах интересов своего лагеря, совершенно прав. Этого не может не признать и Гринев: «Логика старого злодея показалась мне довольно убедительною. Мороз пробежал по всему моему телу.» (там же, стр. 348). Следует учесть, что характеристика Белобородова как злодея — дань социальной позиции Гринева, который оправдывает прибегающего к пытке капитана Миронова нравами эпохи. Тогда станет ясно, что стремление пугачевского «фельдмаршала» отождествить живого человека с его социальной группой и перенести на его личность весь свой — справедливый — социальный гнев, обращаться с каждым из представителей враждебного класса по политическим законам отношения к этому классу повторяет логику остальных героев произведения — мионовых, зуриных и др. По этим же законам действует и совсем не «злодей», а заурядный человек своего мира, Зурин. Одних слов: «Государев кум со своей хозяйшкой», — то есть свидетельства о принадлежности пойманных людей к миру восставших, ему достаточно, чтобы, не размышляя, отправить Гринева в острог и приказать «хозяйшку к себе привести» (там же, стр. 361). Но вот Гринев арестован, он приведен на суд. Его судьи — «пожилой генерал, виду строгого и холодного. и молодой гвардейский капитан, лет двадцати осьми, очень приятной наружности, ловкий и свободный в обращении» (там же, стр. 367) тоже поступают «по законам». Они видят в Гриневе только связанного с «бунтовщиками» политического противника, а не человека. Уверенность же Гринева в том, что ему удастся оправдаться, зиждилась совсем на иных основаниях — чувстве своей *человеческой* правоты. С точки зрения дворянских

законов Гринева, действительно, виноват и заслуживает осуждения. Не случайно приговор ему произносит не только дворянский суд, но и родной отец, который называет его «ошельмованным изменником». Показательно, что не позорная казнь, ожидающая сына, составляет, по мнению Гринева-отца, бесчестие, а измена дворянской этике. Казнь даже возвышает, если связана с возвышенными, для дворянина, умыслами и делами. «Не казнь страшна: пращур мой умер на лобном месте, отстаивая то, что почитал святынею своей совести; отец мой пострадал вместе с Волынским и Хрущевым. Но дворянину изменить своей присяге, соединиться с рабейниками, с убийцами, с беглыми холопьями» (там же, стр. 370).

Как только Гринева поняли, что судьям нет дела до человеческой стороны его поступков, он прекращает самозащиту, боясь впутать Машу в бесчеловечный процесс формалистического судопроизводства.

Везде, где человеческая судьба Маши и Гринева оказывается в соприкосновении с оправданными внутри данной политической системы, но бесчеловечными по сути законами, жизни и счастью героев грозит смертельная опасность.

Но герои не погибают — их спасает человечность. Машу Миронову спасает Пугачев. Ему нечем опровергнуть доводы Белобородова — политические интересы требуют расправиться с Гриневым и не пощадить дочь капитана Миронова. Но то чувство, которое примитивно, но прямо выразил Хлопуша, упрекнув Белобородова: «Тебе бы все душить, да резать <...> Разве мало крови на твоей совести» (там же, стр. 349) руководит и Пугачевым. Он поступает так, как ему велят не политические соображения, а человеческое чувство. Он милостив, следовательно, непоследователен, ибо отступает от принципов, которые сам считает справедливыми. Но эта непоследовательность спасительна, ибо человечность таит в себе возможность более глубоких исторических концепций, чем социально-оправданные, но схематичные и социально-релятивные «законы». В этом смысле особо знаменательно то, что Пугачев одобритительно отзывается о попаде, которая, спасая Машу, обманула пугачевцев — «хорошо сделала кумушка-попадья» (там же, стр. 356).

Судьба Гринева, осужденного и, с точки зрения формальной законности дворянского государства, справедливо, — в руках у Екатерины II. Как глава дворянского государства, Екатерина II должна осуществить правосудие и, следовательно, осудить Гринева. Замечателен разговор ее с Машей Мироновой: «Вы сирота: вероятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?» — Никак нет-с. Я приехала просить милости, а не правосудия» (там же, стр. 372). Противопоставление милости и правосудия, невозможное ни для просветителей XVIII в., ни для декабристов, глубоко знаменательно для Пушкина. Справедливость — следо-

вание законам — осуждает на казнь сначала Клавдио, а затем и самого Анжело, — милость спасает их. «И Дук его простил. . .» Петр «прощенье торжествует, как победу над врагом», «виноватому вину отпуская, веселится». Тема милости становится одной из основных для позднего Пушкина. Он включил в «Памятник», как одну из своих высших духовных заслуг, то, что он «милость к падшим призывал». «Милость», для Пушкина, — отнюдь не стремление поставить на деспотизм либеральную заплату. Речь идет об ином: Пушкин мечтает о формах государственной жизни, основанной на подлинно человеческих отношениях. Поэт раскрывает несостоятельность политических концепций, которыми руководствуются герои его повести, следующим образом: он заставляет их переносить свои политические убеждения из общих сфер на судьбу живой человеческой личности, видеть в героях не Машу Миронову и Петра Гринева, а «дворян» или «бунтовщиков». В основе авторской позиции лежит стремление к политике, возводящей человечность в государственный принцип, не заменяющей человеческие отношения политическими, а превращающей политику в человечность. Но Пушкин — человек трезвого политического мышления. Утопическая мечта об обществе социальной гармонии им выражается не прямо, а через отрицание любых политически-реальных систем, которые могла предложить ему историческая действительность — феодально-самодержавных и буржуазно-демократических («слова, слова, слова. . .»). Поэтому стремление Пушкина положительно оценить те минуты, когда люди политики, вопреки своим убеждениям и «законным интересам», возвышаются до простых человеческих душевных движений, — совсем не дань «либеральной ограниченности», а любопытнейшая веха в истории русского социального утопизма — закономерный этап на пути к широчайшему течению русской мысли XIX вв., включающему и утопических социалистов и крестьянских утопистов-уравнителей, весь тот поток духовных исканий, который, по словам В. И. Ленина, «выстрадал», подготовил русский марксизм.

В связи со всем сказанным приходится решительно отказаться, как от упрощения, от распространенного представления о том, что образ Екатерины II дан в повести как отрицательный и сознательно-сниженный. Для того, чтобы доказать этот тезис, исследователям приходится совершать грубое насилие над пушкинским текстом. Приведем один пример. Д. Д. Благой в богатой тонкими наблюдениями книге «Мастерство Пушкина» приводит обширную цитату из знаменитой сцены Маши Мироновой и императрицы в царскосельском парке, обрывая ее на словах: «Как неправда!» — возразила дама, вся вспыхнув», и комментируя: «От «прелести неизъяснимой» облика незнакомки, как видим, не остается и следа. Перед нами не приветливо улыбающаяся «дама», а разгневанная, властная императрица, от кото-

рой бесполезно ждать снисхождения и пощады. Тем ярче по сравнению с этим проступает глубокая человечность в отношении к Гриневу и его невесте Пугачева». ¹⁶ Однако «Капитанская дочка» — настолько общеизвестное произведение, что даже неподготовленному читателю известно: в повести Пушкина Екатерина II помиловала Гринева, подобно тому как Пугачев — Машу и того же Гринева. Что же после этого означают слова о том, что от нее «бесполезно ждать снисхождения и пощады»? В исследовательской литературе с большой тонкостью указывалось на связь изображения императрицы в повести с известным портретом Боровиковского. Однако решительно нельзя согласиться с тем, что бытовое, «человеческое», а не условно-одическое изображение Екатерины связано со стремлением «снизить» ее образ или даже «разоблачить» ее как недостойную своей государственной миссии правительницу. Пушкину в эти годы глубоко свойственно представление о том, что человеческая простота составляет основу величия (ср., например, «Полководец»). Именно то, что в Екатерине II, по повести Пушкина, рядом с императрицей живет дама средних лет, гуляющая по парку с собакой, позволило ей проявить человечность. «Императрица не может его простить», — говорит Екатерина II Маше Мироновой. Но в ней живет не только императрица, но и человек, и это спасает героя, а непредвзятому читателю не дает воспринять образ как односторонне отрицательный.

Ставить вопрос: на чьей из двух борющихся сторон стоит Пушкин — значит не понимать идейной структуры повести. Пушкин видит роковую неизбежность борьбы, понимает историческую обоснованность крестьянского восстания, отказывается видеть в его руководителях «злодеев». Но он не видит пути, который от идей и действий любого из борющихся лагерей вел бы к тому обществу человечности, братства и вдохновения, туманные контуры которого возникали в его сознании.

Темы: отношение Пушкина к социально-утопическим учениям Запада 1820—1830-х гг. и роль его в развитии русского утопизма ¹⁷ — не только не изучены, но и не поставлены. Между тем, вне этой проблематики многое в творчестве позднего Пушкина не может быть понято или получает неправильное истолкование. Настоящий очерк не ставит и не может ставить перед собой задачи изучения этих сторон творчества Пушкина, однако, не учитывать их невозможно.

Утопические идеи 1820—1830-х гг. при всем своем разнообразии имели некоторые общие черты: критику капитализма как

¹⁶ Д. Благой, Мастерство Пушкина, стр. 264.

¹⁷ «Утопизм» понимается здесь как широкое понятие, см.: Ю. Лотман, Истоки «толстовского направления» в русской литературе 1830-х гг., Ученые записки ТГУ № 119 (Труды по русской и славянской филологии, т. V), Тарту, 1962.

экономической системы, буржуазной демократии как политической системы, разочарование в политической борьбе, которую приравнивают буржуазному политиканству, разочарование в насильственной революции, как приводящей к буржуазным порядкам. Разочарование в парламентских формах политической жизни в сочетании с отсутствием ясного представления об исторических путях, которые могут привести к грядущему справедливому обществу, определило у определенной части утопистов преувеличенные надежды на правительство, особенно на личную власть, якобы, способную возвыситься над современным ему обществом. В этом отношении, например, показательна сложная диалектика отношения к правительству Белинского в конце 1840-х гг.

Весьма любопытно отношение к этому вопросу Пушкина — автора «Капитанской дочки».

В период «Полтавы» поэт, перед которым раскрылась закономерность как основная черта истории человечества, склонен был считать великим лишь того исторического деятеля, который победил в себе все случайное, индивидуальное, человеческое, слив свое «я» без остатка с прогрессивным историческим развитием. Но уже с «Героя», с его требованием оставить герою сердце, все более выдвигается вперед представление о том, что прогрессивность исторического деятеля измеряется степенью его человечности. У этого вопроса был и другой аспект. Начало 1830-х гг. — время роста антисамодержавных настроений Пушкина. В произведениях типа «Моей родословной» и «Дубровского» правительство, опирающееся на псевдоаристократию и чиновников, — основной враг. Царь — воплощенное государство, вершина его аппарата. Во вторую половину 1830-х гг. для Пушкина характерны утопические попытки отделить личность царя от государственного аппарата. Отделив его — живого человека — от бездушной бюрократической машины, он надеялся, сам ощущая утопичность своих надежд (в 1834 г. он писал в дневнике о безнравственности политических привычек Николая I: «Что ни говори, а мудрено быть самодержавным», XII, стр. 329), на помощь *человека*, стоящего во главе государства, в деле преобразования общества на *человеческой* основе, создания общества, превращающего человечность и доброту из личного свойства в государственный принцип. Таков Дук в «Анжело», Петр в «Пире Петра Великого». В этом смысле любопытно, и это отметил Ю. Г. Оксман, что в «Капитанской дочке» подчеркнута, по сравнению с «Историей Пугачева», роль Пугачева как руководителя народного государства. В «Истории Пугачева» Пушкин был склонен видеть в нём отважного человека, но игрушку в руках казачьих вожаков. Так, Пушкина привлекло «приватное извятие», якобы арестованный Пугачев «уличал» своих сподвижников, «что они несколько дней упрашивали (в

вариантах выразительнее: «тр<ебовали>») его принять на себя имя пок.<ойного> государя и быть их предводителем, от чего он отрицался, а наконец хотя и согласился, но все делал с их воли согласия, а они иногда и без и против его» (IX, кн. 2, стр. 771—772). Из тех же соображений Пушкина привлек рассказ о гибели любимца Пугачева Карницкого: «Уральск.<ие> каз.<аки> из ревности в Тат.<ишевой> посадили его в куль да бросили в воду. — Где Карн.<ицкий>, — спросил Пугачев. — Пошел к матери по Яику, отвечали они. Пугачев махнул рукой и ничего не сказал. — Такова была воля яиц.<им> казакам!» (Там же стр. 496).

В «Капитанской дочке» Пугачев наделен достаточной властью, чтобы самостоятельно и вопреки своим сподвижникам спасти и Гринева, и Машу Миронову. Пушкин начинает ценить в историческом деятеле способность проявить человеческую самостоятельность, не раствориться в поддерживающей его государственной бюрократии, законах, политической игре. Прямое, без посредующих звеньев, обращение Маши к Екатерине II, доступность и человечность Дука, который не ставит между жизнью и собой мертвой фикции закона, независимость Пугачева от мнений своих «пьяниц», которые «не пощадили бы бедную девушку» (VIII, кн. 1, стр. 356) обеспечивают счастливые развязки человеческих судеб.

Было бы заблуждением считать, что Пушкин, видя ограниченность (но и историческую оправданность) обоих лагерей — дворянского и крестьянского — приравнивал их этически. Крестьянский лагерь и его руководители привлекали Пушкина своей поэтичностью, которой он, конечно, не чувствовал ни в оренбургском коменданте, ни во дворе Екатерины. Поэтичность же была для Пушкина связана не только с колоритностью ярких человеческих личностей, но и с самой природой народной «власти», чуждой бюрократии и мертвящего формализма.

Русское общество конца XVIII века, как и современное поэту, не удовлетворяет его. Ни одна из наличных социально-политических сил не представляется ему в достаточной степени человеческой. В этом смысле любопытно соотношение Гринева и Швабрина. Нельзя согласиться ни с тем, что образ Гринева принижен и оглушен в роде, например, Белкина в «Истории села Горохина», ни с тем, что он лишь по цензурным причинам заменяет центрального героя типа Дубровского-Шванвича.¹⁸

Гринева — не рупор идей Пушкина. Он русский дворянин, человек XVIII века с печатью своей эпохи на челе. Но в нем есть

---

¹⁸ «Для того, чтобы обеспечить прохождение «Капитанской дочки» в печать, Пушкин должен был пойти на расщепление образа дворянина-интеллигента в стане Пугачева. Положительными чертами Шванвича наделен Гринева, а отрицательными — Швабрин» (Ю. Г. Оксман, цит. соч., стр. 76).

нечто, что привлекает к нему симпатии автора и читателей: он не укладывается в рамки дворянской этики своего времени, для этого он слишком человечен. Ни в одном из современных ему лагерей он не растворяется полностью. В нем черты более высокой, более гуманной человеческой организации, выходящей за пределы его времени. Ответ пушкинской мечты о подлинно человеческих общественных отношениях падает и на Гринева. В этом — глубокое отличие Гринева от Швабрина, который без остатка умещается в игре социальных сил своего времени. Гринева у пугачевцев на подозрении как дворянин и заступник за дочь их врага, у правительства — как друг Пугачева. Он не «пришелся» ни к одному лагерю — Швабрин к обоим: дворянин со всеми дворянскими предрассудками (дуэль), с чисто сословным презрением к достоинству другого человека, он становится слугой Пугачева. Швабрин хуже, чем рядовой дворянин Зурин, который, воспитанный в кругу сословных представлений, не чувствует их бесчеловечности, но служит тому, в справедливость чего верит.

Для Пушкина в «Капитанской дочке» правильный путь состоит не в том, чтобы из одного лагеря современности перейти в другой, а в том, чтобы приподняться над «жестоким веком», сохранив в себе гуманность, человеческое достоинство и уважение к живой жизни других людей. В этом для него состоит подлинный путь к народу.

АТЕИСТИЧЕСКАЯ ТЕМА В «БОРИСЕ ГОДУНОВЕ»

А. ТЕПЛОВ

с. Михайловское, Пушкинский заповедник

Вряд ли во всей русской литературе XIX века можно найти поэта, у которого творчество было бы столь же насыщено воинствующим атеизмом, как у Пушкина. Изучение этой проблемы, помимо своей общественной актуальности, является очень существенным для раскрытия мировоззрения великого поэта.

Первостепенный интерес в этом плане представляет собою «Борис Годунов». Пожалуй, это вершина пушкинского атеизма. В этой трагедии в связи с атеистической темой решаются ее основные идеи. Такой подход диктовался спецификой самого материала. Нельзя было иначе отразить суть характеров и событий избранной поэтом эпохи, эпохи средневековья, когда общественная идеология почти исключительно воплощалась в религиозных формах.

Достоин внимания такой примечательный факт. Мы знаем три ответа Пушкина на критику и на советы друзей, относящиеся к освещению исторических материалов в трагедии, и все эти три отклика, так или иначе, касаются религиозных вопросов.

Пушкин писал Н. Н. Раевскому: «Грибоедов критиковал мое изображение Иова — патриарх, действительно, был человек большого ума, я же по рассеянности сделал из него дурака».¹

Суть, конечно, не в «рассеянности»: это сказано Пушкиным, как часто у него бывало, для красного словца. Ведь позже он не сделал никакой попытки исправить свою «ошибку». На деле у него был глубокий замысел. Обратимся к трагедии и посмотрим, что дает повод говорить о глупости патриарха. Вот его восклициание при известии о бегстве Гришки: «Уж эти мне грамотей! Что еще выдумал! .. Буду царем на Москве . . . Ведь это ересь, отец Игумен. — Ересь, святой владыка, сущая ересь».²

¹ Пушкин, Полное собрание сочинений, АН СССР, 1941, т. 14, стр. 396.

² Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 24.

Не будем уж говорить о боязни перед «грамотеями»; интересно, что патриарх делает грубую логическую ошибку: он смешивает разнородные предметы — политику и религию. В самозванстве Григория нет решительно никакого нарушения церковных догматов, и объявление его «еретиком» означает вопиющее нарушение и буквы и духа христианской веры. Конечно, вряд ли реальное историческое лицо, патриарх Иов, рассуждал так наивно и был столь простоват, каким изобразил его Пушкин. Но самое важное не то, что говорят, а то, что делают. А делают вот что: в известном царевом указе пишется: «... недостойный чернец Григорий, из роду Отрепьевых, впал в ересь и дерзнул, наученный диаволом, возмущать святую братию всякими соблазнами и беззакониями».³ Как мы видим, ошибка Иова повторяется в официальном документе. Тому была основательная причина. Ведь если бы в указе сказать правду, сказать о замыслах Отрепьева выдать себя за убитого царевича, то это, несомненно, внесло бы смуту в умы. Выход был найден: истинное положение дел было скрыто, а Григория приписали небывалую ересь, опасную якобы только для «святой братии». Выходит, «глупое», ошибочное с точки зрения отвлеченно взятых догматов религии оказывается умным и дальновидным с позиций реальной политики. Ошибка Иова — это не заблуждение, не простая погрешность против формальной логики, но проявление логики более сильной, логики материальных вещей, необходимо вытекающей из самой сути всего социального и политического строя. Отказываясь от натуралистической правды в изображении исторического лица, Пушкин вскрывает объективную закономерность, показывает доминанту характера церковных деятелей и всей церкви в целом. Эта идея была справедлива не только для XVII-го, но и для XIX века, она справедлива — в капиталистическом мире — вплоть до наших дней.

Конечно, Пушкин мог бы прибавить ума своему незадачливому герою, но это означало бы изобразить его циником, сознательно нарушающим законы той веры, которую он проповедует другим. Цензура не позволила бы этого сделать. Однако в суровой необходимости поэт обрел свободу. Не греша против художественной правды, он вскрывает новую, и немаловажную, сторону действительности. Далеко не все деятели церкви были сознательными законченными лицемерами. Встречались среди них и такие, которые обслуживали государственную машину бессознательно, более или менее, искренне воображая себя слугами господ-бога. Подобный и важный жизненный тип и вывел Пушкин в Иове.

При обрисовке гражданских лиц цензурные рогатки были менее стеснительны, и Пушкин имел возможность раскрыть суть

---

³ Там же, стр. 35.

дела глубже и острее. В сцене боярской думы прожженный политик Шуйский недвусмысленно подчеркивает, что вера — это орудие мирской власти, однако, добавляет он, применять это орудие следует умно, учитывая реальную политическую обстановку. Это самое делает и самозванец. Он «равнодушен» к религии самой по себе, ему безразличны догматы враждующих между собою православия и католичества, и отречение от русской веры для ловкого и дерзкого авантюриста — всего навсего разменная монета в его крупной политической игре.

Гаврила Пушкин, человек реалистического, активного ума, прекрасно знает, что Дмитрий — это «смелый плут», «бесстыдный самозванец» и присоединяется к нему из корыстно-политического расчета и из страсти к приключениям, присущей его «мятежной» натуре. А когда надо, он поступает на манер Иова, с той лишь разницей, что он не так глуп, чтоб верить тому, в чем уверяет других. Вот его велеречивое возглашение народу:

Вы знаете, как промысел небесный
Царевича от рук убийцы спас;
Он шел казнить злодея своего,
Но божий суд уж поразил Бориса,
Димитрию Россия покорилась...
Не гневайте ж царя и бойтесь бога,
Целуйте крест законному владыке...⁴

К власти приходят люди новые, а их средства политики, их религиозные ложь и лицемерие остаются старыми, ибо по-прежнему церковь является незаменимым и очень удобным орудием гнета.

Очень сложен образ Бориса. Это человек религиозный, хотя его вера своеобразна и ограничена известными рамками. Когда он поминает бога? Только в случаях столкновений с жестокой стихией природы: его удручает, что бог «наслал глад», бог послал смерть жениху Ксении... В последнем случае Борис ропщет и доходит даже до какого-то бунта; пусть один и грешен, но почему кара обрушивается на других, на чистых и невинных? Где же справедливость и милосердие божии? Вспоминает Борис о загробном «спасении» и на смертном своем одре. Однако даже в такие минуты его больше волнуют государственные дела, и до последнего дыхания он оттягивает «священный» церковный обряд, не страшась риска «погубить» душу, не «очистив» ее покаянием и принятием схим.

Когда же перед Борисом возникают социальные и государственные вопросы, он забывает бога. Так, кризис государства он объясняет причинами хозяйственными (разрухой от глада, мора,

---

⁴ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 95.

и пр.), а также психологическими и политическими — неблагодарностью народа в ответ на царские благодеяния; он жалуется, что живая власть для черни ненавистна и т. п. Пусть умозаключения Бориса не во всем правильны и не всегда искренни, но его подход к делу, в основном, реалистичен; он исключает влияние на общественные события каких бы то ни было потусторонних сил.

Вполне, после этого естественно, что Борис прозаически, поделовому относится к церкви: это для него — голое политическое средство, одно из многих, чтобы держать народ в повиновении — и ничего больше. Несомненно, по его воле, прямо или косвенно выраженной, патриарх услужливо сочиняет молитву за царя, которую подданным приказано зачитывать при всяких подходящих и неподходящих случаях. Характерно, что в этой молитве Борис объявлен как избранный богом на царство. Но сам он в это явно не верит и в разговоре с Шуйским обосновывает свои права на престол иначе, — народным избранием. В рассчитанном на политическое воздействие обращении к народу упор делается на божественное, а боярину, которого на такой мякине не проведешь, приходится приводить более весомые аргументы, ссылаться на волю людей (разумеется, из верхов), а не на волю бога.

У Бориса Годунова выдающийся ум и в то же время его кругозор ограничен рамками эпохи, он неспособен познать события до конца верно, и, естественно, они порой рисуются ему во многом темной и ужасной стихией, которая подобна непонятной и губительной силе природы, насылающей глад и мор. Когда у Бориса обнаруживается бессилие мысли, это толкает его к религии. К какой? К языческой, а не христианской. В своих попытках узнать будущие свои судьбы Борис зовет к себе колдунов. Почему же он не обращается за помощью к представителям религии православной, более высокой и развитой, которую он исповедует? Можно думать, эта странность объясняется тем, что в попах и монахах царь видел не доверенных бога, а только своих излишне покорных и угодливых слуг: разве можно было ожидать от них правды?

Вспомним теперь высказывание Пушкина о Борисе в его письме к П. А. Вяземскому: «Благодарю тебя за замечание Карамзина о характере Бориса. Оно мне очень пригодилось. Я смотрел на него с политической точки, не замечая поэтической его стороны; я его засажу за евангелие, заставлю читать повесть об Ироде и тому подобное».⁵ И все же, сказав эту приятность в адрес Карамзина, Пушкин опять-таки своего обещания не выполнил. Понятно, почему. Это означало бы усложнить и тем самым затемнить «политическую точку» зрения не только на

---

⁵ Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 13, стр. 226—227.

Бориса, но и на религию. Кроме того, сказание об Ироде было уже использовано, но совсем не в карамзинском духе. По-другому, в другом месте была отражена в трагедии и «поэтическая сторона» религии. Попутно заметим, что поэт склонен был ее преувеличивать.

* * *

Из царских и патриарших палат, с шумной площади Пушкин переносит нас в монашескую келью, к старцу, стоящему вне борьбы низменных честолюбий и грязной корысти верхов, к человеку искренне и глубоко религиозному, чуждому сознательному и бессознательному лицемерию церковных и светских политиканов. Перед нами полная отрешенность от плотских, оскверненных грязью мира страстей, а значит и свобода от мучительных противоречий души, эпическое спокойствие и непоколебимая уверенность в себе и в правоте своего суда над людьми, суда без тени личных эгоистических пристрастий. Действительно, фигура Пимена величава. Кстати сказать, в этом образе Пушкин в известной мере отразил прогрессивную, культурно-историческую роль монастырей и вообще церкви в древней Руси.

Вместе с тем аскетизм Пимена идет не от изуверства какого-нибудь фанатика, не от молитвенного упоения полуидиота Федора и им подобных людей, лишенных нормальных человеческих влечений. У Пимена сильная страстная натура: когда-то он полной мерой вкусил сладость и горечь земной жизни. И, вероятно, лишь какая-то личная катастрофа загнала его в монастырь, вынудила искать утешения в религии. Недаром во сне его душа, выходя из-под контроля сознания, сознания религиозного, волнуема ушедшими в прошлое «утехами» полнокровной жизни. Близки ему и понятия переживания юноши-монаха, у которого «младая кровь играет».

Григорий грубо ошибался, думая, что святой отец, его наставник

Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева...⁶

Нет, Пимен совсем не таков. Присмотримся к ходу его мысли. Он говорит о целях своего летописания:

Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают

---

⁶ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 18.

За их труды, за славу, за добро, —
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют...⁷

Как же летописец следует этой своей установке в оценке двух хорошо знакомых ему самодержцев? Ему было известно, что у Бориса никогда не было безумного неистовства Ивана Грозного в мучительствах и казнях, когда страдали и гибли больше невинные, чем виновные. Правда, Бориса народная молва обвиняла в цареубийстве, но это мог быть оговор, а вот в отношении Ивана Грозного было точно доказано, что на его душе лежал такой же, даже еще более тяжкий грех: он обагрил свои руки кровью царевича, притом собственного своего сына. Все это знал, не мог не знать Пимен. И что же? Об Иване он говорит сочувственно и даже с симпатией, а Бориса прокликает, предвещая божьи кары всему народу за его, ничем не доказанное преступление. У Бориса отнимается благодарность за его «труды, за славу, за добро», действительно принесенные им Руси; все это ставится в заслугу Феодору, а так как царь-богомолец явно был негоден к государственным делам, то все хорошее относится за счет воли и милости господней.

Мы убеждаемся, что Пимен фанатически пристрастен, у него нет и тени объективности, а тем более, логической последовательности. Чем это можно объяснить?

В Угличе он видел народный самосуд над Битяговским и другими, обвиненными в убийстве царевича. Яркое, незабываемое впечатление от ярости толпы, воспринятая от народа и органически усвоенная ненависть к Борису — это для Пимена неопровержимые аргументы; их бессильны поколебать какие угодно логические доказательства, какие угодно факты о благой деятельности Годунова. Впрочем, логика для монаха вообще не имеет цены. Пимен отрицает разум, он судит «не мудрствуя лукаво». (VII, 23) Бессознательность его восприятия рождает в нем иллюзию, что его устами глаголет не он сам, не земной человек, а некая небесная сила.

Что же оказывается? Подмен государственного религиозным, тот подмен, который так беззастенчиво используют в своей нечистой игре владыки мира сего, у Пимена выступает как искреннее убеждение честного человека. Это не индивидуальное нечто, а типичное общественное явление. Оно характерно и для широких масс.

Именно с этой точки зрения Пушкин вскрывает земную основу обожествления царя. Характерно, что это он делает устами простого человека, а не через Пимена, удаленного от бурной

---

⁷ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 17*

практики жизни. В сцене у Новодевичьего монастыря человек из народа восклицает:

А царство без царя
Как устоит — подымется раздор,
А хищный хан опять набег готовит...
Кто отразит поганую орду...
О горе нам — ...⁸

Здесь, — в словах, не выдуманных поэтом, а выхваченных им из жизни «века минувшего», — передано выстраданное за века понимание народом прогрессивной роли московского централизованного государства. Оно — узда для феодального разбоя и усобиц внутри страны, защита от грабительских нашествий извне ее.

Отсюда проливается свет на глубокие причины остервенения масс в Угличе. Вот как примерно можно себе представить ход мысли народной: кому выгодно поднять руку на царевича? Конечно, боярам, заклятым врагам крепкой царской власти. И сразу же всплыло имя Бориса, и он мгновенно и навсегда был осужден. Много лет протекло, и в темной келье вновь вершится этот суд. Пусть дряхлый, младенчески простодушный и смиренный монах неспособен к борьбе и страшно далек от нее, но его устами высказано «мнение народное», и в нем ужасная угроза для Бориса. Пусть пока все перед ним трепещут, но он уже обречен.

Надвинулся общественный кризис, и царистская идея наполняется социальным содержанием, — в ней дышит протест против отмены Юрьева дня, гнев против усиления крепостничества. Как известно, именно этот факт показан Пушкиным как основная движущая сила событий.

Напряжение нарастает. Крамольные речи звучат уже на площадях. По понятным причинам Пушкин вывел на сцену лишь то, что выражалось не в прямой, а в религиозной форме. И вновь вскрывается разноречивость и отсутствие логической связанности в древнем мышлении.

В Кремле, выходящий из собора человек, услышав, что царевичу Дмитрию поют «вечную память», негодуя, грозит попом: «вечную память живому! Вот уж будет им безбожникам».⁹ Интересно, что прислужничество церкви преступному царю клеймится как кощунство, как грех против веры. Минутами позже, у того же собора, происходит столкновение всемогущего царя и Николки. Юродивый всенародно возглашает: нет прощения «царю-Ироду». Двумя лицами высказываются две взаимоисключающие версии: царевич жив, он же убит. Но эти про-

⁸ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 273.

⁹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 76.

тивоположности относительны. В них равно воплощена одна и та же, роковая для Бориса идея, идея, ведущая к низвержению его самого и его династии. Эта идея созрела и стала духовным оружием масс именно потому, что народному терпению пришел конец. В этом основа силы и залог победы самозванца: его появление отвечало назревшей социальной потребности.

Но еще до появления самозванца Борис, чувствуя, что он развенчан в душе народной, невозможность править по-старому, он ощущает, как его мощь становится все более и более призрачной, он теряет уверенность в себе и во всем. Когда-то он хладнокровно слушал об убиении младенца, а теперь (только теперь!) проснулась совесть, спавшая до того, и при одном упоминании имени Дмитрия царя охватывает смятение.

И вот пришла развязка. Годуновы свергнуты. Но все остается по-старому. Тому есть и идейные причины. Мысль народа порождена реальным миром и отражает его. Но все же она крайне смутна и отягощена глубокими заблуждениями. Все хорошее, прогрессивное в государстве отождествляется с идеальным образом царя, он гиперболизируется, ему придается непомерное значение.¹⁰ Отсюда — только один шаг до религиозного, до слепого культа, его создают, и он приобретает огромную власть над сознанием народным. Реальные интересы масс выражаются в затемненной фантастической и крайне ущербной форме. Иначе и быть не могло. Энгельс указывал, что в средние века массовые идеи, даже демократические, необходимо выступали в религиозном облачении. Это свидетельство отсталости мысли простого человека, обусловленной отсталостью жизни. Поэтому-то, между прочим, политический и религиозный обман, идущий сверху, слишком часто с верой воспринимался в низах. В этом заключалась великая трагедия народа, и не только в XVII веке, её понял и глубоко вскрыл Пушкин. Горечью дышат его слова: «Люди умные обратили внимание на политические мнения Пимена и нашли их запоздалыми». К несчастью, эти «мнения», отражая крестьянскую веру в царя, были актуальны и через двести лет после пименовских времен.

* * *

Поразительна глубина и объемность видения Пушкина. В каждом его образе «бездна пространства». Это можно сказать и о раскрытии им сути религии. Она представлена не плоско, а объемно, как сложный сплав национальных, политических и моральных моментов.

¹⁰ Даже восстание Болотникова шло под знаменем «царя» Петра Федоровича. Это было уже после недавних опытов народа с тремя царями — с Борисом, Лжедмитрием и Шуйским.

¹¹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 68.

Вспомним сцену в корчме. Перед нами на сцену выходят колоритные фигуры. С одной стороны, государевы пристава: службу свою несут они из рук вон плохо, зато успешно «обирают... бедных». С другой стороны, — бродяги-монахи, мирские захребетники; они выманивают у народа тяжелые трудовые копейки, якобы, на церкви божии, а на деле — на пропой души.

Те и другие как будто друг друга стоят. Это на наш взгляд. А у Пушкина древние люди судят иначе. Хозяйка корчмы срамит слуг царевых на чем свет стоит, это и естественно, но странно, что она пьяниц-монахов принимает сердечно и потчует, как дорогих гостей. Такое поведение решительно не вяжется со здравым смыслом. И тем не менее оно обосновано.

Присмотримся же к образам монахов. Что характерно для Варлаама? Он числится в рядах Христова воинства, пользуется его выгодами, а сам зло издевается над попощиной и ненавидит всяческий аскетизм. С негодованием встречает он отказ Григория от выпивки: навязался, де, в товарищи, а сам разгрызает «постника», а это в глазах Варлаама — нечто отвратительное, порочащее любого человека. Гнев меняется на милость, когда монаху показалось, что Григорий один грех предпочел другому: «эй, товарищ! — восклицает он, — да ты к хозяйке присуседелся. Знать, не нужна тебе водка, а нужна молodka, дело, брат, дело».¹²

Все эти зазорные выходки ничуть не коробят хозяйку корчмы, не умаляют ее симпатий к «честным отцам». Такое поведение простодушной женщины, несомненно, типично. Варлаам сыт и пьян за счет простых людей, и он скоро прикусил бы язык, если бы встречал от своих слушателей отпор, а не сочувствие.

Возникает вопрос: не выражает ли забулдыга-монах какие-то думы и чаяния народные? Так оно и есть. Ядовитое балагурство Варлаама заострено против религиозного учения о «греховности», об «умерщвлении плоти», в нем возвеличивается право человека на земное счастье здесь, в этой жизни, и отменяются обещания загробного блаженства там, на небесах. Перед нами, пусть и грубая, наивно-стихийная, теоретически-неосознанная, но материалистическая идея, идея, отвергающая основные догматы христианства, столь выгодные верхам, и потому близкая простому труженику, и она всегда, хотя бы в зародыше, живет в душе народной.

В определенных условиях эта идея развивается, выходит из сферы быта, из рамок жизни индивида и насыщается взрывчатым социальным содержанием: она освобождает умы от гипноза религиозного освящения всяческого гнета и помогает массам подняться на борьбу за свои материальные интересы. Именно такие исторические условия отражает пушкинская трагедия.

---

¹² Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 30.

Отсюда следует: сцена в корчме — это не простая интермедия с показом оригинально-гротескных типов, помогающая, одновременно, раскрыть некоторые черты характера главного героя. Нет, основное и решающее в данной сцене — это отражение (пусть в парадоксальной и косвенной форме) большой народной идеи в пору «великих мятежей».

Смешно было бы подумать, что Варлаам как-то отдает себе отчет о возможности крамольно-бунтовщических выводов из своей бесшабашной философии: он думает лишь о своей утробе. Больше того, понося поповщину, он нисколько не чурается поповского лицемерия. При случае, например, чтобы отделаться от вымогателей-приставов, он показывает себя мастером таких вот постноблагочестивых обличений: «Плохо, сыне, плохо! ныне христиане стали скупы; деньгу любят, деньгу прячут. Мало богу дают. Прииде грех великий на языцы земнии. Все пустились в торги, мытарства; думают о мирском богатстве, не о спасении души». ¹³ Характерно, что хозяйка корчмы прощает монаху его криводушие: она как бы считает, что в обращении с царевыми приставами все средства хороши, все оправданы.

И все же, при всей грязной циничности своего поведения, Варлаам выше и человечнее высокоморальных «постников» и других святош в духе строгой религии.

* * *

Антиаскетическое «вольнодумство» народа имеет глубокие исторические корни, и они тонко раскрыты Пушкиным.

Варлаам, отчитывая «постника» Гришку, резко бросает ему: «хочешь жить, как мы, милости просим, — нет, так убирайся: скоморох попу не товарищ». ¹⁴

Что такое скоморох? Это носитель народного, уходящего в глубокую древность искусства, того искусства, которое церковь (и не без оснований) приравнивала к язычеству. А эта старая, общинно-племенная религия не только противостояла православию, но нередко давала и знамя борьбы против нарождающегося феодализма с его княжеской властью. Прежде всего поэтому так жестоко преследовались волхвы. Однако по социальным и другим причинам язычество оказалось очень живучим и продолжало существовать века и века. Как мы знаем, сам царь Борис грешил двоеверием.

Не менее, чем волхвов, власть и церковь искореняли скоморохов. Им, пожалуй, приходилось более туго. И все же эти разгульные пересмешники, плясуны, певцы, музыканты, композиторы, поэты и сказители, долго держались, опираясь на любовь

¹³ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 32.

¹⁴ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 29.

народа. Они сохраняли и развивали художественные традиции старины, а больше всего — буйную жизнерадостность, исключаящую всякий аскетизм, дополненную издевками над поповщиной, так им ненавистой. И сдаётся, наш Варлаам смолоду был не кем иным, как скоморохом: он на деле таким и остался под монашеской рясой. Эта личина напаялена им на себя явно по нужде: ведь по душевному своему призванию он художник.

Когда предка Пушкина спросили, что такое п и и т, он это иноземное слово перевел древним русским словом скоморох.¹⁵ Что же, Варлаам — поэт, и недюжинный. Он говорит ярко, сжато и содержательно, то и дело переходя на звучные стихи. И все это без позы, непринужденно, из внутренней душевной потребности. Народ, ценитель живой поэтической речи, особенно речи, брызжущей весельем и сатирой, уже за одно это многое прощал седому греховоднику.

В облике этого жизнелюбца есть сходные черты с подобными же героями фольклора и литературы западно-европейского Возрождения, той эпохи, когда, разбивая оковы церкви, мощно возрождалась древняя «языческая» культура, античная и народная. Этот всемирно-исторический процесс шел и на Руси. Пушкин его отражал в специфически-национальных формах.

* * *

Всем ясна первостепенная для художника роль жизненного материала по сравнению с литературными источниками. О необходимости соответствующего изучения часто говорят, но редко это делают. Задача очень уж трудна. В нашем случае она легче. Мы довольно много знаем о живой жизни, окружавшей поэта в деревенской ссылке.

Именно в Михайловском Пушкин впервые дружески-тесно сближается с простым трудовым народом, познает его разум и предрассудки. С одной стороны, перед ним раскрывается мудрость народной практической мысли и поэзии с их наивно материалистическими, даже атеистическими тенденциями. С другой стороны, поэт столкнулся с наивной ограниченностью мысли крестьянина, с его ложными иллюзиями, с его дикими суевериями. Весьма вероятно, встречал он тут и юродивых, чем-то напоминающих Николку древнего Пскова.

Именно в Михайловском, как «богоотступник», со тщанием опекаемый «святými» отцами, Пушкин особенно близко узнал практику официальной и закулисной деятельности церкви через свои, порой довольно тесные (вплоть до интимных выпивок), связи с духовными лицами, начиная от епископа и игумена и кончая сельским попом Шкодой и бродячими монахами.

---

¹⁵ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 269.

Добавим, что в этой среде Пушкин, конечно, превосходно освоил своеобразный «бурсацкий» фольклор типа «Калязинской челобитной», «Сказания о бражнике» и т. п. Подобные, слишком редко записываемые творения бытовали вплоть до советского времени.

Весь этот материал Пушкин впитывал и осмысливал с широкими идейными позициями, и это помогло ему глубоко «прочитать» исторические и другие источники, вскрыть в них потаенное, невидимое для обычного глаза содержание, и воплотить в образах «минувший век во всей его истине»,¹⁶ а одновременно, поставить и художественно решить важные мировоззренческие проблемы.

---

¹⁶ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 181.

ПУШКИН — ЧИТАТЕЛЬ ТРИГОРСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Т. МАЛЬЦЕВА,

зав. библиотекой Пушкинского заповедника

Никакой исследователь жизни и творчества Пушкина не может пройти мимо вопроса о том, что же читал Пушкин и как чтение определенных книг отразилось в его творчестве. Вот почему понятно то внимание, которое уделялось изучению состава его библиотеки. Каталог ее был составлен Б. Л. Модзалевским в 1910 году. В этот каталог входят, как известно, книги, сохранившиеся после смерти поэта. А что читал Пушкин в Михайловском? Об этом, к сожалению, мы можем судить только по ряду косвенных данных. Сам Пушкин говорил, что прочитал в Михайловском «12 телег книг». Это подтверждает в своем письме Пушкину и Арина Родионовна. Очевидно, какая-то часть этих книг внесена в каталог Б. Л. Модзалевского. Но зато было много и других книг, когда-то перешедших в другие руки и утерянных для нас. Мы не знаем, как набралось в Михайловском такое значительное число книг. Ведь с юга Пушкин не мог привезти большого количества литературы. И хотя книги ему, конечно, присылались нередко («Книг — ради бога книг!» — просит он брата),¹ но за два года вряд ли можно было набрать их «12 телег». Может быть, в Михайловском находилась часть библиотеки Сергея Львовича? Но почему тогда Пушкин считал эти книги своими? Все это должно быть выяснено при дальнейшем исследовании. В настоящее время мы остановимся на вопросе о том, что же читал Пушкин, кроме тех книг, которые были у него в домашней библиотеке.

Есть ряд свидетельств о том, как широко Пушкин пользовался библиотекой своих тригорских друзей. Е. И. Фон категорически заявляет: «И книг у него своих в Михайловском почти

---

¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, АН СССР, М, 1937—1949, т. 13, стр. 120.

не было, больше всего читал он у нас в Тригорском, в библиотеке нашего дедушки по матери, Вындомского».²

Конечно, поскольку нам известно о большой собственной библиотеке Пушкина, это заявление следует считать справедливым лишь в отношении к позднейшим приездам Пушкина в Михайловское, после окончания ссылки, когда его библиотека была вывезена. В 1835 году Пушкин писал жене из Михайловского: «вечером езжу в Тригорское, роюсь в старых книгах, да орехи грызу».³ Несомненно, и во время ссылки Пушкин брал в Тригорском те книги, которых у него не было дома. Вряд ли у Пушкина был какой-то третий источник получения книг на месте.

Всего в каталогах библиотеки Пушкина и тригорской библиотеки имеется 27 одинаковых книг, причем из этого количества 16 книг разных лет и мест издания. И у Пушкина и у тригорских обитателей были книги наиболее выдающихся русских писателей 18-го века — Сумарокова, Княжнина, Хераскова, Ломоносова, Державина и др., а также произведения Байрона, Шекспира, Шиллера, Гете. Но таких книг было всего 27. Вот почему ответить на вопрос, что же читал Пушкин в Михайловском, нельзя, не изучив вместе с составом библиотеки Пушкина также и состав тригорской библиотеки.

Впервые о тригорской библиотеке рассказал в 1866 году М. Семевский в своей известной статье «Прогулка в Тригорское».⁴ Он, как известно, обратил внимание на пять больших шкафов, где хранилось много редких книг, в основном 18-го века, в том числе ряд новинок изданий: «Деяния Петра Великого» И. И. Голикова, альманахи «Северные цветы», издаваемые А. Дельвигом, первые издания отдельных глав «Евгения Онегина» и т. д. В то же время Семевский подчеркнул, что в библиотеке совсем нет новых книг.

После смерти А. Н. Вульфа в 1881 году составлена посмертная опись его имущества. (Она хранится в рукописном отделе ИРЛИ). Среди разных вещей в опись включена и библиотека, но она описана поверхностно и далеко не полностью (частично суммарно, частично указаны отдельные книги, но без соблюдения общепринятой формы описания). Позже библиотека оставалась в Тригорском. В 1902 году Б. Л. Модзалевский был специально командирован Пушкинским комитетом в Тригорское для исследования этой библиотеки. К этому времени в ее составе произошли некоторые изменения. Б. Л. Модзалевский не на-

---

² В. П. Островский, Пушкинский уголок, М, 1899, стр. 114.

³ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, АН СССР, М, 1937—1949. т. 16, стр. 52.

⁴ Санктпетербургские ведомости, 1886, № 139, и след.

шел в ней «... ни «Деяний Петра Великого», ни комплекта «Северных цветов», ни «Евгения Онегина»...»⁵

Б. Л. Модзалевский составил каталог, где числится 344 номера (нередко под одним названием указаны издания многотомные; некоторые книги описаны суммарно, например: «несколько словарей» и пр.) Исследователь не придерживается алфавитного порядка. Каталог он делит на следующие части: 1) Изящная литература, 2) Руководства, детские книги и учебники, 3) История и вспомогательные науки, 4) Естественные науки, медицина и география; 5) Богословие, философия, политика, 6) Смесь.

В эту опись не входит 21 книга из описи 1881 года, очевидно, утраченные за это время и еще 88 названий, в основном, издания послепушкинского времени, не интересовавшие Модзалевского. В архиве Шляпкина, хранящемся ныне в рукописном отделе ИРЛИ, есть запись Лебедева о том, что в 1910 году видел в Тригорском около 1000 книг («Хотя Модзалевский увез многое») в пяти больших шкафах черного дерева. «Не здесь ли вдохновлялся Пушкин» — задает он вопрос.⁶ Наконец, в 1913 году тригорская библиотека была передана ее владельцами, наследниками Е. Н. Вревской, Пушкинскому Дому и привезена в Петербург М. Л. Гофманом. В настоящее время книги из тригорской библиотеки находятся в составе библиотеки ИРЛИ.

Итак, можно считать, что во время Пушкина в Тригорском была библиотека более чем из 1000 книг. (Учитывая, что часть книг была утрачена и сравнительно немного было приобретено в послепушкинское время). Она не могла не привлечь к себе внимания Пушкина при первом же знакомстве его с Тригорским и его обитателями.

Что же представляла собой Тригорская библиотека? Конечно, ее состав был обусловлен духовными интересами ее собирателей и владельцев. Основателем библиотеки являлся отец П. А. Осиповой, А. М. Вындомский, человек по тем временам культурный, с широкими интересами, не чуждый даже занятий стихотворством. В журнале «Беседующий гражданин» за 1789 год (часть II, стр. 22) помещено его стихотворение «Молитва грешника кающегося»; в альбоме П. А. Осиповой в 1810 году он вписал также один свой сонет. Можно считать, что он собрал более двух третей всего состава библиотеки. Им приобретались книги изданий второй половины 18 века, в большинстве своем на французском, немецком и итальянском языках. Это были сентиментальные романы (произведения Ричардсона, Руссо и др.), которыми так зачитывалась тогда Европа,

---

⁵ Б. Л. Модзалевский, Поездка в Тригорское, «Пушкин и его современники», вып. I, Спб, 1903, стр. 11.

⁶ ИРЛИ, р. о., ф. 244, оп. 30, № 2.

«путешествия», трагедии, комедии, либретто опер. множество альманахов и т. д. Но кроме этой, такой обычной по отбору в то время литературы, Вындомский собрал также значительное число книг по истории, философии, политике, а также ряд книг по естествознанию (география, ботаника и т. п.). Несколько книг о Китае, о Конфуции и даже китайский букварь говорят об интересе Вындомского к этой далекой и такой неведомой в то время стране.

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие в библиотеке Вындомского книг французских просветителей. Из произведений Вольтера имеются только его труды о Петре Великом и о Фридрихе II. Кроме того, имелись еще и произведения Мармонтеля. Последний был близок к французским просветителям, но бежал из Франции после победы якобинцев. В своих воспоминаниях он иронизировал над былыми соучастниками политических салонов; в своем романе «Велисарий» он много рассуждает о правах верховной власти, о законах, о положении народа. И не случайно, в черновиках 5-й строфы 1-й главы «Евгения Онегина» Пушкин пишет о том, что Онегин пускался в мужественный спор «о Мирабо, о Мармонтеле». При Вындомском не было еще в библиотеке религиозной литературы. Она появилась там позднее. Были в библиотеке и рукописи. Среди бумаг А. Н. Вульфа в архиве ИРЛИ находится рукописная «Святогорская повесть о Чудесном явлении Богородицы на Синичьей Горе», в списке конца 18 века. Возможно, ее видел и читал Пушкин.

Для дочерей Вындомский покупал много учебников, детских книг и морально-назидательных сочинений на русском и иностранном языках. Характерно, что даже учебник русской истории был переведен с французского языка.

Как во всякой порядочной поместной библиотеке того времени, в Тригорском было много однотомных энциклопедий, словарей, письмовников, хозяйственных руководств и домашних лечебников. Кстати, сам А. М. Вындомский, организатор полотняной фабрики и винокуренного завода, был автором брошюры «Записка, каким образом сделать из простого горячего вина самую лучшую французскую водку». Она выдержала два издания. (СПБ, 1800 и СПБ, 1903).

Во времена Пушкина П. А. Осипова и ее дети продолжают пополнять библиотеку, однако, как видно, это делалось в значительно меньшем размере и крайне бессистемно. Приобретаются книги изданий первой трети 19 века, в основном, художественная литература: в частности, и произведения Байрона, Шиллера, Гете, Шекспира. Покупались, конечно, и старые книги 18 века, детские книги и учебники. Поскольку Осиповы-Вульф жили в деревне и свои покупки делали от случая к случаю, то им часто приходилось, наверное, довольствоваться тем, что предлагал

им какой-нибудь «кочующий купец». Этим можно отчасти объяснить тот труднообъяснимый факт, что в библиотеке отсутствуют произведения Державина, Жуковского, Крылова, Карамзина, Батюшкова, Грибоедова, Лермонтова, Гоголя и других выдающихся писателей. Такие книги все же были в Тригорском, но вероятно, в небольшом количестве. Евпраксия Николаевна, которая среди тригорских обитательниц проявляла наибольший интерес к литературе, выйдя замуж, несомненно увезла с собой в Голубово свои любимые книги. Ведь забрала же она туда особенно ценные реликвии, связанные с А. С. Пушкиным: портреты Вайрона и Шиллера, принадлежавшие ранее Пушкину, издания «Евгения Онегина» с автографами Пушкина и некоторые его письма. К сожалению, библиотека Голубова до нас не дошла. Модзалевский не смог ее осмотреть, так как она помещалась в комнате, где лежала больная. Однако есть сведения, что голубовская библиотека была большой и разнообразной. Подобно Е. Н. Вревской, возможно и другие обитатели Тригорского, покидая родное гнездо, увозили оттуда немало книг.

Нужно также иметь в виду, что книги наиболее популярных современных писателей чаще читались тригорскими обитателями. Эти книги, надо думать, забирались ими с собой в различные путешествия и прогулки, порой хранились ими в своих личных комнатах, порой и под подушкой; чаще их давали читать знакомым и соседям. Они, во всяком случае, редко стояли спокойно в шкафах, не то что старые и устаревшие книги 18-го века. Поэтому вполне понятно, что эти более читаемые книги гораздо быстрее терялись, изнашивались, приходили в негодность. Возможно, поэтому они до нас и не дошли.

Во времена Пушкина занимают свое место в шкафах библиотеки книги знакомых с Осиповыми-Вульф писателей (иногда с их автографами). К последним относятся «Эда» и «Пир» Е. А. Баратынского, альманах «Северные цветы» А. А. Дельвига, произведения П. А. Вяземского и Н. М. Языкова. И конечно, в библиотеке появляются произведения Пушкина — ценнейшие ее сокровища.

В 1826 году Пушкин подарил Анне Николаевне Вульф свою книгу «Стихотворения Александра Пушкина» (СПБ, 1826). На внутренней стороне ее обложки поэт сделал дарственную надпись, впоследствии кем-то зачеркнутую: «Дорогой имениннице Анне Николаевне Вульф от всенижайшего ее доброжелателя А. Пушкина. В селе Воронич 1826 года 3 февраля из села Зуева». В правом верхнем углу обложки этой книги имеется отгиск пушкинского «талисмана» на прозрачном сургуче. Находились также в библиотеке Тригорского упоминавшиеся Семевским три книги первых изданий отдельных глав «Евгения Онегина», подаренные Пушкиным А. Н. Вульф, Е. Н. Вульф и П. А. Осиповой, — все с дарственными надписями поэта.

В 1836 году Пушкин посылал П. А. Осиповой тома своего «Современника». В своем письме Пушкину от 7 сентября 1836 года П. А. Осипова благодарит Пушкина за присылку ей второй книги «Современника», а в письме от 15 декабря 1836 года она пишет: «... и совсем недавно я имела удовольствие получить третью книгу «Современника». Она доставила мне двойное удовольствие: и как доказательство вашей памяти обо мне, и своими прекрасными стихами».⁷ К несчастью, эти книги исчезли.

После смерти Пушкина тригорская библиотека почти не пополнялась. П. А. Осипова приобрела ряд книг религиозного содержания; несколько книг приобрел А. Н. Вульф. Интересно, что он, ставший обычным крепостником, приобретает нелегальное лейпцигское издание книги по крестьянскому вопросу и два тома произведений Некрасова. Это было, надо полагать, около 1861 года. Характерно, что в библиотеке совершенно отсутствует прогрессивная литература II-й половины 19 века. Нет произведений Толстого, Тургенева, Гончарова, Островского, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, не говоря уж о Чернышевском и Добролюбове. Скорее всего, их в Тригорском вообще не бывало.

Если судить по тем книгам тригорской библиотеки, которые дошли до нас, можно предполагать, что даже в отношении к 1820—1830 годам, интерес Осиповых-Вульф к современной литературе преувеличивался некоторыми исследователями; их вводило в заблуждение наличие у друзей Пушкина большой библиотеки, а также сообщения об их дружеских связях со многими писателями. Дело в том, что библиотека уже тогда состояла на $\frac{3}{4}$ из старых книг прошлого века, которые уже редко кто читал из просвещенных людей. В провинции же, особенно для девушек, они еще были чуть не главной духовной пищей. Тригорские обитательницы не являлись в этом смысле серьезным исключением. В 1829 году в «Романе в письмах», скорее всего на основе тригорских впечатлений, Пушкин рассказывает, как его героиня нашла в деревне у знакомых целый шкаф, наполненный старинными романами. «Надобно жить в деревне, чтоб иметь возможность прочитать хваленую «Клариссу», — пишет Лиза, «... Чтение Ричардсона дало мне повод к размышлениям. Какая ужасная разница между идеалами бабушек и внучек».⁸ В этой связи, хочется напомнить цитированное Н. Бродским письмо некоего В. Дмитриева, который, рекомендуя молодым людям читать Стерна и Сервантеса, утверждает: «Мой

---

⁷ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, АН СССР, М, 1937—1949, т. 16, стр. 199.

⁸ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, АН СССР, М, 1937—1949, т. 8, кн. 1, стр. 47.

Виктор после такого чтения считает стыдом взять в руки слезливый роман Лафонтена, неестественные характеры Коттень».⁹

Тригорская библиотека — это помещицья библиотека, и она должна была заинтересовать Пушкина как один из элементов провинциального помещицкого быта. Если жизнь и быт Тригорского давали Пушкину богатый материал для воссоздания провинциальной помещицкой жизни в «деревенских» главах «Евгения Онегина», в поэме «Граф Нулин», а позднее — в «Повестях Белкина», в «Истории села Горюхина» и пр., то тригорская библиотека помогла Пушкину ярче представить себе духовный мир своих героев и героинь: она, с ее старыми чувствительными романами, бесконечными альманахами, календарями, месяце-словами и т. п., бессистемно собранными, помогала Пушкину воссоздать образ Наталии Павловны с классическим, старинным отменно длинным романом в руках, и читательские увлечения Марии Гавриловны из «Метели», Татьяны Лариной и многое другое.

В 1824 году Пушкин перечитывает роман Ричардсона «Кларисса Гарлоу». В ноябре 1824 года он пишет брату: «Читаю Клариссу. Мочи нет, какая скучная дура».¹⁰ В тригорской библиотеке сохранился том этого романа с пушкинским рисунком, нарисованным пером, женским поясным портретом с шалью на плечах. Это единственная книга, которая несет на себе доказательство того, что она была в руках у Пушкина.

Беспорядочность, с которой пополнялась тригорская библиотека, не могла быть не замечена Пушкиным. Возможно, этим навеяна сценка покупки Татьяной Мартына Задеки:

Сие глубокое творенье
Завез кочующий купец
Однажды к нам в уединенье
И для Татьяны наконец
Его с разрозненной «Мальвиной»
Он уступил за три с полтиной,
В придачу взяв еще за них
Собрание басен площадных,
Грамматику, две Петриады,
Да Мармонтеля третий том.¹¹

Хотя сейчас в составе тригорской библиотеки и нет знаменитого «главы халдейских мудрецов», его «глубокое творенье», конечно,

⁹ Н. Бродский, «Евгений Онегин» роман Пушкина, М, Учпедгиз, 1957, стр. 245.

¹⁰ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, АН СССР, М, 1937—1949, т. 13, стр. 123.

¹¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, АН СССР, М, 1937—1949, т. 6, стр. 107.

было у тригорских обитательниц, и его листал Пушкин. То же нужно заметить и о всяких письмовниках.

Безусловно, заглядывал поэт в многочисленные руководства и наставления для девушек и юношей по вопросам морали и этикета, написанные большей частью в форме диалогов воспитателей со своими питомцами. Особенно модными были назидательные сочинения *le prince de Voeumont*, которых в Тригорском насчитывалось целых десятков томов на французском и русском языках. Вот еще название одной из подобных книг, переведенной с немецкого: «Свойство совершенной женщины, изображенной в разумных правилах, предписанных герцогинею К. под именем Аристы, принцессе Селимене для соблюдения ее чести и доброй славы». (СПБ, 1764). Такие книги помогали Пушкину глубже представить себе, как воспитывались его героини.

На значение Тригорской библиотеки в этом плане указал еще в 1901 году беллетрист И. Л. Щеглов-Леонтьев, посетивший тогда Тригорское. В газете «Новое время» он писал: «Сентиментальные французские романы и энциклопедические словари, домашние лечебники и исторические книги, старинные журналы и альманахи — все это терпеливо ждет специальной описи, которая явится, вероятно, ценным комментарием для исследователя «Евгения Онегина» и его времени».¹²

Однако, конечно, этим не ограничивается значение тригорской библиотеки для Пушкина. Хотя он в ней не находил современной литературы, но много интересных для него старых книг он читал и перечитывал там. Зная исключительную разносторонность и широту интересов Пушкина, нелегко решить, какие же именно книги он брал из Тригорского. Но учитывая круг проблем, занимавших Пушкина в Михайловском, можно предполагать, а иногда и уверенно судить, какие же из книг тригорской библиотеки бывали у него в руках, а это, в свою очередь, дает возможность более точно определить его читательские интересы.

В Михайловском Пушкин впервые и на долгое время сталкивается вплотную с крепостной деревней и помещичьим бытом, и его не могли не заинтересовать многочисленные хозяйственные руководства, а также переведенная с французского языка книга «Добрый помещик или друг земледельца». Конечно, само название говорит, что это за книга, но поскольку в ней, пусть и с реакционных позиций, разбирался важный для Пушкина вопрос, она не могла не привлечь его внимания.

Пушкин, работавший тогда над «Борисом Годуновым», не мог пройти мимо таких книг, как сочинение Мозера «Государь и министр», «Политическое завещание» Ришелье, «Антимакиа-

---

¹² И. Л. Щеглов-Леонтьев, О Пушкинском уголке и Тригорской библиотеке, «Новое время», 1901, № 9220.

вель» Фридриха II, «Наказ» и указы Екатерины II, «Придворный человек» Балтазара Грациана, а также многочисленные труды по древней, средней и новой истории.

Уже в это время Пушкина интересует эпоха Петра I. Тригорские обитатели говорили Семевскому, что Пушкин, именно по их экземпляру, впервые познакомился с трудом Голикова «Деяния Петра Великого». В этой связи поэта привлекала книга на итальянском языке аббата Катифоро «Жизнь Петра Великого». На нее он впоследствии неоднократно ссылается в своем незавершенном труде о Петре I.

Должны были интересовать Пушкина описания путешествий в различные далекие страны, например, такие как Китай, Япония, Монголия, Мексика и пр., с описанием их природы, законов и обычаев. И не случайно в библиотеке у Пушкина появляется такой же, как имевшийся в Тригорском, китайский букварь, изданный Василием Леонтьевым. Может быть, это было связано с предполагавшейся поездкой Пушкина в Китай в 1830 году.

Не мог не обрадоваться Пушкин, увидев в библиотеке Тригорского и своих давнишних знакомцев, книги, которые он хорошо знал раньше. Многие из них он перечитывает и неоднократно упоминает их авторов в своих произведениях и письмах. Многих из тех книг, на которые ссылается Пушкин, нет в каталоге его библиотеки. Можно предполагать, что некоторые из этих книг, особенно в тех случаях, когда требовался новый их просмотр, Пушкин брал в Тригорском. Сюда относятся книги Корнеля, Расина, Мольера, Тассо, Лессинга, Шекспира, Байрона (произведения двух последних в библиотеке Пушкина представлены в экземплярах, вышедших из печати уже после ссылки поэта), а затем книги Гете, Шиллера, Ламартина, Юнга и «шотландского чародея» Вальтера Скотта. В 1835 году в письмах к жене из Михайловского от 21 и 25 сентября Пушкин писал, что перечитывает романы Вальтера Скотта, от которых в восхищении, и что брал он их у Вревских в Голубове. Не были ли эти издания привезены туда из Тригорского? Скажем еще о других, менее известных писателях. Тригорские обитатели много читали произведения английского поэта, биографа Байрона, Томаса Мура. В 1829 году Пушкин пишет А. Н. Вульффу: «В Малинниках я застал одну Анну Николаевну с флюсом и с Муром».¹³ В целом к Муру Пушкин относился критически. Еще из Кишинева он писал о нем Вяземскому как о «... чопорном подражателе безобразного восточного воображения»,¹⁴ и называл его повести уродливыми. Но это не исключало интереса

¹³ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, АН СССР, М, 1937—1949, т. 14, стр. 49.

¹⁴ Там же, т. 13, стр. 34.

к отдельным частностям. Так, знаменитое выражение «гений чистой красоты» встречается в переведенном Жуковским отрывке из поэмы Мура «Лалла Рук»:

«Ах! не с нами обитает
Гений чистой красоты.
Лишь порой он навещает
Нас с небесной высоты...
Он лишь в чистые мгновенья
Бытия бывает к нам,
И приносит откровенья
Благотворные сердцам...»¹⁵

Позже, в беловом варианте восьмой главы «Евгения Онегина», Пушкин говорит:

И в зале яркой и богатой,
Когда в умолкший, тесный круг,
Подобна лилии крылатой,
Колеблясь, входит Лалла-Рук...¹⁶

Цитирует он эту поэму Мура по-английски и в «Путешествии в Арзрум».

Очевидно, в Тригорском просматривал Пушкин и произведения французского трагика Кребильона. В письме к Кюхельбекеру от 1—6 декабря 1825 года Пушкин иронически цитирует из трагедии Кребильона «Атрей и Фиест»: *гесопpais tu le sang?* («Узнаешь лы ты кровь?»).¹⁷ Видно, не раз тогда держал Пушкин в руках томик стихов известного в свое время французского поэта Делиля, которого Пушкин позже, в черновике поэмы «Домик в Коломне», называет «парнасским муравьем». В 1824 году Пушкин пишет брату: «пришли мне (говоря по Делилевски) витую сталь, пронзающую засмоленную (пробку) главу бутылки — т. е. штопор».¹⁸ Так иронизирует Пушкин над витиеватым стилем Делиля. Еще более резко относится Пушкин к «глупым, жеманным» драмам Дората, к произведениям Флориана, Мармонтея, Жанлис и многих других писателей, произведения которых тоже находились в Тригорском. Позже, в 1834 году, в плане статьи «О ничтожестве литературы русской» Пушкин пишет: «Вольтер и великаны не имеют ни одного последователя в России, но бездарные пигмеи, грибы, выросшие у корня дубов, Дорат, Флориан, Мармонтель, Гишар, М-де Жан-

¹⁵ В. А. Жуковский, Полное собрание сочинений, П., 1918, т. I, стр. 294.

¹⁶ А. С. Пушкин, Полное собр. соч., в 10 т. АН СССР, М, 1949, т. 5, стр. 553.

¹⁷ А. С. Пушкин, Полное собр. соч., АН СССР, М, 1937—1949, т. 13, стр. 247.

¹⁸ Там же, т. 13, стр. 130.

лис, овладевают русской словесностью».¹⁹ С другой стороны, Пушкин с удовольствием читал стихи и песни Колле, о «предесных шалостях» которого писал он позже, ²⁰ произведения Карра. О последних поэт доброжелательно отзывается в 1832 году в письме к Хитрово: «В его романах чувствуется талант, и он стоит вычурности вашего Бальзака».²¹ В 1836 году он приобретает произведения Карра у книгопродавца Ф. М. Беллизара.

Читал поэт и переводную литературу. Может быть, именно многотомное издание римской истории Роллена в переводе Тредьяковского, принадлежащее тригорским обитателям, вспоминал Пушкин, когда в 1829 году он писал в эпиграмме на Каченовского:

Там где древний Кочерговский
Над Ролленом опочил,
Дней новейших Тредьяковский
Колдовал и ворожил...²²

Нечего и говорить, что Пушкин читал и перечитывал в библиотеке друзей и произведения русских писателей.

Из всего вышеизложенного ясно, что тригорская библиотека играла заметную роль в удовлетворении любознательности михайловского отшельника, она же помогала ему познать духовные интересы и характеры деревенских читателей, и все это частицей вошло в сплав творчества великого поэта. Вот почему при восстановлении дома Осиповых-Вульф в Тригорском будет экспонироваться и библиотека. Для этой цели сотрудники Заповедника стремятся разыскать как можно больше книг тех авторов и тех изданий, которые имелись когда-то в Тригорском.

---

¹⁹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, АН СССР, М, 1937—1949, т. 11, стр. 495—496.

²⁰ Там же, т. 12, стр. 55.

²¹ Там же, т. 15, стр. 38.

²² Там же, т. 3, стр. 110.

ТРАДИЦИИ ПУШКИНА В РЕАЛИСТИЧЕСКИХ ПОЭМАХ ЛЕРМОНТОВА

М. Т. ЕФИМОВА

Творчество Лермонтова развивалось на основе пушкинской традиции, но Пушкин не стирал творческой индивидуальности Лермонтова, а помогал ей глубже раскрыться. Эту особенность сложного освоения Лермонтовым традиций Пушкина нужно учитывать и при изучении его поэм «Тамбовская казначейша» и «Сашка».

Воздействие произведений Пушкина на «Тамбовскую казначейшу» отмечалось многими литературоведами. обстоятельнее других исследует этот вопрос Д. Благой в специальной статье «Лермонтов и Пушкин».¹ В связи с поставленной темой он дает ряд интересных сопоставлений «Тамбовской казначейши» и «Евгения Онегина» и приходит к выводу: «Связь «Тамбовской казначейши» и «Евгения Онегина» носит главным образом формальный характер».² Такой вывод снижает значение традиций Пушкина в реалистических поэмах Лермонтова и сводит «Казначейшу» к пустячку, рассказанному формой пушкинского «Онегина». А между тем связь «Тамбовской казначейши» с пушкинскими произведениями сложнее и любопытней.

Очень ценным для понимания пушкинского влияния на Лермонтова является сообщение Э. Герштейн.³ Э. Герштейн включает лермонтовскую поэму в круг острой литературной борьбы 30-х годов и считает ее произведением, написанным Лермонтовым в защиту Пушкина от нападок Булгарина. И хотя осмысление концовки «Тамбовской казначейши», данное исследовательницей в связи с фразой Булгарина «Давайте действия, давайте

---

¹ Жизнь и творчество Лермонтова, Исследования и материалы, ОГИЗ, М., 1941, стр. 356—451.

² Там же, стр. 385.

³ Отклики Лермонтова на политические и литературные события 1820—1830 г., Лит. наследство, Пушкин. Лермонтов. Гоголь, АН СССР, М., 1952, стр. 401—405.

страстей»,⁴ не позволяет с полным основанием прийти к такому выводу, это предположение в принципе интересно и верно. Исходя из него можно объяснить, почему Лермонтов обратился к пушкинским шуточным поэтам и «Евгению Онегину», понять некоторые особенности стиля «Казначейши» и проследить на конкретном материале сложный процесс освоения Лермонтовым пушкинских традиций.

В 30-ые годы Пушкин мужественно отстаивал право художника изображать повседневное. Противником Пушкина выступил Булгарин. Булгарин едва ли не глумится над романом «Евгений Онегин». В VII главе его он видит лишь мелочное описание быта, а в лирических отступлениях — недопустимое в поэзии пустословие автора.⁵

В 1836 году Булгарин осуждает «Путешествие в Арзрум» за его холодный слог⁶ и, считая свои эстетические вкусы непогрешимыми, снисходительно поучает Пушкина: «Давайте действия, давайте страстей — поэзия воскреснет. В прозе мысли могут заменить страсти, но в поэзии мысли без страстей — мороз».⁷

Благородной простоте Пушкина Булгарин предпочитает поэзию Бенедиктова с его лирическим героем выпреженных страстей, разбитым сердцем, цветистыми фразами. «Стихотворения г. Бенедиктова, — пишет он, — изданные особо, обратили на себя справедливое внимание публики. В них много мыслей и теплого чувства. Язык очень хорош. Отцы нашей поэзии давно уже не производили ничего достойного внимания. Они почивают на лаврах».⁸

Пушкин глубоко переживал журнальную травлю, возглавляемую Булгариным, и с горечью писал Плетневу 9 декабря 1830 года: «Итак, русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу».⁹

Для Пушкина борьба с Булгариным была борьбой за судьбы литературы. И в своих критических статьях он смело разоблачает политическое лицо Булгарина, высмеивает «пленительную щеголеватость» и приторную дидактику его романов. В полемическом произведении «Домик в Коломне» булгаринскому требованию возвышенной поэзии он противопоставляет поэзию будней. Как издатель передового журнала «Современник» Пушкин настойчиво борется с влиянием реакционной «Северной пчелы».

Чуткий к современности, Лермонтов не мог остаться в стороне от литературной и политической борьбы 30-х годов. В своих

⁴ Северная пчела, № 127, 1837 г., стр. 508.

⁵ Северная пчела, № 35, 1830 г. Северная пчела, № 39, 1830 г.

⁶ Северная пчела, № 129, 1836 г.

⁷ Северная пчела, № 127, 1837 г., стр. 508.

⁸ Северная пчела, № 13, 1836, стр. 51.

⁹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, АН СССР, М.—Л., 1951, т. X, стр. 324.

эпиграммах на Булгарина он продолжает пушкинскую характеристику полицейского шпиона:

Россию продает Фадей
— Не в первый раз, как вам известно,
Пожалуй он продаст жену, детей
И мир земной и рай небесный,
Он совесть продал бы за сходную цену,
Да жаль — заложена в казну.¹⁰

Естественно, что эстетические вкусы Булгарина тоже были чужды Лермонтову. В 1836 году он серьезно пересмагривает свои прежние увлечения неистовым романтизмом и в «Княгине Лиговской» обращается к гоголевским образам; в своей повести он во многом освобождается от штампов романтического языка, которые развенчивает ироническим комментарием, а в «Тамбовской казначейше» развивает те особенности творчества Пушкина, которые Булгарин считал непозитическими.

В этот период серьезной переоценки своего прежнего творческого пути Лермонтов интересуется целым циклом пушкинских произведений, которые можно считать этапными в борьбе за реализм. («Евгений Онегин», «Граф Нулин», «Домик в Коломне»).

Для Лермонтова интересны в «Евгении Онегине» живые картины быта, своеобразная форма свободного романа, с возможностью лирических отступлений, которые могли быть использованы для утверждения его нового направления.

В шуточных поэмах Пушкина его привлекает обыкновенность героев и не в последнюю очередь самый тон «Графа Нулина» и «Домика в Коломне». так как шуткой, легкой непринужденностью легче было развенчать ходульное, неправдоподобное.

В основу сюжета «Тамбовской казначейши» как же, как в пушкинских шуточных поэмах, Лермонтов берет пикантное происшествие, которым «смущен был город благонравный». Пользуясь пустяковым сюжетом, Лермонтов, подобно Пушкину, свое внимание сосредотачивает на изображении быта, нравов, характеров.

С первых же строк поэмы перед нами тусклый, обыденный, городок.

Тамбов на карте генеральной
Кружком означен не всегда,
Он прежде город был опальный,
Теперь же, право, хоть куда.
Там есть три улицы прямые,
И фонари, и мостовые.

¹⁰ Неизвестные эпиграммы Лермонтова, Публикация Э. Найдича. Лит-наследство. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. АН СССР, М, 1952, стр. 359.

Там два трактира есть, один
Московский, а другой Берлин.
Там есть еще четыре будки,
При них два будочника есть;
По форме отдают вам честь,
И смена им два раза в сутки;

.....
Короче, славный городок.¹¹

Описание Тамбова по-пушкински внешне добродушное и безобидное. Но перечисляя достопримечательности города, остроумно изображая провинциальную претенциозность, Лермонтов отбирает те детали, которые дают почувствовать типичные черты многих городов России. Пушкин, изображая быт, не дает прямой авторской оценки его, а ограничивается метким живописанием. Лермонтов обнажает свое отношение ироническим авторским комментарием и тем самым картинам быта придает большую резкость и остроту.

Изображая быт Тамбова, поэт использует ситуации, близкие «Графу Нулину». У Пушкина томительно-сучный день Натальи Павловны вдруг оживлен событием: свалилась на бок коляска проезжего, и Наталья Павловна заполучила интересного гостя. У Лермонтова сонная тишь Тамбова неожиданно нарушена известием о приезде в город полка улан.

Но Пушкин рассказывает обо всем тоном добродушной шутки, у Лермонтова подчеркнуто ироническое отношение к столь «грандиозному» событию, способному встряхнуть полусонный Тамбов.

Это авторское отношение выражено резким несоответствием описываемого мелкого явления и авторской патетики, величественности пейзажа, достойных большого исторического события.

И вот однажды утром рано,
В час лучший девственного сна,
Когда сквозь пелену тумана
Едва проглядывает Цна,
Когда лишь куполы собора
Роскошно золотит Аврора
И, тишины известный враг,
Еще безмолствовал кабак

.....
Уланы справа по-шести
Вступили в город;¹²

¹¹ М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, ОГИЗ, М.—Л., 1947, т. 2, стр. 7.

¹² М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, ОГИЗ, М.—Л., 1947, т. 2, стр. 9.

Интересно, что стиль Лермонтова в данном случае очень близок гоголевскому методу изображения «пошлости пошлого человека» в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».¹³

В момент решающего события — приезда улан выразительнее всего раскрывается «прекрасный, но стыдливый пол» Тамбова. Лермонтов дает живую картину, в ней видна глубокая наблюдательность, поэт по-пушкински умеет отобразить выразительные детали (забыта жаркая перина, глаза опухшие девиц), он по-своему использует колоритную речь пушкинской героини, взволнованной ожиданием встречи с Нулиным:

Филька, Васька!
Кто там? Скорей! Вон там коляска.
Сейчас везти ее на двор.
И барина просить обедать!
Да, жив ли он? беги проверить
Скорей, скорей!¹⁴

Лермонтов не повторяет Пушкина, но на основе пушкинской стилистики значительно острее, чем Пушкин, разоблачает внутреннее содержание жизни обитательниц Тамбова.

В одном эпизоде это речь дам в домашнем обиходе, по-барски распоясавшихся и награждающих нерасторопных слуг крепкими эпитетами:

«Малашка, дура, Катерина,
Скорее туфли и платок!
Да где Иван? Какой мешок!
Два года ставни отворяют...»¹⁵

И рядом речь «приятных дам», взволнованно беседующих о предмете любви и не забывающих поинтересоваться их чином:

«Ах посмотри сюда, кухня.
Вот этот! «Где? майор?» — О, нет!
Как он хорош, а конь — картина,
Да жаль, он, кажется, конрет...»

---

¹³ ... Настала ночь... О если б я был живописец, я бы чудно изобразил всю прелесть ночи! Я бы изобразил, как спит Миргород; как неподвижно глядят на него бесчисленные звезды; как видимая тишина оглашается близким и далеким лаем собак; как мимо их несется бесстрашный пономарь и перелазит через плетень с рыцарскою бесстрашностью.

Н. В. Гоголь, Собрание сочинений в шести томах, М., 1949, т. 2, стр. 202.

¹⁴ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, АН СССР, М.—Л., 1949, т. V стр. 240.

¹⁵ М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, ОГИЗ, М.—Л., 1947, т. 2, стр. 9.

Как ловко, смело избочился...
Поверишь ли, он мне приснился...
Я после не могла уснуть...»¹⁶

Портреты блестящего круга тамбовского близки пушкинским портретам гостей на именинах Татьяны.

Так, Лермонтов в обрисовке советника использует пушкинскую лаконичную и в то же время социально-острую характеристику:

Тяжелый сплетник, старый плут,
Обжора, взяточник и шут

Но у Лермонтова, нравственная характеристика советника дана на основе конкретных определений: «блудитель нравов, мирный сплетник» — и этим усилена авторская ирония.

Лермонтов по-пушкински сохраняет в кунсткамере обитателей Тамбова вечно живые типы провинции, созданные Фонвизиним:

Вот в полуфрачке, раздушенный
Времен новейших Митрофан,
Нетесаный, недоученый,
А уж безнравственный болван¹⁷

Так же, как Пушкин, Лермонтов внутреннее убожество персонажей исчерпывающе характеризует внешним портретом:

А вот уездный предводитель
Весь спрятан в галстук, фрак до пят
Дискант, усы и мутный взгляд.¹⁸

Так Лермонтов в обрисовке быта широко пользуется не только методом Пушкина-бытописателя, но даже пушкинскими ситуациями, пушкинскими образами.

Не всегда в изображении быта он равен своему учителю, но он продолжает его линию изображения обыденного и считает, что писать эти картины нужно по-пушкински. Увлеченный пушкинским текстом, он широко использует его, нарочито подчеркивает эту зависимость, так что читатель угадывает пушкинское, знакомое.

Значительно сложнее обращение Лермонтова к пушкинскому материалу в изображении главных героев. Лермонтов скуп и выразительно дает биографию ротмистра, причем главное в своем герое раскрывает через внешние детали портрета:

---

¹⁶ М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, ОГИЗ, М.—Л., 1947, т. 2, стр. 10.

¹⁷ М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 23.

¹⁸ Там же.

«Строен как корнет;
Взор пылкий, ус довольно черный:
Короче идеал девиц...»¹⁹

В другом месте автору достаточно сказать «усатый герой» и этим полно охарактеризовать покорителя сердец дам губернского общества.

Но Лермонтов не только продолжает традицию Пушкина в утверждении и приемах обрисовки обыкновенных героев в литературе, но остроумно использует заурядный характер ротмистра в защиту пушкинской борьбы против возвышенных страстей, ложной напряженности действия.

В тактике лермонтовского героя весь арсенал романтических приемов: и холодное равнодушие, и взор, отуманенный тоскою, и внутренний огонь человека могучих страстей. Романтические приемы теперь стали такими расхожими, что к ним прибегает ротмистр, чтобы произвести неотразимое впечатление на губернских дам. Не случайна и его поза героя, сочувствующего Авдотье Николаевне и готового спасти ее от судьбы пленницы казначея:

«Бедняжка! думает улан:
Такой безжизненный болван
Имеет право в этой клетке
Тебя стеречь — и я, злодей,
Не тронусь участью твоей?»²⁰

Поза эта близка рыцарской позе романтика Ленского накануне дуэли:

Он мыслит: «Буду ей спаситель,
Не потерплю, чтоб развратитель
Огнем и вздохов и похвал
Младое сердце искушал!»²¹

Пушкин эту выпретенную тираду романтика развенчивал неожиданной авторской будничной фразой:

Все это значило, друзья:
С приятелем стреляюсь я.²²

У Лермонтова комический эффект — от несоответствия героической позы Гарина с его очень земной целью бравого ротмистра, не раз выступавшего в роли утешителя провинциальных красоток.

¹⁹ М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 13.

²⁰ Там же, стр. 15.

²¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, АН СССР, М.—Л., 1949, т. V, стр. 126.

²² Там же.

На этом резком несоответствии «возвышенно-романтического» в позе героя и обычных приемов заправского волокиты раскрывается характер Гарина:

И на лицо ее навел
Взор, отуманенный тоскою;
Потом стал длинный ус крутить,
Вздыхнул и начал говорить...²³

Патетическое объяснение улана в любви Лермонтов изображает, используя текст «Евгения Онегина». И на основе хорошо знакомых читателю душевных и искренне взволнованных писем Татьяны и Онегина особенно резко подчеркивает нарочитость чувств тамбовского героя:

«Я вижу, вы меня не ждали, —
Прочешь легко из ваших глаз;
Ах, вы еще не испытали,
Что в страсти значит день, что час!
Среди сердечного волнения
Нет сил, нет власти, нет терпенья!
Я здесь — на все решился я...
Тебе я предан... ты моя!
Ни мелочные толки света,
Ничто, ничто не страшно мне;
Презренье светской болтовне —
Иль я умру от пистолета...»²⁴

В ложно патетической речи Гарина высмеяны и ставшая шаблонной тема одинокого героя, не понятого мелочной толпой, и искусственные ситуации с неизбежной кровавой развязкой.

Героиня «Гамбовской казначейши» — простенькая Авдотья Николаевна. Но в изображении ее нет шутивого лиризма «Домика в Коломне». И если портрет простой и доброй Парашки описан средствами, близкими к народно-поэтическим (глаза и брови, темные как ночь, сама бела, нежна, как голубица), Лермонтов создает портрет своей героини, используя привычные штампы портрета идеальной романтической красавицы. Но сниженное обобщение, бытовые сравнения наряду с восторженной интонацией передают ироническое отношение поэта к такой идеализации:

И впрямь Авдотья Николаевна
Была прелакомый кусок...
Бела как сахар, так нежна,
Что жилка каждая видна...
А глаза...

²³ М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 21.

²⁴ М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 22.

Ну что такое бирюза?
Что небо? ...
А этот носик! Эти губки,
Два свежих розовых листка!
А перламутровые зубки,
А голос, сладкий как мечта!²⁵

Несложный внутренний мирок Авдотьи Николаевны Лермонтов тоже изображает возвышенным стилем, характерным для романтических героев. Но в сочетании с описанием подлинных и довольно будничных достоинств бравого улана, покоровшего непритязательную героиню, такой стиль тоже создает комический эффект:

И сердце Дуни покорилося;
Его сковал могочий взор...
Ей дома целу ночь все снилося
Бряцанье сабли или шпор.²⁶

Иронически оценивает Лермонтов и ставшие ходульными в литературе ситуации, связанные с трагической судьбой красавицы. Лермонтов использует эту внешнюю ситуацию: хорошенькая Авдотья Николаевна — жена угрюмого старика с огромной лысой головой. Но обычные мелодраматические сентенции по поводу загубленной жизни молодой женщины Лермонтов заменяет авторским сочувствием-шуткой:

Жизнь без любви такая скверность.
А что, скажите, за предмет
Для страсти муж, который сед?²⁷

Эта линия иронического отношения автора к судьбе героини не нарушается и заключительной сценой отчаянной игры соперников в карты, где ставка — жена казначея. На основе этой сцены В. А. Мануйлов делает следующий вывод: «В отличие от пушкинского «Графа Нулина», «Тамбовская казначейша» Лермонтова завершается не легкой шуткой, но мрачной сценой, исполненной подлинного драматизма. Начав с рассказа об обыкновенной истории пустого уланского волокитства, Лермонтов подвел читателя к драматической сцене гневного протеста оскорбленного чувства женского достоинства».²⁸ С таким выводом, сделанным на основе заключительной сцены, нельзя согласиться. Лермонтов, иронизируя над драматизмом положения

²⁵ М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 12.

²⁶ М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 12.

²⁷ М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 17.

²⁸ История русской литературы XIX века. Изд. АН СССР, 1955, т. VII, стр. 322.

Авдотья Николаевна, пользуется прежним приемом. Он описывает ее душевное состояние возвышенным поэтическим языком:

Ее лицо изобразило
Так много мук.
... Но только цвет ее чела
Был страшно бледен²⁹

Но вся трагическая напряженность ее переживаний снимается контрастным авторским комментарием, подчеркивающим всю ненужность такой патетики:

Рассказы вымышленных бед
В чувствительном прошедшем веке
Немало проливали слез...
Кто ж в этом выиграл — вопрос?³¹

Драматизм сцены снижен и авторским просторечием:

... все ждут чего-нибудь —
упреков, жалоб, слез — ничуть!³⁰

Не «гневным протестом оскорбленного женского достоинства» заканчивает Лермонтов свою поэму, а нервическим обмороком героини. И эта сцена не зачеркивает мысли автора о счастливой развязке в жизни героев:

Улана проклял милый пол —
За что, мы право, не дознались.
Не зависть ли? Но нет, нет, нет!
Ух, я не выношу клевет!..³²

В такой трактовке заключительной сцены вся соль рассказа, пикантность происшествия. Только такая трактовка последней сцены определяет логический вывод, выраженный в поэтической декларации автора:

И вот конец печальной были,
Иль сказки — выражусь прямой.
Признайтесь, вы меня бранили?
Вы ждали действия? страстей?
Повсюду нынче ищут драмы,
Все просят крови — даже дамы.
А я, как робкий ученик,
Остановился в лучший миг;
Простым нервическим припадком

²⁹ М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 12.

³⁰ М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 27.

³¹ Там же, стр. 28.

³² М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 28.

Неловко сцену заключил,
Соперников не помирил
И не поссорил их порядком...
Что ж делать! Вот вам мой рассказ,
Друзья, покамест будет с вас.³³

Вполне возможно, что эта концовка была и вызовом булгаринскому требованию действия, возвышенных страстей; полемический стиль поэмы не противоречит этой мысли, а подтверждает ее.

В русле пушкинских традиций обычно рассматривается и другая поэма Лермонтова — поэма «Сашка». В статье Д. Благого «Лермонтов и Пушкин» немало примеров близости «Сашки» «Евгению Онегину» и «Домику в Коломне». Причем в «Сашке» Д. Благой видит более глубокую зависимость Лермонтова от пушкинского творчества. В «Тамбовской казначейше», по мнению исследователя. Лермонтов находился под обаянием формы «Онегина», здесь он пытается решить аналогичную Пушкину задачу создать образ современника своей эпохи.

Действительно, в «Сашке» так же, как в «Онегине», Лермонтов описывает основные этапы жизни героя, дает характеристики его родителей, воспитателей. Рассказ о своем герое Лермонтов вкладывает в рамку пушкинского романа. Но эту форму поэт уже не принимает всерьез. Ко времени работы Лермонтова над «Сашкой» многое в пушкинском романе многочисленными подражателями превращено в штамп, привычное клише. И Лермонтов не может теперь не иронизировать над этими приемами, которые в некоторой степени оказались скомпрометированными.

Пользуясь задорной пушкинской формой лирических отступлений, поэт теперь шутит и над этими внешними особенностями пушкинского романа:

Роман, вперед!.. Не идет? — Ну так он
Пойдет назад. Герой наш спит покуда,
Хочу я рассказать, кто он, откуда,
Кто мать его была, и кто отец,
Как он на свет родился, наконец,
Как он попал в позорную обитель,
Кто был его лакей и кто учитель.³⁴

Герой произведения «Сашка» вряд ли намечался поэтом как образ современника своей эпохи, равный по значению Онегину. Такой характер Лермонтов создает в «Герое нашего времени»,

³³ М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 28—29.

³⁴ М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 87.

и не «на обломках поэмы «Сашка», как считает Д. Благой, а развивая намеченное в Печорине из «Княгини Лиговской».

В поэме «Сашка» для Лермонтова главное не герой, а то, что может сказать поэт в связи с героем, его жизнью и бытом. И для нас в поэме прежде всего интересны не картины быта крепостнической усадьбы, публичного дома, которые излишне переоцениваются исследователями, а волнующая исповедь поэта, горечь которой он пытается спрятать за шуткой, намеренно грубоватым изображением быта.

В «Тамбовской казначейше», защищая пушкинские традиции, Лермонтов утверждал право художника на изображение быденного в поэзии, и поэма помогала в борьбе против штампов романтизма. Но Лермонтов не мог ограничить себя только изображением повседневного, не мог отказаться от подлинного романтизма, его высоких героев и высоких идеалов. Поэтому «Тамбовская казначейша», оставаясь интересным явлением в творчестве поэта, не открывала для него основного пути дальнейшего творческого развития. Это сложное противоречивое отношение Лермонтова к романтизму и быденному чувствуется в поэме «Сашка».

Уже первая строфа поэмы «Сашка», которую обычно сопоставляют с концовкой поэмы «Тамбовская казначейша», резко отличается по своему тону:

Наш век смешон и жалок, — все пиши
Ему про казни, цепи да изгнанья,
Про темные волнения души,
И только слышишь муки да страданья.
Такие вещи очень хороши
Тому, кто мало спит, кто думать любит.
Кто дни свои в воспоминаньях губит.
Впадал я прежде в эту слабость сам,
И видел от нее лишь вред глазам;
Но нынче я не тот уж, как бывало, —
Пою, смеюсь. — Герой мой добрый малый.³⁵

Лермонтов в этой строфе, как справедливо заметила Л. Гинзбург,³⁶ не отрицает «волнения души», «муки и страданья», а утверждает их ценность. Только внешне кажется, что поэма продолжает линию «Тамбовской казначейши». В «Сашке» действительно есть целый ряд самых дерзких, неожиданно смелых образов, развенчивающих романтические традиции. Но с наименьшей издевкой Лермонтов относится и к повседневному, снижая его до грязи быта. Изображая эти намеренно сниженные

³⁵ М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 71.

³⁶ Л. Гинзбург, Творческий путь Лермонтова, М, Гослитиздат, 1940. стр. 151.

картины повседневной жизни, Лермонтов как будто наступает «на горло собственной песне», но она неожиданно прорывается и в ряде строф звучит серьезно и волнующе в характерном для Лермонтова стиле высокого романтизма.

Исследовать этот неповторимый стиль лермонтовского «Сашки» — увлекательная задача для лермонтоведа. Но ее можно выполнить только в специальной статье, посвященной анализу этой поэмы.

ПУШКИН И БЛОК

В. ГОЛИЦЫНА

Творчество А. Блока — это и определенный итог развития классической русской поэзии и открытие новых путей. Поэтическое мастерство, обостренное чувство родины, боль за униженный народ, страстное отрицание буржуазной «цивилизации» — все это определяет место Блока в ряду лучших русских поэтов.

Поэт «беспощадной искренности», Блок сумел передать в своей поэтической исповеди трагедию человека в «страшном мире», издевавшего: «И отвращение от жизни», «И к ней безумную любовь», «И страсть и ненависть к отчизне».

В то же время творчество Блока — путь мучительных, но постоянных поисков большой правды искусства, которая позволит: «Все сущее — вочеловечить, несбывшееся — воплотить».

И на этом пути творческих исканий Блок постоянно обращается к своим великим предшественникам.

Тема Пушкин и Блок огромна, возможно, неисчерпаема в своей глубине, она не может быть сведена ни к тематической, ни к формальной традиции.

Естественно, что в рамках одной статьи невозможно коснуться всех сторон темы.

Некоторые вопросы творческих связей двух великих поэтов нашли уже, если не полное, то существенное освещение в критике. Много сказано о творческом решении Блоком традиционных тем: Петербург, Медный всадник и др.¹

Интересные мысли и наблюдения о традиции жанра в творчестве А. Блока мы встречаем в работах Б. Томашевского и С. Бонди.²

---

¹ См. работы Л. Гроссмана «Блок и Пушкин», Л. Гроссман, Собр. сочинений, т. IV, М, 1928, И. Розанова, «Блок и Пушкин», Книга и пролетарская революция, 1936, № 7.

² Б. Томашевский, «Поэтическое наследие Пушкина». С. Бонди, «Драматургия Пушкина и русская драматургия XIX в.» В книге «Пушкин — родоначальник новой русской литературы». Изд. АН СССР, М.—Л. 1941.

В данной работе делается попытка осмыслить в некоторых общих чертах характер влияния Пушкина на Блока, его поэзию и эстетические взгляды.

I.

Не будет преувеличением сказать, что «хранимое с малолетства веселое имя» Пушкина Блок пронес через всю жизнь.

Многие исследователи считают, что в раннем творчестве Блока непосредственного влияния пушкинской традиции не ощущается (см. уже названные работы Гроссмана, Розанова). В. Орлов в своей интересной книге о Блоке пишет, имея в виду ранние стихи поэта: «В этой узкой по своему тематическому диапазону пейзажной и психологической лирике нашли продолжение традиции русской поэтической классики XIX века. Однако Блок усваивал эти традиции не столько из первоисточника — скажем, не у Пушкина и не у Лермонтова, сколько у так называемых «чистых поэтов» второй половины XIX века».³

Применительно к стихам 1897—1900 г.г. этот вывод кажется необоснованным.

Как всякий начинающий поэт, Блок учился у своих предшественников. Читая лирику ранней поры, испытываешь порою чувство «знакомости», как будто поэт вышивает узоры своих чувств по уже готовой канве. Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Фет, Полонский, Тютчев — вот неполный перечень его учителей.

Блока отделяет от Пушкина более полувека, и трудно бывает определить, по прямой ли линии или опосредственно, через творчество поэтов II-й половины XIX века, усваивает Блок пушкинскую традицию. И все-таки будет большой натяжкой утверждать, что он воспринял ее только через творчество Фета, Полонского и др. Некоторые биографические сведения дают основания сказать, что в ранней юности Пушкин был для Блока наиболее любимым из русских поэтов. М. А. Бекетова в книге «Блок и его мать» приводит анкету «Признания», заполненную семнадцатилетним Блоком. Для нас особенно интересны в ней два ответа:

Мои любимые писатели — прозаики . . .

Гоголь, Пушкин.

Мои любимые поэты — русские . . .

Пушкин, Гоголь, Жуковский.⁴

Сопоставление ряда стихов раннего Блока с произведениями Пушкина дает право говорить о непосредственном и весьма ощутимом влиянии последнего на юношеское творчество Бло-

³ Вл. Орлов, «Александр Блок», М. 1956, стр. 34.

⁴ А. М. Бекетова, «Александр Блок и его мать», Л.—М., 1925, стр. 68.

ка. Характер творческого проявления этих влияний разнообразен. Иногда это пушкинские строки, взятые в эпиграф, например: стихотворению 1898 года «Есть в дикой роще у оврага» предпосланы пушкинские строки из «Онегина»:

Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил

Стихотворение того же года «Табор шел. Вверху сияли звезды» имеет эпиграфом стихи из «Цыган»:

Цыгане шумною толпою
По Бессарабии кочуют

Пушкинский эпиграф и в стихотворении «А. М. Добролюбову».

Чаще эта переключка с Пушкиным принимает у раннего Блока форму вариаций на те или иные близкие ему по настроению или мысли мотивы творчества великого поэта. К такого типа произведениям можно отнести стихотворения: «Мэри», с подзаголовком «Пир во время чумы», «Счастливая пора, дни юности мятежной». «Как мимолетна тень осенних ранних дней» и др.

Чувствуется пушкинское начало и в любовной лирике этих лет, особенно в таких стихах Блока, как: «Когда отдамся чувствам страстным», «Где ты паришь теперь, о, девственная тень», «Ты хочешь знать мировоззренье», «Писать ли вам, что тайный пламень».

Здесь не только пушкинская ясность выражения чувств, земная их страстность, так отличающая их от стихов о прекрасной Даме, но и традиционная, любимая Пушкиным, форма любовного послания, знакомые нам рифмы «Младость — радость — сладость», привычно пушкинские обороты «младая тень», «мятежная юность», «светлая грусть», «тайный пламень». Да и в самом звучании стиха, в его ритмической организации (тяготение к четырехстопному ямбу) это сходство несомненно.

Вот одно из стихотворений 1900 г., обращенное к К. М. Садовской:⁵

Когда отдамся чувствам страстным,
Меня влечёт на знойный юг
Слагать стихи к ногам прекрасным
Твоим, далекий, нежный друг...
Забвенью вечному, быть может,
Ты все бывшее предала,
И страстный вздох не потревожит
Давно спокойного чела ..

. . . . .

⁵ Впервые было напечатано в «Новом мире», 1955, № 11.

Неслучайно, вероятно, посылая в 1906 году С. А. Венгерову список стихов Пушкина, которые он бы хотел прокомментировать, Блок включил в него такие как: «Слово Милой», «Письмо к Лиде», «К***», «Не спрашивай зачем».⁶

Установить некоторое формальное сходство (изобразительных средств, образов и т. п.) еще не значит определить степень полноты или ограниченности творческой близости. Но есть такие точки соприкосновения, в которых с наибольшей полнотой проявляется сходство и различие в поэтическом мировосприятии. Такой точкой может быть, например, тема, которую условно называют темой «Поэта и поэзии».

Творческая интерпретация Блоком пушкинской традиции в решении этой темы многое помогает понять и в отношении Блока к Пушкину, и в эволюции его творчества в целом.

Изолированность молодого Блока от общественной жизни, влияние на его мировоззрение идеалистической философии В. Соловьева определили и его взгляды на искусство. Позже, характеризуя свое настроение 90-х — начала 900-х г.г., Блок писал: «В это время происходило «политическое»... я был ему вполне чужд, что выразилось в стихах». Действительно, это выразилось в стихах, и шире — в его эстетической концепции:

Затянут в бездну гибели сердечной,
Я — равнодушный серый нелюдим...
Толпа кричит — я хладен бесконечно,
Толпа зовет — я нем и недвижим.

Сейчас для Блока искусство и «проза жизни» — понятия взаимоисключающие друг друга. Поэтому поэт — жрец, в одиночестве свершающий свое таинство. С этих позиций принимает в эти годы Блок и Пушкина, что приводит к очень одностороннему, обедненному восприятию пушкинских эстетических принципов. Девизом молодого Блока становятся строки: «Служенье муз не терпит суеты».

Эта тема варьируется в десятках его ранних стихотворений: «Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет», «Поэт, тебе ли покарать», «Не доверяй своих дорог», «Отрешись от любимых творений» и др. В некоторых из них чувствуется прямая переключка с Пушкиным. Так, например, стихотворение Блока 1900 года «Не доверяй своих дорог»... можно считать вариацией на тему пушкинского «Поэту». Здесь не только общность мысли, но и сходство ее поэтического выражения.

---

⁶ См. Дымщиц А. А. Александр Блок в работе над Пушкиным. Лит. Архив, АН СССР, Л., 1938, стр. 352—353.

Достаточно обратить внимание на начальные строки 2-х четверостиший, которые и у Пушкина и у Блока — ключевые.

Пушкин

Блок

Поэт! Не дорожи любовью
народной,
Восторженных похвал пройдет
минутный шум

Не доверяй своих дорог
Толпе ласкателей несметной:

Ты — царь. Живи один. Дорогою
свободной
Иди, куда влечет тебя свободный
ум.

Все, духом сильные, — одни
Толпы нестройной убегают,

Сближает эти стихотворения и образ оскверненного толпою храма. Параллель пушкинским строкам: «И плюют на алтарь, где твой огонь горел...», у Блока: «Они погасят твой чертог, Разрушат жертвенник заветный».

Интересно стихотворение 1899 года «Какой-то вышний Серафим». Сходство темы, ведущих образов (поэт, Серафим, пустыня), размера дают право говорить о его связи с пушкинским «Пророком, но решение темы здесь иное. Понятно, что идейная концепция «Пророка» («глаголом жги сердца людей») в это время не приемлема для Блока, который в 1899 году писал:

Поэт, тебе ли покарать
Пороки мира вековые?
Один — ты осужден страдать,
Тебя осмеивать — другие!

Если измученный «духовной жаждою» и одиночеством поэт Пушкина обретает мужество, превращается в пророка, то лирический герой блоковского стихотворения, которому Серафим дал познать добро и зло жизни, остается одиноким и бессильным.

Какой-то вышний серафим
Принес мне чудных звуков море.
Когда я был везде гоним, —
Я шел к нему — поведать горе;
А он речам моим внимал,
Моим словам он верил страстно,
И этим мне познать давал,
Что в мире зло и что прекрасно.
Моя душа жила тогда, —
Тогда я молод был, — а ныне
Годов умчалась череда, —
Повсюду мертвая пустыня...

(сентябрь 1899)

Разность смысловая обуславливает и различие эмоциональной окраски стихов: напряженную страстность, приподнятость интонаций у Пушкина и элегическую расслабленность у Блока.

Итак, пушкинское противопоставление поэта светской черни Блок в соответствии со своими эстетическими взглядами доводит до противопоставления поэта земной жизни вообще, до «Отрекись от любимых творений, от людей и общенья в миру».

Эта концепция лежит в основе посвященного Пушкину стихотворения, написанного 26 мая 1899 года:

«Люблю я вечер. День на тризне...»

Если в 1-й части этого стихотворения еще чувствуется что-то пушкинское в оборотах речи, движении стиха, то вторая его часть ни по смыслу, ни по форме никак с пушкинским не соотносится.

Сама судьба мне завещала
С благоговением святым
Светить в предверьи Идеала
Туманным факелом моим.
И только вечер — до Благого
Стремлюсь моим земным умом,
И полный страха неземного
Горю Поэзии огнем.

И хотя стихотворение было посвящено Пушкину, поэтическое средо, выраженное в нем, не сближает, а уводит Блока от Пушкина.⁷ Здесь уже в содержании и в символах предчувствуется Блок «Стихов о Прекрасной Даме».

Но даже в период наибольшего увлечения символизмом и мистикой Пушкин не уходит из жизни и круга литературных интересов Блока. В 1901 году в письме к А. В. Гиппиусу он пишет: «Заглянув в Пушкина, нашел там отрывок «Юдифь» необыкновенный»,⁸ а в год выхода в свет сборника стихов о «Прекрасной Даме» поэт помечает в записной книжке: «Учу стихи наизусть: Пушкина, Брюсова, Лермонтова, все, что хорошо».⁹

Имя Пушкина, строчки из его стихов постоянно встречаются в эти годы в статьях, рецензиях, письмах.¹⁰

Как известно, интерес к Пушкину был свойственен и другим поэтам-символистам: Брюсову, Мережковскому, Бальмонту и др. Брюсов писал в 1904 году: «У нас всегда остается общим восторг

⁷ Вероятно, Блок сам почувствовал это несоответствие, снял посвящение и 2-ю часть стихотворения печатал как самостоятельное произведение.

⁸ А. Блок, Сочинения в 2 т., т. 2, стр. 577.

⁹ А. Блок, Записные книжки, Л., 1910, стр. 36.

¹⁰ А. Блок, «Герои Овидия» (1903), «Валерий Брюсов Urbi et orbi», «К. Бальмонт, Горные вершины», (1904), «К. Бальмонт, Сборник стихов» (1905) и др. (А. Блок, Собр. соч. в 8 т., т. V.)

и преклонение перед божественной поэзией Пушкина, перед ее чистыми красками и чистыми звуками».¹¹

Но, как пишет Д. Е. Максимов, «... по своему мировоззрению и мироощущению Брюсов был бесконечно далек от Пушкина, и подлинного сближения с ним, даже чисто стилистического у него получиться не могло».¹² Тоже можно сказать и о Блоке начала 900-х годов. «Божественная поэзия» Пушкина для Блока — высший критерий мастерства, но как порою Брюсов и Мережковский, Блок за внешней ясностью и простотой поэзии Пушкина пытается провидеть некую таинственность. Не случайно в рецензии на книгу Мережковского «Вечные спутники. Пушкин» (1906) Блок восхищает характеристику, которую дает Мережковский Онегину и Татьяне. Мережковский говорит о «страшной идее «Медного всадника», о «чужом, нерусском туманном признаке» — Онегине, о «загадочной, темной и глубокой как русская сказка», Татьяне».¹³

В статье «Творчество Вячеслава Иванова» Блок, развивая мысль о том, что отход символистов от реальной жизни был необходим и закономерен, тоже пытается вести начало этой традиции от Пушкина: «У нас еще Пушкин проронил: «*Procul este profani*» (Уйдите, непосвященные). Лермонтов роптал. Тютчев совсем умолк для толпы... Наступило безмолвие, «страдание отъединенности».¹⁴ Правда, Блок и тогда не считал такое разделение «поэта» и «толпы» извечным, но будущее соединение души поэта с народной представлялось ему очень смутно, не через возвращение к изображению конкретной жизни, а через погружение «в стихию фольклора», где «поэт» и «чернь» вновь познают друг друга.

В то же время, по мере того как Блока все больше и больше начинает раздражать абстрактность, бесплотность, туманность современной поэзии и, наоборот, притягивать «мир с его золотой тяжелой кровью и истерзанной в пытках плотью»,¹⁵ он все чаще обращается к Пушкину. В 1905 году в статье «Краски и слова» Блок призывает современных поэтов учиться у художников, так как «искусство красок и линий позволяет всегда помнить о близости к реальной природе и никогда не дает погрузиться в схему, откуда нет сил выбраться писателю... Чувствовал же какую-то освободительность рисунка, например, Пушкин, когда

---

¹¹ Д. Максимов, «Валерий Брюсов», в кн. В. Брюсов, стихотворения, библиотека поэта, Л, 1957, стр. 20.

¹² Там же.

¹³ А. Блок, т. V, стр. 636.

¹⁴ Там же, стр. 9.

¹⁵ См. А. Блок, «Эмиль Верхарн. Стихи о современности», 1906, т. V.

рисовал не однажды какой-то пленительный женский профиль. А ведь он не учился рисовать. Но он был ребенок».¹⁶

В 1906 году Блок работает над составлением комментариев к лицейским стихам Пушкина, где обычные сведения об изданиях и вариантах сочетаются с интересными наблюдениями над стилем стихов Пушкина.¹⁷

Можно предположить, что в 1906 году Блок не только размышляет над особенностями поэтического мастерства Пушкина, но уже задумывается над такими важными проблемами, как своеобразие усвоения пушкинской традиции в современный «промышленный век».¹⁸

II.

Годы между двух революций — период все возрастающей поэтической зрелости А. Блока. Круг мистического одиночества разорван, поэт выходит в жизнь, и как бы ни была она страшна, он уже не может вернуться в «красивые уюты».

В 1910 году он записывает: «Все растущее искушение не быть один. Что делать и как жить дальше? Все еще не знаю, но уверенность в своей правоте крепнет».¹⁹

Вопрос «Что делать?» для Блока мучителен, мир «буржуазного богатства, растущего незримо зла» он ненавидит, принять его — не может. Ум и чувства лирического героя полны смятения. Ненависть, любовь, отчаяние; желание забыться и сознание невозможности забвения — сложный комплекс чувств, проявленный так многообразно поэтически и создавший то единство творческой атмосферы, которое можно определить как трагическое неприятие. Именно трагическое, ибо, как считал Блок, в трагедии «нет отчаяния, вялости, опускания рук». В этом волевым начале — возможность преодоления трагизма.

Испепеляющие годы!

Безумье ль в вас, надежды ль весть?

Надежды весть! Этот мотив, прорываясь сквозь мрак и «роковую пустоту», обретает в творчестве зрелого Блока все большую полноту звучания. Родина, народ становятся источником крепнущей веры поэта.

Этот творческий процесс сопровождается общей переоценкой ценностей. И прежде всего это коснулось его взглядов на отношение искусства к жизни. Через статьи, письма, заметки А. Бло-

¹⁶ А. Блок, т. V, стр. 20—22.

¹⁷ С. Гессен «Комментарии А. Блока к стихотворениям Пушкина», Временник пушкинской комиссии. АН СССР, 1936.

¹⁸ А. Блок, «Валерий Брюсов», Венок, Собр. соч., т. V, стр. 616.

¹⁹ А. Блок, Записные книжки, Л, 1930, стр. 144.

ка (1907—1917 г.г.) лейтмотивом проходит мысль об ответственности писателя перед народом, мысль о жизненной пользе искусства.²⁰

«Перед русским художником, — писал А. Блок в 1907 году, — вновь стоит неотступно этот вопрос пользы. Поставлен он не нами, а русской общественностью, в ряды которой возвращаются постепенно писатели всех лагерей».²¹

Процесс пересмотра творческих позиций происходил у Блока не только в ожесточенной полемике с декадентским окружением, но и с самим собою. И поддержку в этой борьбе Блок ищет и находит в творчестве русских классиков. Серьезнее и глубже решает теперь Блок проблему традиции. Над этим он много размышляет, например, в статье 1908 года «Вопросы, вопросы и вопросы». Он пишет: «...откройте сейчас любую страницу истории нашей литературы XIX столетия, будь то страница из Гоголя, Лермонтова, Толстого, Тургенева, страница Чернышевского и Добролюбова... — и все вам покажется интересным, насущным и животрепещущим; потому, что нет сейчас, положительно нет ни одного вопроса среди вопросов, поднятых великой русской литературой прошлого века, которым не горели бы мы».²² По-новому следуя традициям, Блок уже в это время преодолевает недавно-близкое ему противопоставление Мережковским Пушкина шестидесятникам, которых он называл «демократическим варварством».²³ Не будем сейчас говорить о сложности отношения Блока к революционерам-демократам, для понимания нашей темы интересно то, что в 1908 году Блок уже рядом с Пушкиным ставит и Чернышевского и Добролюбова и Белинского: «...мы любим русскую литературу, мы не отдадим уже никогда более ни Пушкина, ни Глеба Успенского; вот мы проявили всю эту великую любовь и великую готовность быть верными священным заветам великих теней прошлого; точно так же, как мы сейчас, в 1908 году, в Петербурге, от мокрых сумерек до беззвездной ночи горели огнем бескорыстной любви и бескорыстного гнева, — точно так же горели этим огнем в том же Петербурге... в сороковых годах — Герцен и Белинский, в пятидесятых Чернышевский и Добролюбов».²⁴

Если в начале творчества Блоку всего важнее было в Пушкине «Служение муз не терпит суеты», то теперь для него особенно значима народность Пушкина, его гражданственность. «Пушкин и Лермонтов» — слышим мы все сознательнее...

---

²⁰ См. статьи «Генрик Ибсен», «Вечера искусств», «Три вопроса», «О театре», «Вопросы, вопросы и вопросы» и др., А. Блок, Собр. соч., т. V.

²¹ А. Блок, Собр. соч., т. V, стр. 237.

²² А. Блок, Собр. соч., т. V, стр. 335.

²³ См. работу Д. Мережковского «Вечные спутники».

²⁴ А. Блок, Собр. соч., т. V, стр. 335.

Два магических слова — «собственные имена» русской истории и народа русского». ²⁵

В статье 1908 года «Вечера искусства» Блок противопоставляет гражданственность поэзии Пушкина и Лермонтова современным поэтам: «Нечего и говорить о том, почему был прав Достоевский, когда с эстрады «жег сердца людей» «Пророками» Пушкина и Лермонтова... стихи же любого из новых поэтов читать не нужно и почти всегда — вредно, вредно потому, ... что нельзя приучать публику любоваться на писателей, у которых нет ореола общественного». ²⁶

Пушкин помогает Блоку утвердиться на новых позициях и, одновременно, в процессе изживания декадентских представлений об искусстве, обогащается восприятие Блоком Пушкина.

В письме к Розанову в 1909 году поэт писал: «Нам завещана в фрагментах русской литературы от Пушкина и Гоголя до Толстого, во вздохах измученных русских общественных деятелей XIX века, в светлых и неподкупных, лишь временно помутившихся взорах русских мужиков-огромная... концепция живой могучей и юной России...»

И если же такая Россия «мужает», то, уж конечно, — только в сердце русской революции в самом широком смысле, включая сюда русскую литературу». ²⁷

В этот период происходит новое переименование Блока с Пушкиным в каких-то общих, но очень существенных сторонах их творчества. По-пушкински (в общем звучании, а не в конкретном проявлении) решается теперь традиционная тема поэта и «черни». Поэт у Блока не противостоит жизни и тем более народу, он ненавидит и презирает «чернь», тех «кто так унижал мой народ и меня». Позже в речи о Пушкине Блок скажет: «Пушкин разумел под именем черни приблизительно то же, что и мы. Он часто присоединял к этому существительному эпитет «светский». ²⁸

Снова и снова обращается Блок к произведениям великого поэта, открывая в них все новую прелесть и глубину.

К восторженному отзыву (1908 года) о «Евгении Онегине» — «Онегина целиком следует выучить наизусть», можно прибавить другой: «Люблю в «Онегине», чтобы сердце сжалось от крепкого права». ²⁹

Во время путешествия по Италии Блок перечитывает Пушкина. В одном из писем в июле 1909 года он писал: «Я давно уже читаю «Войну и мир» и перечитал почти всю прозу Пуш-

²⁵ А. Блок, «Педант о поэте», т. V, стр. 26.

²⁶ А. Блок, т. V, стр. 308.

²⁷ А. Блок, Соч. в 2-х т.т., М, 1955, т. 2, стр. 623.

²⁸ А. Блок, Соч. в 2-х тт., т. 2, стр. 351.

²⁹ А. Блок, Записные книжки, Л, 1930, стр. 159.

кина. Это существует».³⁰ Продолжает читать Пушкина Блок и вернувшись в Петербург: «Здесь уже второй день читаю ефронского Пушкина, особенно Ваши статьи о «Домике в Коломне» и «Медном всаднике»,³¹ писал поэт В. Брюсову 2-го октября 1909 года.

В 1910 году он записывает: «Медный всадник» — все мы в вибрациях его меди».³²

Блока восхищает глубина психологизма Пушкина, ясность изображения душевного движения. «Перед Пушкиным открыта вся душа — начало и конец душевного движения. Все до ужаса ясно, как линия на руке под микроскопом».³³ И это он замечает в то время, когда сам стремится к изображению человека во всей его полноте. В дневнике 30-го октября 1911 года Блок записывает: «Нам опять нужна вся душа, все житейское, весь человек. Нельзя цыганские сны, ими можно только сгорать. Безумно люблю жизнь, с каждым днем больше, все житейское простое и сложное».³⁴ И рядом с «цыганскими снами» циклов «Снежная маска», «Кармен» появляются «Вольные мысли», «Мещанское житье», с необычной открытостью чувств и тяготением к конкретности, точности деталей. Эту тенденцию к реализму в творчестве Блока почувствовали современники. В марте 1913 года Блок записывает в дневнике: «Станиславский говорил всякое приятное, о моих стихах, обо мне. Говорил, что теперь я ближе к Пушкину, «потому, что не недоговариваю там где была потребность недосказывать у «декадентов — по отсутствию таланта».³⁵

Ширится диапазон творчества поэта. «И чем шире круг, — пишет Блок, — чем больше он захватывает, тем более творческой становится жизнь».³⁶ Блок достигает в лирических жанрах замечательного мастерства, но только лирика уже не удовлетворяет его. Блок ищет новых форм, жанров, которые бы дали поэту возможность показать человека «с духом, душой и телом, с житейским». Поэт мечтает уже о социально-бытовой поэме «с фабулой». Жанр необычный не только для Блока, но и для символистской поэзии вообще. И в работе над поэмой «Возмездие» (1910—21 гг) Блок обращается к классической традиции и прежде всего к Пушкину. По замыслу, частично осуществленному, поэма должна была отразить жизнь России за 35 лет, отразить широко — как судьбу интеллигенции (история рода) и судьбу народную («просыпается и готов зашуметь народ»).

³⁰ А. Блок, Сочинения в 2-х т.т., 2 т., стр. 631.

³¹ А. Блок, т. 2, стр. 634.

³² А. Блок, Записные книжки, Л, 1930, стр. 138.

³³ А. Блок, Записные книжки, стр. 158.

³⁴ А. Блок, Сочинения в 2-х т.т., т. 2, стр. 422.

³⁵ А. Блок, Дневник, т. 1, Л, 1928, стр. 207.

³⁶ А. Блок, Дневник, т. I, стр. 210.

Блок назвал «Возмездие» своими «Rougon-Macquar'ами». Это сближение основано только на том, что и у Золя и у Блока в основе сюжета — история рода. По характеру же поэтического изображения жизни, жанру, образам и стиху «Возмездие» — звено в развитии классической русской поэзии. Влияние пушкинской традиции здесь несомненно, особенно «Евгения Онегина». Блок как бы подхватывает пушкинскую тему «лишних людей» и прослеживает их эволюцию на рубеже XIX и XX века. Порою поэт стилистически подчеркивает свои переключки с Пушкиным.

Теперь — за мной, читатель мой,
В столицу севера, большую,
На отдаленный финский брег...

или:

Хотя свободен и широк
Был новый лорд в своих воззрениях,
Но вежливость он соблюдал,
И дамам ручки целовал
Он без особого презрения.

(«Возмездие»)

Но как всегда у большого поэта, усвоение традиции — одновременно и ее преодоление. Такое усвоение традиции, обогащая, не стирает творческой оригинальности. И даже в поэме «Возмездие» (поэме близкой к Пушкину и стилистически) мы все время чувствуем специфически блоковское — в обостренно-трагическом ощущении жизни, в романтической концепции восприятия мира в его едином музыкальном звучании. (Отсюда три мазурки в поэме и 2-й лейтмотив — мерный шаг пехоты).

В отношении Блока к Пушкину замечательно то, что для него Пушкин не был застывшим в величии славы исполином, он был для Блока спутником жизни, глубоко чтимым и в то же время близким. С ним он советовался, у него находил близкие ему темы, настроения и мысли и с ним он творчески полемицировал. Пушкин помогал Блоку преодолевать мрак безверия. В статье «Интеллигенция и революция» Блок писал: «Великие художники русские — Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой — погружались во мрак, но они же имели силы пребывать и таиться в этом мраке: ибо они верили в свет. Они знали свет. Каждый из них, как весь народ, выносивший их под сердцем, скрежетал зубами во мраке, отчаянии, часто злобе. Но они знали, что рано или поздно все будет по-новому, потому что жизнь прекрасна».³⁷

Великий поэт действительно стал неотъемлемой частью жизни Блока, к нему он обращается не только в момент твор-

³⁷ А. Блок, Сочинения в 2-х т.т., т. 2, стр. 222.

ческих раздумий, но и в минуты большого душевного волнения, как обращаются к очень близкому человеку, чтобы пережить радость сопричастности общему чувству. Так, замороженный изображенным на папирусе лицом египтянки Блок, стремясь понять секрет ее волнующей прелести, мысленно обращается к Пушкину. «В овале щек есть что-то монгольское. едва ли не то, что заставляло Пушкина «забываться пылкой мечтой» в «кочевой кибитке» и мечтательно исчерчивать рукописи стихов профилями».³⁸

Этим чувством живой любви к Пушкину проникнуты два его последних произведения: стихотворение «Пушкинскому дому» и речь «О назначении поэта».

Стихотворение «Пушкинскому дому» написано Блоком 5 февраля 1921 года. Написано оно было для альбома Пушкинского дома. «Кто-то позвонил по телефону и сказал, что Пушкинский дом просит написать ему в альбом какие-нибудь строки о Пушкине. Я написал».³⁹

В черновом варианте стихотворение начиналось так:

Стены Пушкинского Дома
В Академии наук!

Такое начало не удовлетворило поэта и было изменено, вероятнее всего не удовлетворило его своей неодушевленностью, холодностью. Думать, писать о Пушкине — значит писать и о себе. И вот появляется новое начало, давшее иной тон всему стихотворению. Уже с первых строк имя Пушкина зазвенело, зазвучало голосами жизни:

Имя Пушкинского Дома
В Академии наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!
Это — звоны ледохода
На торжественной реке,
Переключка парохода
С переходом в далеке.

Оно оживает и в характерных приметах воспетого Пушкиным города:

Это — древний Сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижимом скакуне.

---

³⁸ А. Блок, *т. V, стр. 398.

³⁹ А. Блок, Собр. соч., в 8 тт., т. III, стр. 638.

Примеры эти и конкретны (вместе со «звоном ледохода на торжественной реке», они дорисовывают картину Петербурга), но они и многозначны. Это — символы, узлы пересечения двойного ряда ассоциаций, связанные с творчеством двух поэтов. За ними «Медный всадник» и «Онегин», за ними «Туманный город», Россия — «Сфинкс» Блока.

Наметившаяся в этих строках, вернее в подтексте, близость в дальнейшем получает прямое поэтическое выражение.

Величественная монументальность предшествующих строк сменяется стихами большей экспрессии.

Наши страстные печали
Над таинственной Невой,
Как мы черный день встречали
Белой ночью огневой.
Что за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы знали,
А грядущие века.

Усиливающийся лиризм проявляется и в этих «мы», «нам» и в страстности выражения чувств.

Свое и пушкинское слилось неразделимо, и это так волнует, что говорить о Пушкине опосредованно уже нельзя, а нужно еще сказать о чем-то главном.

Из черновых вариантов видно, что Блок не сразу находит удовлетворившую его форму выражения. Сначала идут варианты «Вместе с Пушкиным», «Вслед за Пушкиным», но все это описательно, противоречит лирической взволнованности предшествующих строк. И, наконец, рождается строка:

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы во след тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Здесь и волнующая простота обращения (живых к живому) и чувство глубокого уважения.

Становится ясным, что Пушкин не только знаком и понятен, он дорог сердцу, так как близок в самом живом, выстраданном. Он помогает жить, учит мужеству, поддерживает веру в радость грядущего. Теперь уже мало сказать «не пустой для сердца звук», и слово не пустой заменяется в завершающей части стиха другим, — выражающим высшую степень близости:

Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук —
Имя Пушкинского дома
В Академии наук.

Вот зачем в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

«Наша память хранит с малолетства веселое имя: Пушкин. Это имя, этот звук наполняет собою многие дни нашей жизни. Сумрачные имена императоров, полководцев, изобретателей орудий убийств, мучителей и мучеников жизни. И рядом с ними — это легкое имя: Пушкин. Пушкин так легко и весело умел нести свое творческое бремя, несмотря на то, что роль поэта нелегкая и невеселая: она — трагичная»,⁴⁰ — так начал Блок свое последнее, можно сказать предсмертное слово о Пушкине, речь, с которой он выступил в юбилейные дни февраля 1921 года.

Можно спорить с многими положениями и выводами Блока, но это не снимает глубины мысли и страстности чувства, придающих этому выступлению такой волнующий характер.

«На торжественном собрании в память Пушкина, — писали современники, — присутствовал весь литературный Петербург. . . Разно было всегда, и особенно в последние годы, отношение к Блоку, но то, что он сказал о Пушкине, и то, как он это сказал, -- с какой-то убежденной твердостью, — захватило всех, отразилось в слушателях не сразу осознанным волнением, вызвало долгие рукоплескания и возбудило долгие разговоры».⁴¹

Е то же время, некоторые современники (и не только современники) восприняли эту речь как проповедь «чистого искусства». Думается, что такой вывод вульгаризирует мысли Блока.

В речи явно ощущается преувеличение имманентности искусства, усиленная в какой-то мере метафоричностью выражения («хаос», «безначальная стихия» и т. д.), однако высказанные в речи мысли о Пушкине и об отношении поэта к жизни вообще гораздо сложнее того первого тезиса Блока, который в отрыве от последующих рассуждений мог бы дать основания для столь упрощенного заключения.

«Первое дело, которое требует от поэта его служение, — говорит Блок в начале, — бросить заботы «суетного света». . . там можно в одиночестве собрать все силы и приобщиться к «родному хаосу».⁴² Этот тезис подкреплен ссылкой на стихотворение Пушкина «Поэту». Но значит ли это, что Блок видит в Пушкине поэта, ушедшего из жизни в мир искусства, и считает ли он вообще, что назначение поэта быть вне жизни? Весь ход рассуждений Блока опровергает такое предположение. Поэт живет жизнью всех («среди детей ничтожных мира,

⁴⁰ А. Блок, Сочинения в 2-х т. т., т. 2, стр. 347.

⁴¹ См. А. Блок, Сочинения, в 2-х тт., т. 2, стр. 762.

⁴² А. Блок, Сочинения в 2-х т. т., т. 12, стр. 348.

быть может всех ничтожней он»). Но поэту дано за повседневностью жизни «провидеть» глубину, для этого нужна огромная сосредоточенность, вдохновение, «потому, что вскрытие духовной глубины так же трудно, как акт рождения». В приведенном Блоком в подтверждении своей мысли пушкинском определении вдохновения нет ничего общего с теорией чистого искусства: «...вдохновение — есть расположение души к живейшему приятно впечатлений и соображению понятий, следственно и объяснению оных».⁴³

«Тайная свобода», о которой говорил Пушкин, отнюдь не понимается Блоком как свобода от жизни. «Мы знаем, что он (Пушкин — В. Г.) требовал «иной», «тайной свободы». По нашему, она «личная», но для поэта это не только личная свобода... а гораздо большая».⁴⁴

И как это не кажется парадоксальным, читая речь о Пушкине, в которой Блок говорит так много о необходимости одиночества для поэта, приобщающего к «безначальной стихии», укрываясь в мысли, что не только влияние Стриндберга и Ибсена, но и Пушкина и, может быть, больше всего Пушкина, ибо любовь к нему поэт пронесит через всю жизнь, помогли укрепиться в творчестве Блока волевому, действительному началу. Мысль эта возникает раньше. Еще в 1908 году в статье «Вопросы, вопросы и вопросы» Блок писал: «Может быть, для того, чтобы поставить крест на «интеллигентской жвачке», чтобы стать самим действующим лицом трагедии России, нужен уже обращаться не к «сознанию», а к «воле». Нужно, потому что иначе, может быть, не стереть «недоступной черты», и пропасть между станами интеллигенции и народа непроходима. Что действительно: «меч или слово?» — спрашиваем мы опять, вослед за Пушкиным».⁴⁵

Чем дальше, тем все чаще и чаще рядом с сомнениями и отчаянием возникает и крепнет у Блока мысль о том, что мир прекрасный «в тайне» должен стать прекрасным в яве и поэт должен быть не созерцателем, а участником этого превращения. Эта мысль — итог драматических размышлений о поэте и жизни в «Прологе» к поэме «Возмездие». Здесь появляется не только образ разящего меча, но и образ поэта, активно вмешивающегося в жизнь, помогающего появиться «новой породе».

Так бей, не знай отдохновенья,
Пусть жила жизни глубока:
Алмаз горит издалека —
Дроби, мой гневный ямб, каменья!

⁴³ А. Блок, Сочинения в 12-х т.т., стр. 350.

⁴⁴ А. Блок, Сочинения в 12-х т.т., стр. 353.

⁴⁵ А. Блок, т. V, стр. 334.

Эта мысль находит свое логическое завершение и в последнем слове о Пушкине: «... мы занимаем какое-то место в мировой культуре и сами способствуем образованию новых пород».⁴⁶ Не укрепилась ли это волевое активное начало в творчестве Блока, возможно не было бы ни «Возмездия», ни «Двенадцати», ни «Скифов».

---

⁴⁶ А. Блок, Сочин. в 2-х т.т., т. 2-й, стр. 352.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ДОБРОЛЮБОВА О ПУШКИНЕ

Б. Ф. ЕГОРОВ

В методологии революционных демократов сложно сочетались понимание исторической обусловленности явлений и метафизическая нормативность, т. е. подход к событиям прошлого с мерами, нормами настоящего. Иногда такой «антиисторизм» объясняется ограниченностью мировоззрения мыслителя, иногда — тактическими целями (ради общей идеи и из-за оглядок на цензуру критик сознательно не столько анализировал историческую обусловленность явления, сколько связывал его с современностью, подчеркивал в нем такие стороны, которые помогли бы общей идеологической борьбе революционной демократии, а это часто приводило к модернизации явления; так в статье «Русская сатира в век Екатерины» Добролюбов дал отрицательную оценку, за исключением книги Радищева, всей сатире XVIII века, сопоставив ее с современным либеральным обличительством).

По отношению к Пушкину у революционных демократов 1860-х гг. в основном проявлялась «мировоззренческая», а не тактическая, нормативность. В страстном желании видеть в художнике слугителя передовым общественным идеалам, выразителя народных чаяний, они и при оценке *литературных* явлений прошлого допускали антиисторическую нормативность. Подобная участь постигла и пушкинское наследие.

Советские литературоведы широко и подробно проанализировали высказывания революционных демократов о Пушкине, но часто при этом упускается из виду нормативность. Например, нередко исследователи стремятся «оправдать» резкие отзывы революционных демократов тем, что последние не знали всех фактов политической деятельности Пушкина, не знали некоторых его стихов, писем и т. п. Это, действительно, так. Однако выход в свет седьмого тома сочинений Пушкина под редакцией П. В. Анненкова, очень насыщенного произведениями, которые не могли появиться до 1855 года, произведениями остро

сатирического и публицистического плана, не изменил общего отношения Добролюбова и Чернышевского к поэту (у Добролюбова критика даже усилилась!), следовательно, суть дела заключается не в неведении, а в принципиальных чертах методологии. При этом наблюдается *своеобразие* оценок Добролюбова по сравнению с его предшественниками.

Белинский, хотя и отметил элементы сословной ограниченности поэта, упусти общественно-политического кругозора, но главным образом доказывал выдающееся значение Пушкина в истории русской литературы. Чернышевский на заре новой эпохи, следуя за Белинским в характеристике пушкинского реализма и народности, несколько передвинул акценты и положение Белинского о Пушкине как поэте преимущественно формы истолковал таким образом, что Пушкин в последние годы жизни совершенствовал форму своих произведений, но их содержание не было связано с жизнью (см. Чернышевский. Полное собрание сочинений в 16 тт., т. II, стр. 516).

Из произведений Добролюбова особый интерес представляет статья «А. С. Пушкин», написанная в 1856 г. для «Русского иллюстрированного альманаха» (СПб., 1858). Добролюбов повторил здесь мысли Чернышевского о реализме и народности, о форме и содержании, о поверхностности пушкинского мировоззрения, но, в отличие от своего учителя, главное внимание уделил трагическим противоречиям во взглядах Пушкина 1830-х гг., подчеркнул мятущуюся неудовлетворенность поэта современной жизнью. Важно также отметить стремление Добролюбова к историческим мотивировкам особенностей творчества поэта: «... это было необходимым явлением, принадлежащим самому времени» (I, 114¹); «В то время нужно было еще показать...» (I, 115) и т. д. Исторические объяснения, разумеется, не могут быть совместимы с нормативностью, и поэтому она в этой статье не столь заметна и проявляется лишь в высказываниях о недостаточной теоретической подготовке Пушкина (см. I, 108, 109, 115) и о преобладании в его творчестве художественной формы над содержанием (I, 113, 115, 118).

В дальнейшем Добролюбов отнесется к Пушкину значительно строже. Углубление революционно-демократического сознания критика в связи с обострением социальной борьбы увеличивало в отношении к прошлому элементы нормативности. Так, в рецензии на седьмой, дополнительный том сочинений Пушкина в изд. П. В. Анненкова («Современник», 1858, № 1) Добролюбов с интересом анализирует не известные ранее произведения Пушкина (в основном те, которые не могли быть опубликованы при николаевском режиме), но усиливает критические

---

¹ Ссылки даются по изданию: Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений в 6 тт., М., 1934—1941.

замечания (правда, опять отмечая противоречивость мировоззрения поэта 1830-х гг.).

Еще ярче критика проявилась в статье Добролюбова «О степени участия народности в развитии русской литературы» («Современник», 1858, № 2). Если в статье для «Русского иллюстрированного альманаха» Добролюбов говорил о реализме и народности поэта безоговорочно («Пушкин умел постигнуть истинные потребности и истинный характер народного быта» — I, 114), то здесь он станет доказывать, что Пушкин овладел лишь формой народности, содержание же для него было якобы недоступно: чтобы быть народным поэтом, нужно стать на народную точку зрения, а Пушкину этого не доставало.

Очевидно, такой эволюцией взглядов (наряду с другими причинами) объясняется и резкий отзыв Добролюбова о своей собственной статье 1856 г. («А. С. Пушкин») в рецензии на «Русский иллюстрированный альманах» («Современник», 1858, № 2; см. I, 337). В дальнейшем отношении Добролюбова к Пушкину в существенных чертах не изменится.

В 1860-е годы в статьях Писарева еще более усилится анти-историческая нормативность при оценке Пушкина. Эти факты давали повод враждебной революционным демократам критике обвинять их в неуважении к классикам и в игнорировании художественности литературы. Но до писаревских крайностей Добролюбов никогда не доходил, а в статье 1856 г. — тем более. Эта статья наиболее интересная и ценная из всего, что Добролюбов написал о Пушкине, т. к. она наименее нормативная.

ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА ПУШКИНА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СТИЛИСТИКИ

Е. А. МАЙМИН

Письма Пушкина в достаточной мере изучены с точки зрения фактологической, со стороны их содержания. Как вспомогательным и очень ценным материалом ими широко пользовались биографы поэта и исследователи его творчества. Эпистолярное наследие Пушкина подвергалось и специальному рассмотрению в более или менее основательных, общего характера работах Е. Ляцкого, В. Сиповского, Ю. Айхенвальда, Н. Гнедича, В. Ходасевича, Н. Степанова, Б. Казанского.¹ Меньше, совсем мало написано о стилистике пушкинских писем. Если не считать отдельных, иногда очень глубоких и остроумных, наблюдений и замечаний стилистического характера в указанных работах о письмах Пушкина, можно назвать только одно исследование, непосредственно посвященное этой теме — исследование В. А. Малаховского «Язык писем Пушкина».² Работа В. Малаховского носит сугубо лингвистический и описательный по преимуществу характер. Уже по одному этому она не только не разрешает проблемы до конца, но и не вполне поднимает её. Между тем стилистика писем Пушкина требует внимания пристального и исследования всестороннего. Для этого есть важные основания. Факты эпистолярной стилистики не просто дополняют характеристику стиля писателя вообще. Они существуют не на равных, а на особых правах. У Пушкина во всяком случае это так. Стиль писем Пушкина — это стиль поэта

¹ См.: Ляцкий Евг. А. С. Пушкин и его письма — Русское богатство, 1900, ч. 2; Сиповский В. В. А. С. Пушкин по его письмам — Сборник памяти Майкова, СПб, 1902; Айхенвальд Ю. Пушкин, изд. 2-ое; М, 1916, стр. 26—41; Гнедич Н. Заметки о письмах Пушкина — Русский вестник, 1899, ноябрь; Ходасевич В. Поэтическое хозяйство Пушкина, кн. I, Л., «Мысль», 1924; Степанов Н. Дружеское письмо начала XIX в. — сб. «Русская проза», «Academia», Л, 1926; Казанский Б. В. Письма Пушкина — Литерат. критик, М, 1937, № 2, стр. 90—105.

² Малаховский В. А., Язык писем Пушкина — Известия Ака. наук СССР, отд. общественных наук, № 2—3, М.—Л., 1937, стр. 503—568.

в его тенденции, в его наиболее свободном и в этом смысле почти идеальном выражении. В нем не только настоящее языка писателя, но и его будущее, его возможности, то, к чему писатель стремится. Все это придает особый интерес изучению стиля пушкинской переписки.

Письма для Пушкина, помимо своего прямого назначения, всегда в какой-то мере и школа стиля. В них вырабатывался слог, язык свободный и непринужденный. В своих письмах, частных и дружеских, он готовил, растил, проверял себя как мастера слова. Именно здесь, где Пушкин чувствовал себя независимее и свободнее, где он не был связан жанровыми и всякого рода иными литературными условностями, где он одновременно и помнил и забывал, что он писатель, он мог смелее экспериментировать в слове, смелее искать.³ И раз найденное, проверенное, затем использовать в своем художественном творчестве.

Материал переписки дает немало примеров прямых стилистических заготовок. У Пушкина часто счастливо найденное в письме выражение, образ, стилистический рисунок переходит затем в стихотворение, в повесть, статью. Письма оказываются пробным камнем языкового творчества, своеобразным опытным полем.

В письме Пушкина к Вяземскому впервые появляется шутовое наименование героя поэмы В. Л. Пушкина-Буянова «двоюродным братом»; «... все они вместе не стоят Буянова, а что-то с ним будет в потомстве? Крайне опасаясь, чтобы двоюродный брат мой не почелся моим сыном — а долго ли до греха».⁴ Словесный образ этот перекочевывает затем из письма в роман «Евгений Онегин»: «... Мой брат двоюродный, Буянов, В пуху, в картузе с козырьком...» и далее: «Буянов, братец мой задорный, К герою нашему подвел Татьяну с Ольгою...» (Евг. Он., V, 26, 43—44)

Интересно, что удачные образы, выражения переходят чаще всего из писем к Вяземскому. Это не случайно. Переписываясь

---

³ Разумеется, везде, где идет речь о «свободе» в письмах, это нужно понимать не в абсолютном смысле. И письма тоже имеют свою собственную поэтику, свои законы. Письма лишь относительно свободны. Но и этой «относительной» свободы вполне достаточно, чтобы письма могли служить «школой стиля». Весьма любопытное признание сделал по этому поводу И. А. Гончаров: «Эпистолярная форма не требует подготовительной работы, планов, поэтому в ту же минуту удовлетворяет природной страсти — выражаться! Ни лиц не нужно, ни характеров, ни деталей, ничего, что задерживает и охлаждает резвое течение мысли и воображение!.. Я сажусь, как музыкант за фортепьяно, и начинаю фантазировать, мыслить, ощущать, словом жить легко, скоро и своеобразно — и почти так же живо и реально, как и в настоящей жизни!» («Необыкновенная история». Сб. Российской публичной библиотеки, ч. II, стр. 132—133).

⁴ Письмо от 2 января 1822 г. — А. С. Пушкин. Полное собр. соч. в десяти томах. Изд-во Ак. наук СССР, М.—Л., 1951, т. 10, стр. 33.

с Вяземским, Пушкин особенно заботится о литературной, художественной стороне своих писем: писатель пишет писателю, пишет тому, кто сможет понять и оценить по достоинству.

Он пишет Вяземскому о Ф. Толстом: «... и смешить на мой счет письмами чердак князя Шаховского».⁵ В «Евгении Онегине» позже появляется созвучное этому — созвучное не по мысли только, но и по форме выражения: «Я только в скобках замечаю, Что нет презренной клеветы, На чердаке вралем рожденной...» и пр. (IV, 19).

1 июня 1831 г. в письме к тому же адресату Пушкин замечает: «Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря».⁶ Почти дословно эта мысль воспроизводится в стихотворении «Клеветникам России», датированном 16-ым августа 1831 г.: «Оставьте: это спор славян между собою, Домашний старый спор, уж взвешенный судьбою... Вам непонятна, вам чужда Семейная вражда».

Пушкин пишет Вяземскому: «Лета клонят к прозе».⁷ Затем то же и о том же в «Евгении Онегине»: «Лета к суровой прозе клонят, Лета шалунью рифму гонят» (VI, 43).

Разумеется, словесные находки, удачные выражения и образы переносятся не из одних писем к Вяземскому. Из писем к Вяземскому относительно больше, чем из других, но и из других тоже немало.

В письме Пушкина к Рылееву встречается афористическое замечание: «Скука есть одна из принадлежностей мыслящего существа».⁸ Письмо написано в мае 1825 года. В следующем, 1826 году, афоризм в несколько измененном виде попадает в «Сцены из Фауста»: «Вся тварь разумная скучает».

В письме к Плетневу от августа 1831 года Пушкин пишет по поводу назначенной им цены одного из своих произведений: «Думаю, что публика будет беспрекословно платить сей умеренный оброк и не принудит меня употреблять строгие меры».⁹ Через два года он делает попытку вернуться к «Евгению Онегину» и в одном из набросков к продолжению своего романа пишет: «Ты мне советуешь, Плетнев любезный, Оставленный роман мой продолжать... , Брать с публики умеренную плату — За каждый стих по десяти рублей (Составит, стало, за строфу сто сорок) — Оброк пустой для нынешних людей».

9 сентября 1830 года в письме к деду Н. Н. Гончаровой Пушкин замечает: «Сношения мои с правительством подобны

⁵ Письмо от 1 сентября 1822 — там же, стр. 41.

⁶ А. С. Пушкин. Полное собр. соч. в десяти томах, т. 10, стр. 351.

⁷ Письмо от 1 сентября 1822 — там же, стр. 42.

⁸ А. С. Пушкин, Полное собр. соч. в десяти томах, т. 10, стр. 144.

⁹ Там же, стр. 377

внешней погоде: поминутно то дождь, то солнце. А теперь нашла тучка». ¹⁰ В 1831 году образ этот комически переосмыслиется в шуточном стихотворении, посвященном присвоению Вяземскому звания камергера:

Так солнце и на нас взглянуло из-за туч,
На з... твоей сияет тот же ключ.

В письме к жене из Михайловского Пушкин делится своими впечатлениями: «В Михайловском нашел я все по-старому, кроме того, что нет уже в нем няни моей и что около знакомых старых сосен поднялась во время моего отсутствия молодая сосновая семья». ¹¹ Буквально через несколько дней после этого письма Пушкин создает стихотворение «Вновь я посетил», в котором используется найденный в письме образ: «... Теперь младая роща разрослась, Зеленая семья...»

Интересно, что иногда поэт использует в своих произведениях удачный образ, заимствованный из писем своих корреспондентов. Слово «заимствованный» здесь не совсем точно. Для Пушкина этот образ становится своим (ведь он пришел к нему из его переписки!), поэт вживается в него, может быть, даже забывает о том, кому первому обязан образ своим существованием. 22 января 1825 года Плетнев пишет Пушкину: «... на Парнасе толкучий рынок». В течение 5 лет этот образ нигде — ни в переписке Пушкина, ни в его произведениях — не встречается: время достаточное, чтобы забыть, кому принадлежит на него первоавторство. Автор, очевидно, забыт — но самый образ не забыт. Спустя 5 лет, в «Домике в Коломне» читатель встречает его в развернутом и отточеном виде: «А табор свой с классических вершинок Перенесли мы на толкучий рынок, И там себе мы возимся в грязи, Торгуемся, бранимся так, что любо...»

Приведенные примеры наиболее наглядно и прямо показывают, насколько переписка служила для Пушкина школой мастерства, сферой художественного опыта, источником стиливых заготовок. Но переписка для Пушкина была подлинной школой и в более глубоком и более важном смысле. Как справедливо отметил проф. Малаховский, «через свои эпистолярные опыты Пушкин пришел к художественной прозе». ¹² В письмах Пушкина исподволь, постепенно вырабатывался язык его прозы. И к этому вот что необходимо еще добавить: в языке писем намечается не только то, что было впоследствии осуществлено Пушкиным, но и то, что Пушкин осуществить не успел. В языке пушкинских писем в каком-то смысле проглядывает будущее не

¹⁰ А. С. Пушкин. Полное собрание соч. в десяти томах, т. 10, стр. 306.

¹¹ Письмо от 25 сентября 1835 г. — там же, стр. 548.

¹² Малаховский В. А., Язык писем Пушкина, стр. 506.

одного языка Пушкина-прозаика, но и языка всей русской прозы.

В своей дружеской переписке Пушкин является «в халате, нараспашку и спустя рукава». Это выражение принадлежит самому Пушкину. Это образ — и тем более это не нужно понимать буквально. В письмах своих Пушкин является как будто «спустя рукава». За мнимой небрежностью — большое искусство. Мнимая небрежность — это свобода, утверждение свободы. И это как раз то, что более всего ценит Пушкин-художник.

В одном из писем к Бестужеву Пушкин писал: «Жду твоей новой повести, да возмись-ка за целый роман — и пиши его со всею свободою разговора или письма, иначе все будет слог сбиваться на Коцебятину».¹³ Свободный язык, вольные и непринужденные речевые композиции, максимально приближающиеся к разговорной речи — таков идеал Пушкина, его программа. Таким свободным языком нужно писать романы, повести. Для романов и повестей такой язык — должно быть. В письмах это должное практически осуществляется. Язык писем не только объективно является своеобразным опытным полем; Пушкин и сам отдает себе отчет в том, что это опыт, прекрасная школа языкового мастерства.

Язык писем у Пушкина во многих отношениях опережает язык его художественных произведений. Это проявляется прежде всего в особенностях лексики и фразеологии. Одна из самых больших заслуг Пушкина — обращение его к живым истокам народного языка. И в письмах он это делает смелее, идет дальше, нежели в художественных произведениях. В письмах Пушкин свободно употребляет некоторые слова в простонародной форме: вчерась, убивство, отымать, оттоле; широко пользуется простонародной лексикой: кварта, выключка, фатерка, зачуфырился, торока (взять в торока — привязать к седлу), блазнит, шарамыжник. Интересно, что мещански-простонародное слово «фатерка» употреблено Пушкиным всего 2 раза — и оба раза в письмах; то же со словом «шарамыжник»; слова «зачуфырился», «выключка», «торока» по одному разу — и тоже только в письмах; слово «вчерась» употреблено 5 раз — из них 3 раза в письмах, и только 2 — в художественных произведениях.

В своей переписке Пушкин, не стесняясь, пользуется и вульгаризмами: «На днях испорознился сказкой в тысяча стихов; другая в брюхе бурчит», «если его [Жуковского] все еще несет вдохновеньем, то присоветуй ему читать Четь-

---

¹³ Письмо от 30 ноября 1825, — А. С. Пушкин, Полное собр. соч., т. 10, стр. 192.

Минею»; «какая ты дура мой ангел!» «надобно бабенку к рукам прибрать». Замечательно, что вульгаризмы под пером Пушкина меньше всего кажутся вульгарными. Как хорошо сказал один исследователь пушкинского творчества, «у него — прекрасная грубость, у него — милая непристойность, у него — здоровье легкой души».

Широко, особенно широко использует Пушкин в переписке народные пословицы и поговорки, при этом порой перефразируя их и даже переосмысляя. Пословицы и поговорки — идиоматические чаще всего выражения, потому в них и через них особенно проступает национальная, народная физиономия языка.

Пушкин пишет Соболевскому: «Вечер узнал я о твоём горе и получил твой два письма. Что тебе скажу? Про старые дрожжи не говорят трюжды; не радуйся нашед, не плачь потеряв... Перенеси мужественно перемену судьбы твоей, т. е. по одежке тяни ножки — все перемелится, будет мука. Ты видишь, что кроме пословиц ничего путного тебе сказать не сумею. Прощай, мой друг!»

В письме к Дельвигу: «...вольно собаке и на владыку лаять, но пускай лает она на дворе, а не у тебя в комнатах».

Особенно много пословиц встречается в его письмах к жене. И чем дальше, тем больше. Пушкин испытывает явное удовольствие, употребляя пословицы, точно купается в них, они ему доставляют эстетическое наслаждение. Наслаждение главным образом потому, что в них он ощущает неповторимо-народное, приобщается через них к этому неповторимому и народному.

«Приеду оживиться твоею молодостью, мой ангел. Но не жди меня прежде конца ноября; не хочу к тебе с пустыми руками явиться, взялся за гуж, не скажу, что не дуж».

«Вот вся тайна кокетства: было бы корыто, а свиньи будут».

«Во-первых, отпустил я себе бороду; ус да борода — молодцу похвала: выду на улице — дядюшкой зовут».

В связи с использованием Пушкиным пословиц любопытный подсчет был сделан Н. Г. Воробьевым (Н. Г. Воробьев. Пословицы и поговорки в творчестве Пушкина). Согласно этому подсчету, в незаконченной повести «Арап Петра Великого» встречается пять пословиц, в «Повестях Белкина» — 14; в «Истории села Горюхина» — пословиц нет вовсе; в «Дубровском» — 5; в «Пиковой даме» — нет; в «Капитанской дочке» — в пределах 40. Между тем в письмах, начиная с 1822 г., отмечено свыше 120 пословиц и поговорок. Если учесть, что пословицы и поговорки в художественных произведениях встречаются преимущественно в речи персонажей, а не в авторской речи, результат наблюдений Н. Г. Воробьева следует признать весьма показательным. Очевидно, что и в отношении насыщенности идиоматикой язык писем далеко опережает язык Пушкина-художника.

В известном смысле язык писем Пушкина оказывается более народным, чем язык его художественных произведений.

Широкое употребление Пушкиным идиоматических выражений, народных по происхождению, просторечия и вульгаризмов ни в коей мере не объясняется исключительно особенностями эпистолярного жанра. В этом употреблении — выражение общего языкового идеала Пушкина. В письмах более всего и прежде всего осуществляется его общая языковая программа.

«Языку нашему надобно воли дать более...», — писал Пушкин Погодину.¹⁴ И та же мысль выражена в письме к Вяземскому: «Я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность... Грубость и простота более ему пристали.¹⁵ И к этому добавляет: «Проповедую из внутреннего убеждения, но по привычке пишу иначе». Неожиданное и очень любопытное признание. Несомненно, что когда Пушкин заявляет: «по привычке пишу иначе» — он имеет в виду не письма, а художественные произведения. В художественных произведениях «дать воли» языку не так-то легко: необходимо преодолевать «привычку», традиции. Поэта связывают в этом случае привычные и узаконенные практикой литературные условности. Иное дело — письма. Они по самой сути своей менее традиционны, и в них Пушкин делает то, что соответствует его «внутреннему убеждению», к чему он лишь стремится в языке художественных произведений.

Язык пушкинской переписки, насколько это возможно, свободен. Он богат свежими, литературно неканонизированными словечками, сравнениями, неожиданными, почти дерзкими в своей необычности сочетаниями слов:

«в старину все случалось забалтываться стихами»; «готов христосоваться с тобой стихами, но сделай милость... пощади»; «все-таки она приказала тебя, пустельгу, расцеловать»; «кстати, похвалите Славянина, он нам нужен, как навоз нужен пашне, как свинье нужна кухня, а Шишков русской академии»; «вот! да разве не видишь ты, что мечут нам чистый баламут, а мы еще понтируем», «кабы знал, что заживусь здесь, я бы с ней завел переписку вчасос и с подогревцем, т. е. на всякой почте по листу кругом».

В письмах Пушкин чувствует себя свободным и в отношении т. н. правил языка. Для него не существует недопустимого вообще; он знает, что недопустимо может быть только для данного, конкретного случая. Приведу один показательный в этом смысле пример. Пушкин пишет Кюхельбекеру по поводу его «Духов»: «... выражения не всегда точно русские — например,

¹⁴ Письмо от ноября 1830 г. — А. С. Пушкин. Полное собр. соч., том 10, стр. 321.

¹⁵ Письмо от 1—8 декабря 1823 г. — Там же, стр. 76.

слушать в оба уха». ¹⁶ А на другой день, никак специально не комментируя, в письме к Плетневу использует эту неправильность — использует в ином контексте, контексте иронически-шутливого, фамильярного звучания: «Милый, дело не до стихов — слушай в оба уха...» ¹⁷ У Пушкина неправильность заиграла, приобретает выразительность и значит, стала фактом законным и допустимым.

Одна из примечательных особенностей стиля пушкинской переписки — любовь к каламбурам. Из современников Пушкина это особенно свойственно было и Вяземскому. Пушкин любит каламбуры не ради них самих. Для него это живая игра, проявление остроумия, утверждение языковой свободы. Он сталкивает слова между собой, высекая из них искру. Поэту, мастеру слова, это не может не доставлять удовольствия. Он чувствует и осознает слово во всех его связях, во всех его возможных ассоциациях. И в комических — в том числе.

«... скажи Селенину, — пишет он брату, — чтоб он мне прислал Сукина Сына Отечества 2-ю половину года»; о Дельвиге: «А то шпионы-литераторы заедят его как барана, а не как барона»; «бедный Дельвиг! Помянем его Северными Цветами»; «взять жену без состояния — я в состоянии, но входить в долги для ее тряпок — я не в состоянии»; «страховать жизнь еще на Руси в обыкновение не введено, но войдет же когда-нибудь: покамест мы не застрахованы, а застращены».

Интересная черточка. Порой он бывает очень мрачен, его письма — даже к жене — почти сухи, в них чувствуешь разлившуюся желчь — но вот ожидается каламбур, поэт чувствует возможность словесной игры... и сухости не осталось и следа, приходит неожиданное оживление, он уже почти весел: «Сейчас... я прочел, что Пугачев поручил Хлопуше грабеж заводов. Поручаю тебе грабеж заводов — слышишь ли, моя Хлопушкина? Ограбь заводы и возвратись с добычей».¹⁸

Пушкин не только играет со словом, ищет неожиданных словесных связей, он и творит слово — выразительное, впечатляющее слово. В переписке его особенно много неологизмов. Точнее сказать, только в переписке они и встречаются. Осторожный в отношении словотворчества в своих художественных произведениях, он смело прибегает к нему в письмах. И в этом случае он в языке писем больше революционер, дальше идет, нежели в языке художественных произведений.

«Здесь у нас молдованно и тошно», — пишет он Гнедичу. «Я влюбился и миртильничаю»; «пакость твоего

¹⁶ Письмо от 1—6 декабря 1825 г. — А. С. Пушкин. Полное собр. соч., т. 10, стр. 194.

¹⁷ Письмо от 4—6 декабря 1825 г. — Там же, стр. 195.

¹⁸ Письмо от июля 1834 г. — А. С. Пушкин, Полное собр. соч., т. 10, стр. 507.

чтен ь е б е с и я»; «ольдекопствуешь и воейковствуешь»; «в самом деле не забрюхатела ли ты? что ты за недотыка!»

Пушкин творит и откровенно радуется своему творчеству. Он гордится свежим, им самим изобретенным словом. В письме к Дельвигу он пишет: «мнителен и хандрлив», и тут же с великолепной непосредственностью добавляет: «каково словечко!»

«Реформа повествовательного стиля в творчестве Пушкина, — писал акад. Виноградов, — главное всего была направлена на развитие приемов синтаксической изобразительности»¹⁹ В синтаксисе Пушкин больше всего был новатором. И новаторство в синтаксисе, подобно тому, как это отмечалось в лексике и фразеологии, ярче всего выражается в языке его писем.

Художественно-повествовательный язык Пушкина, при всей его простоте и неукрашенности, всегда сдержан, заметно обработан. В основе повествовательных периодов, даже наиболее смелых, чувствуется установка на гармонию. В языке писем — вместо гармонии, движение, живые ритмы, острая динамичность. В языке писем — свободные конструкции, непринужденность связей, максимальная близость к устной речевой стихии.

«Но Петр Маркович их взбуторажил, он к ним прибежал. дети! дети! мать вас обманывает — не ешьте черносливу; поезжайте с нею. Там будет Пушкин — он весь сахарный, а задего яблочный; его разрежут и всем вам будет по кусочку — дети разревелись; не хотим черносливу, хотим Пушкина.»²⁰

«Но жизнь все еще богата, мы встретим еще новых знакомцев, новые созреют нам друзья, дочь у тебя будет расти, вырастет невестой, мы будем старые хрычи, жены наши — старые хрычовки, а детки будут славные, молодые, веселые ребята; а мальчишки станут повесничать, а девчонки сентиментальничать, а нам то и любо».²¹

Здесь целые периоды, построенные на бессоюзной связи и сочинении. Здесь типично пушкинская быстрота, неожиданность и острота синтаксических сцеплений и присоединений. Отсюда особая легкость, свобода, динамика. Как и в живой речи, интонация становится главным средством связи частей в целое.

«Однако скучна Москва, пуста Москва, бедна Москва. Даже извозчиков мало на ее скучных улицах. На Тверском бульваре попадаютс я две-три салопницы, да какой-нибудь студент в очках и в фуражке, да кн. Шаликов».²²

¹⁹ Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941, стр. 358.

²⁰ Письмо Дельвигу от ноября 1828 г. — А. С. Пушкин. Полное собр. соч., т. 10, стр. 254.

²¹ Письмо Плетневу от 22 июля 1831 г. — Там же, стр. 368.

²² Письмо Н. Н. Пушкиной от 27 августа 1833 г. — А. С. Пушкин. Полное собр. соч., т. 10, стр. 441.

Интересно сопоставить два периода, приблизительно на одну и ту же тему, взятые один из письма, другой из критической прозы. Пушкин пишет Гнедичу:

«Я очень знаю меру понятия, вкуса и просвещения этой публики. Есть у нас люди, которые выше ее; этих она недостойна чувствовать; другие ей по плечу, этих она любит и почитает. Помню, что Хмельницкий читал однажды мне своего Нерешительного: услыша стих «И должно честь отдать, что немцы аккуратны», я сказал ему: вспомните мое слово, при этом стихе все захлопает и захохочет. А что тут острого, смешного? Очень желал бы знать, сбылось ли мое предсказание».²³

Период в строгой его форме в этом отрывке отсутствует. Абсолютно преобладают сочинительные конструкции, заметна большая свобода связей. Иначе, хотя и о близком, говорит Пушкин в критической статье:

«Значительная часть нашего партера (т. е. кресел) слишком занята судьбою Европы и отечества, слишком утомлена трудами, слишком глубокомыслена, слишком важна, слишком осторожна в изъявлении душевных движений, дабы принимать какое-нибудь участие в достоинствах драматического искусства (к тому же русского). И если в половине седьмого часу одни и те же лица являются из казарм и совета занять первые ряды абонированных кресел, то это более для них условный этикет, нежели приятное отдохновение. Ни в каком случае невозможно требовать от холодной их рассеянности здравых понятий и суждений, и того менее — движения какого-нибудь чувства.»²⁴

Здесь, очевидно, другой синтаксис, другая, более строгая и правильная конструкция, период, построенный по всем законам красноречия. Язык прозы не хуже языка письма — он просто иной, более книжный, более традиционный. И так не в одном этом случае.

Повествовательный язык Пушкина, при всех его достоинствах, ощущается нами как достаточно традиционный. Язык писем и до сих пор поражает своей новизной, смелостью, свободой. По сравнению с непринужденностью речевых конструкций пушкинской переписки и синтаксические конструкции Тургенева кажутся излишне книжными, конструкции Гоголя слишком тяжеловесными. В языке писем Пушкин пошел дальше не только самого себя как писателя, но и дальше своих ближайших последователей. Он далеко опередил свое время и в известном смысле предугадал Чехова, этого веселого, изобретательного и великого

---

²³ Письмо от 13 мая 1823 г. — А. С. Пушкин. Полное собр. соч., т. 10, стр. 60.

²⁴ А. С. Пушкин. Мои замечания об русском театре — Полное собр. соч., т. 7, стр. 8.

мастера живого русского слова, Чехова, которого Лев Толстой с полным основанием назвал «Пушкиным в прозе».

Сделанные наблюдения носят, естественно, самый предварительный характер. Но и они позволяют прийти к одному очень важному выводу. Изучение стиля Пушкина без учета стилистики его писем будет не просто неполным, оно может привести к ошибочным заключениям. Письма позволяют увидеть то, что только намечено, но до конца не выявлено в языке художественных произведений. Изучение писем позволяет лучше, полнее и точнее понять тенденцию пушкинского стиля и истинный характер пушкинских языковых традиций. Подлинное понятие пушкинских традиций не укладывается вполне ни в языке Тургенева, книжном по своему синтаксису, ни в языке Гоголя. Язык русской литературы, никогда не отказывавшийся от завещанного ему Пушкиным, осуществит эти заветы в полной мере не сразу, спустя много десятилетий, осуществит по мере того, как освободится от тяжелого груза литературно-языковой условности, максимально приблизится к стихии живой, устной речи.

ЭЛЕГИЯ А. С. ПУШКИНА «ПОГАСЛО ДНЕВНОЕ СВЕТИЛО»

(Стилистический анализ)

Э. В. ПОПОВА

Мы привыкли воспринимать мир в моральной атмосфере произведений Пушкина, той особенной моральной атмосфере, которая сделала русскую литературу национальной гордостью, гордостью мировой, общечеловеческой культуры. Пушкин завещал русской литературе беспредельную человечность, веру в человека, внимание к внутреннему миру человека своего времени, в его противоречиях, поисках, поражениях и победах. Пушкин, поэт своего народа, сам был лучшим из лучших его представителей, человеком, который бесконечно любил жизнь и был воплощением живой жизни. Для него жизнь была творчеством, а творчество это и самопроверка, и исследование, постоянное движение к новому и все более глубокому пониманию действительности. Лирика Пушкина, как и творчество в целом, вся в процессе, в движении: изменяется характер лирического героя, его отношение к миру, меняется выбор темы, особенности жанра, стилистическое оформление.

Элегию «Погасло дневное светило» и стихотворение «К морю» обычно рассматривают как первое и как последнее лирические стихотворения Пушкина-романтика. Их создание связано с личными впечатлениями поэта. В 1820 году, в течение трех месяцев, Пушкин путешествовал по Кавказу и Крыму вместе с Раевскими. Воспоминания об этих днях поэт сохранил в памяти как самое дорогое и радостное. Много позднее несколько раз возвращался он к ним и в лирике, и в романе «Евгений Онегин». А в письмах к брату, в «Отрывке из письма к Д», он говорит об этих днях с особенной, взволнованной нежностью, открытым восторгом.

Элегия «Погасло дневное светило» создана в Гурзуфе. Очевидно, Пушкин задумал ее, переправляясь морем из Феодосии в Гурзуф, ночью с 18 на 19 августа 1820 года. Об этом он сообщал в письме брату, отправляя ему элегию для издания в журнале Греча.

«В лирических произведениях, — говорит Белинский, — выражены более общие, более сознательные факты своей жизни, различные созерцания, воззрения, сближения, мысли...¹ Такие «более общие, более сознательные факты своей жизни» стали содержанием и элегии «Погасло дневное светило». Обращаясь к морю, поэт больше всего говорил и думал о человеке, о себе и своем современнике. Иногда нужно говорить только о море, чтобы сказать все о человеке.

Лирический герой этой элегии, отмечает Б. В. Томашевский, ищет новый путь, он на распутье. Стихотворение открывает читателю, почему и как лирический герой отказывается от прошлого, к чему стремится. Содержание определило и стилистические особенности произведения.

В первых двух стихах особый строй мысли и особая интонация, слова просветленные, сказанные словно в забытьи, в состоянии уравновешенности:

Погасло дневное светило,
На море синее вечерний пал туман...

Дневное светило — нечто более величественное и огромное, чем солнце. Нужно сказать, что погасло светило, источник света, света, который был днем — дневное, — когда все яснее, отчетливее, понятнее, — поэтому значительным и необходимым стал перифраз, совсем не новый, традиционный.

Определено время: это не день уже, но и не ночь еще (туман вечерний), вечерние сумерки, «час размышления», когда человеком может овладеть особенное состояние, когда всерьез и строго он оглядывается на свое «вчера», итожит и оценивает пройденное. Авторский голос входит неторопливо и повелительно:

Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

Повелительное шуми повторяется здесь с настойчивой, уверенной интонацией. В эту минуту несомненная уверенность в себе, нет еще несогласия с собой. И океан, пусть он угрюмый, мрачный, неведомый и таинственный, воспринят как нечто само собой разумеющееся. Стихия и человек наравне, общее состояние равновесия, и смысловое, и интонационное.

Но забвения нет, само раздумье, овладевшее человеком, мешает забыться:

Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края,
С волненьем и тоской туда стремлюсь я...

---

¹ Белинский В. Г., Собр. соч. в 3 тт., М, 1948, т. II, стр. 48.

И затем в отдельную строку поставлены два слова, которые звучат длительно и раскованно, свободно:

Вос-по-ми-на-ньем у-по-ен-ный...

Как будто важнее всего продлить упоение воспоминанием. Все дело в воспоминании, значением своим оно организует здесь и строки, и слова. «Земли полуденной волшебные края» чабуют, пленяют красотой своей, но колдовская, волшебная, притягивающая сила есть в них потому, что там — воспоминание. Волненье, тоска, стремлюсь — обязательны, необходимы здесь, это слова, неотделимые от воспоминания, в них один и тот же эмоциональный мир для поэта. Воспоминание отодвинуло все внешнее, сознанием неотвратимо и сильно завладели противоречивые душевные движения:

И чувствую: в очах родились слезы вновь,
Душа кипит и замирает,
Мечта знакомая вокруг меня летает...

То возбуждение, взволнованность, бурная, быстрая смена ощущений — душа кипит, то мгновенная неподвижность — замирает. Здесь же и слезы, и мечта, которые, как заметил Б. В. Томашевский, у Пушкина всегда равны вдохновению, тому обостренному восприятию мира, напряжению чувств, которое выводит человека, осмысляет все вокруг, когда труд становится творчеством. Но в элегии 1820 года это прежде всего воспоминание, когда прошедшее возродилось в сознании заново: и слезы в н о в ь, и мечта з н а к о м а я. И слезы, и мечта соотнесены только с воспоминанием о чувстве, обращено к своему внутреннему миру, сложному и общечеловечески значимому — и все же к себе в первую очередь:

Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И все, чем я страдал, и все, что сердцу мило.
Желаний и надежд томительный обман ...

Они не противопоставлены, они вместе, в одном: и в том, что было безумной любовью, и в желаниях и надеждах соединились страдание и милое сердцу. Противоположные внешне, они объединены строкой, перед и после которой единые по мысли речевые такты:

... Я вспомнил прежних лет безумную любовь ...
... Желаний и надежд томительный обман ...

Соседство их разрушило границу противоположности: то, что было страданием, стало милым сердцу. Так познается тот полный аккорд чувств в лирике Пушкина, о котором говорил Белинский. И тем свободнее переход от страдания к милым

сердцу событиям, что страдал не от чего-то, а чем-то. Так близки и равны они, человек и его горе, и главное не виновен никто, кроме себя самого. И обман томительный, в нем ожидание, медленное ожидание, от которого усталость только. Может быть, не так понятна была бы эта длительность и усталость, если бы не выразительная сила аллитерации:

...и все, что сердцу мило,
Мечганий и надежд томительный обман...
Шумы, шуми...

Здесь все на диссонансе, противоречиво, нет смысловой завершенности. Только две следующие строки рефрена заключили строфу ритмически (мужской рифмой):

Шумы, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

Но они-то и все меняют, вступают стремительно, прерывая нить воспоминаний, и — исчезла спокойная уравновешенность начала, повеление смягчилось, оно торопливее, чтобы не было возможности отступить, вернуться. Успокаивающий и величественный ритм этих строк теперь контрастен мятущемуся сознанию лирического героя. Сейчас они еще важнее, их повеление стало ключом к последующему, определило стилистику следующих стихов. За повелением-просьбой к ветрилу и океану сразу «приказ» кораблю, очень созвучный словам: «шумы», «волнуйся»:

Лети корабль, неси меня к пределам дальним,
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей...

При этом уверенная, решительная маршевая четкость первой строки задает тон всем последующим. Уже не внутреннее созерцание, не упоение противоречивыми воспоминаниями, а решительная перемена в настроении: нужно все измерить, оценить до конца. Нужна решимость, чтобы поверить «грозной прихоти обманчивых морей». Моря тоже обманчивы, но они изменяются, а не изменяют, у них все прихоть, случайное. А там, «на берегах печальных», все было иначе. И потому решение бежать от родины,

...Страны, где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,
Где музы нежные мне тайно улыбались,
Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,
Где легкокрылая мне изменила радость
И сердце хладное страданью предала...

Все было впервые, доверчиво и чисто: испытание чувств, радость творчества. В стихах еще живая, трепетная и нежная привязанность ко всему, что было впервые. Пусть это преувеличение — говорить о «потерянной младости» и «хладном сердце» — это излюбленные фразы юности. Но сейчас такая преувеличенность нужна, сейчас важнее всего высочайшая степень строгости к прошедшему. Отсюда торопливые перечисления с четырехкратным где, с отчетливым сознанием, что нельзя вернуть утраченное. Здесь важнее всего синонимически близкие слова, они окрашивают фразу:

... рано отцвела
... моя потерянная младость
... мне изменила радость
... сердце хладное страданью предала.

Не может быть случайным совпадение значений: и з м е н и л а и п р е д а л а поставлены параллельно, почти рядом. И потому так отчетливо отношение к былому, экспрессия даже в сочетании звуковым:

... и сердце хладное страданью предала...

Это слова человека, не униженного всем этим, но как будто усталого, ко многому охладевшего. Но он же — «искатель новых впечатлений». Значит, главное не в «хладном сердце» и «потерянной младости»:

Я вас бежал, отчески края,
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья!..

В том и вся сложность, что к «новым впечатлениям» бежать необыкновенно трудно, ведь это значило бежать от себя. Друзья — это верность прежде всего, честное и очень дорогое человеку слово. А те — питомцы наслаждений, они воспитаны наслаждением, в них изнеженность и потому временность, непостоянство. У минутной младости и друзья должны быть минутные... И он бежал их. Но бежать — не значит забыть. Нельзя совсем забыть тех, которые назывались друзьями, нельзя забыть «отчески края».

Возможно было и то, что забыть проще:

И вы, наперсницы порочных заблуждений,
Которым без любви я жертвовал собой,
Покою, славою, свободой и душой...

Они не стоят воспоминания, усилия памяти. Их легче забыть, но забыты ли они?

... И вы забыты мной... —

Слова не убеждают, это скорее желание забыть. И потому здесь обо всем без какого-либо смягчения, с той почти лермонтовской выразительностью лексических сочетаний, когда слово одно, само по себе, совсем не звучит, а в сочетании с другими, подобными ему, вдруг получает беспредельную выразительную силу:

Наперсницы порочных заблуждений...

Страшно не то, что было невысокое, оно уже отброшено и открылась возможность очищения, но была ненужная жертва невысокому, жертва тем, что всего дороже для лирического героя. Столько несоизмеримости и тревожного чувства в перечислении:

...покоем, славою, свободой и душой...

Чтобы убедить себя, что это уже прошло, настойчивое повторение:

Я вас бежал... И вы...

Я вас бежал... И вы...

В повторах узнается чувство, родственное тому, которое испытывает победивший себя человек, радость, которая не заявляет о себе.

А затем пауза, огромная, давно ожидаемая, и слова, подготовленные всем предыдущим:

...Но прежних сердца ран,

Глубоких ран любви, ничто не излечило...

Об этом думалось все время, это угадывалось с первых строк и говорило о себе сначала только в оттенках мысли и настроений, было скрыто в напряженных воспоминаниях — и было неясно самому лирическому герою. Теперь это сказано. Нужно преодолеть себя, решительно отбросить прошлое и взять с собой самое глубокое и лучшее, пусть оно — раны, пусть неизлечимое. Именно потому, что оно связано с неизлечимостью, оно необходимо, чтобы проверить себя, быть выше того, что минутно и необязательно. Потом и любовь, раны любви — не традиционное, романсовое представление, а нечто великое, возвышающее человека над временем, как полнота жизни и вечная тревога.

Так и последний повтор лейтмотива получает новый смысл. Предшествующие строки совсем открытые, в них недосказанность, та необходимая недоговоренность, которая сильнее и значительнее разъяснений. Нужен итог, и он в последних, лейтмотивных строках. К ним нет перехода, они прерывают лирическую исповедь и сказаны словно вполголоса. Шуми, волнуйся — потеряли свою повелительность: нельзя ни просить, ни приказывать, когда уверен, что не нужно, не хочешь ответа, что ничего не изменится.

Стихотворение «Погасло дневное светило» решает серьезный вопрос, который может возникнуть в жизни каждого человека. Возникает сомнение в правильности пути, по которому идешь, наступает время переоценки ценностей. В 20-е годы Пушкину и его современникам-декабристам предстояло решить этот самый важный для них вопрос.

Здесь решение истинно пушкинское, решение автора «Вакхической песни». Элегия «Погасло дневное светило» — это гимн человеку, побеждающему себя, и в этом внутреннем преодолении познающему противоречия жизни.

Нужно было решить не только как освободиться от прошлого, но и куда идти. Через романтические поэмы Пушкин придет к глубокому, гениальному решению этого вопроса в «Евгении Онегине». Поэт обратится тогда уже к красоте «простых вещей», красоте серого неба над Михайловском, что, казалось, совсем не похоже на стихи юных лет. Но не была ли сама романтическая лирика Пушкина началом познания красоты «простых вещей»? В элегии «Погасло дневное светило» лирический герой отказывается от всего внешнего, случайного, что было пустым и ложным в нем самом. Происходит внутреннее очищение, а с него начинается познание высокой нравственной красоты труда, подвижничества, человечности. А это и есть красота, красота «простых вещей» в самом человеке.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАГЛЯДНЫХ ПОСОБИЙ НА УРОКАХ ПО БИОГРАФИИ А. С. ПУШКИНА

И. И. ЧЕРНОВА

В наше время, когда все более возрастает роль нравственных начал в жизни общества, творчество Пушкина приобретает особую значимость

Яркая жизнь поэта, его произведения дают учителю богатый материал для воспитания у школьников «чувств добрых», помогают учителю в борьбе за всестороннее и гармоническое развитие человеческой личности.

Вот почему изучение жизни и творчества Пушкина занимает исключительно важное место в школьном курсе литературы. Вот почему произведения Пушкина звучат на уроках и в первом, и в третьем, и в четвертом, пятом, шестом, седьмом, девятом классах. Ни одному поэту не отводится столько учебного времени, сколько Пушкину.

В свое время, определяя значение Пушкина, Белинский писал: «... читая его творения, можно превосходным образом воспитать в себе человека... никто, решительно никто из русских поэтов не стяжал себе такого неоспоримого права быть воспитателем и юных, и возмужалых, и даже старых... читателей, как Пушкин, потому что мы не знаем на Руси более нравственного, при великости таланта, поэта, как Пушкин».¹

В каком бы классе ни шла речь о Пушкине, важно, чтобы в воображении учащихся возникала живая, яркая, богатая личность поэта! Важно, чтобы факты его творческой биографии вызвали живой интерес школьников, чтобы у них появилось желание познакомиться с новыми произведениями поэта! А это возможно лишь в том случае, если биография поэта не будет похожа на аккуратно заполненную анкету, в которой учтены все мелочи и нет самого главного — души человека. По мнению

---

¹ В. Г. Белинский, Избранные сочинения в трех томах, ГИХЛ, М, 1941, т. 3, стр. 269, 272.

Чернышевского, юному читателю нужно рассказать о таких фактах жизни поэта, которые рельефно представляют «трудолюбивую, благородную и могучую личность Пушкина».² Для этого в рассказ о жизни Пушкина нужно чаще включать чтение отрывков из его поэтических произведений, писем, воспоминаний современников. Все это поможет учащимся разобраться в чувствах, настроении поэта. Воссоздать неповторимый образ Пушкина поможет учителю и использование разнообразных наглядных пособий.

Жизнь Пушкина настолько богата событиями, что на каждом уроке по биографии поэта возникает необходимость показать учащимся ту или иную картину, портрет, снимок с документа, сослаться на отзыв современника, чтобы приводимые факты звучали конкретнее и убедительнее.

Личность поэта, его творчество нашли яркое отражение в художественно-изобразительном искусстве. Многие художники обращались к пушкинской теме: Е. Гейтман, В. Тропинин, О. Кипренский, Г. Чернецов, К. Брюллов, Т. Райт, И. Репин, Р. Бах, И. Билибин, В. Серов, П. Соколов, В. Фаворский, Д. Кардовский, В. Кузнецов, Н. Ульянов, Ю. Непринцев, А. Китаев, В. Дрезнина, Д. Шмаинов.

Нужно сказать, что не все картины, не все портреты одинаково удачны. Поэтому, готовясь к урокам, необходимо очень строго подойти к отбору наглядных пособий.

Из обилия художественно-изобразительного материала нужно взять лишь то, что правдиво передает творческий облик поэта, что помогает проследить основные этапы его творческого пути, что поможет показать личность поэта в ее развитии, движении.

Так, на уроке по теме «Детство, лицейские годы» целесообразно показать портрет Пушкина — мальчика (гравюра Гейтмана, 1822 г.), фотографию скульптурного памятника Пушкину работы Баха (1899 г.), рисунок Фаворского «Пушкин-лицеист» (1935 г.). Все эти работы очень тонко передают душевный облик юного поэта. Картина Репина «Пушкин на лицейском экзамене» (1911 г.) поможет учащимся представить Пушкина в тот момент его жизни, который стал историческим не только для самого поэта, но и для всей русской литературы.

На следующем уроке, когда речь пойдет о жизни Пушкина в Петербурге, о вольнолюбивой лирике поэта, нужно показать фотографии декабристов, друзей Пушкина, снимки рукописных списков пушкинских стихотворений, которые читала вся Россия. Эти документы помогут школьникам глубже понять, как зарож-

---

² Н. Г. Чернышевский, Избранные литературно-критические статьи. М—Л, 1953, стр. 33.

дались и крепили связи Пушкина с передовым, революционным движением того времени.

На уроке по теме «Южная ссылка Пушкина» учитель покажет портрет Пестеля, рисунок Кардовского «Пушкин в Каменке среди декабристов» (1934 г.), который является прекрасной иллюстрацией к воспоминаниям И. Д. Якушкина о встречах поэта с членами Тайного Южного общества. Картина Репина и Айвазовского «Пушкин на берегу Черного моря» (1887 г.) интересна в том отношении, что дает психологически верное представление о настроениях Пушкина перед отъездом в Михайловское.

На уроке по теме «Пушкин в Михайловском» можно обратиться к фотографиям тех мест, где бывал поэт, к картине Н. Ге «Пушкин у Пушкина в Михайловском» (1875 г.), рисунку Пушкина на рукописи «Полтавы». Эти фотографии и картина, не требуя подробных комментариев, помогут создать у школьников наглядное представление о тех местах, где поэт жил изгнанником два года, о его взглядах и настроениях.

Тема «Жизнь и творчество Пушкина после ссылки» позволяет познакомиться учащихся с портретами поэта работы Тропинина и Кипренского (1827 г.). Сопоставляя эти портреты, школьники убедятся в том, что образ поэта в художественных полотнах Тропинина и Кипренского настолько богат и содержателен, что дает представление о целой полосе жизни Пушкина, помогает ответить на вопрос, как и кем поэт вернулся из ссылки. Картина В. Дрезниной «Пушкин читает М. Н. Волконской перед ее отъездом послание декабристам в Сибирь» (1949 г.) поможет закрепить представления учащихся о том, какую роль в жизни Пушкина сыграли декабристы, как развивались в его творчестве идеи декабризма.

Говоря о последнем периоде жизни и творчества Пушкина, целесообразно показать картину Чернецова «Крылов, Пушкин, Жуковский, Гнедич» (1832 г.), гравюру Райта (1836—1837 г.), картину Наумова «Дуэль Пушкина с Дантесом» (1885 г.).

На заключительном уроке, когда пойдет речь о значении Пушкина, нужно познакомиться учащихся с фотографиями скульптурных памятников Пушкину работы Опекушина (1880 г.) и Аникушина (1949—1950).

Таков примерный перечень наглядных пособий, которые могут быть использованы на уроках по биографии Пушкина. Вместе взятые, они помогут учителю вести живую и увлекательную беседу о Пушкине, помогут школьникам представить творческий облик поэта.

Нужно отметить, что наглядность является дополнительным, подсобным материалом, который занимает определенную часть урока. Основное внимание уделяется самому тексту пушкинских произведений. Но в сочетании с поэтическим словом зри-

тельный образ получает большую силу эмоционального воздействия, активизирует внимание учащихся, помогает как-то по-новому взглянуть на изученное произведение.

Успех занятий будет зависеть от выбора наглядных пособий, от выбора форм работы с ними. В школьной практике еще не редки случаи, когда учитель сам находит иллюстрацию, сам показывает, комментирует ее, сам читает стихи, а ученики лишь слушают. Пассивное созерцание не дает больших воспитательных результатов.

Как привлечь к этой работе самих учеников?

Пушкинская тема открывает большие возможности и в этом отношении. Ведь совсем не обязательно на каждом уроке по биографии читать лекцию о жизни Пушкина. На одном уроке лекция будет уместна, второй урок можно провести в форме обсуждения экскурсии по пушкинским местам. Эта работа удачно проходила на уроках Ф. С. Марат, школа № 2 г. Пскова. Другие учителя г. Пскова помогают школьникам составить карту путешествий поэта и провести заочную экскурсию, на последующих уроках — написать сочинение по картине (Е. А. Жаворонкова, школа № 13), просмотреть диапозитивы, документальные фильмы (Р. М. Михайлова, школа-интернат № 2), прослушать цикл бесед по школьному радио (В. Н. Горшкова, заочная средняя школа). Возможны самые разные методы преподнесения биографического материала.

В своей статье я хочу остановиться на одном из них — на оформлении тематических альбомов, выставок, посвященных жизни и творчеству писателя.

По Пушкину можно оформить такие альбомы: «Пушкин в Лицее», «Пушкин и декабристы», «Пушкин в Михайловском», «По пушкинским местам», «Пушкинский Петербург», «Пушкин в искусстве». Важно, чтобы эти альбомы, выставки были результатом большой работы самих учащихся, чтобы в процессе этой работы ученики узнали новые факты из жизни поэта, чтобы они познакомились с многими произведениями Пушкина. Формы такой работы могут быть различными.

Заранее, примерно за месяц до изучения темы, учитель вместе со школьниками начинает сбор материала: фотографий, открыток, репродукций, вырезок из газет и журналов.

Сама работа по сбору иллюстраций уже дает ребятам очень многое, она расширяет их кругозор. Ученики узнают о новых писателях, художниках, с которыми встречался Пушкин, которые, вдохновляясь этим творчеством, создавали выдающиеся произведения искусства (например, полотна Тропинина, Кипренского, Репина, Ге).

Когда иллюстрации собраны, вместе с учениками определяется принцип расположения материала (тематический или хронологический), обсуждается план всего альбома.

Затем большой группе учеников дается индивидуальное задание — подобрать из произведений Пушкина наиболее яркие стихотворные строчки, которые могут служить в качестве подписей к иллюстрациям. Эта работа является очень хорошей формой организации внеклассного чтения.

Вторая группа учеников приступает к оформлению альбома. При этом важно учесть, чтобы на одном листе были представлены иллюстрации и тексты, близкие по своему идейно-тематическому содержанию.

Вот какой материал вошел в альбом, составленный восьмиклассниками 12-ой школы города Пскова.

На заглавном листе надпись: «А. С. Пушкин в Лицее. 1811—1817 годы».

На первой странице альбома строки из стихотворения Пушкина «19 октября 1825 г.», которое является гимном дружбе, зародившейся в стенах Лицея:

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз,
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина,
Отечество нам Царское Село.

На следующей странице гравюра Фаворского «Пушкин-лицеист» и несколько строчек из воспоминаний И. И. Пушина: «Я слышу: Александр Пушкин — выступает живой мальчик, курчавый, быстроглазый... я его заметил с первого взгляда».³

Эта запись очень живо рисует внешний облик юного Пушкина и передает сцену первого знакомства будущих лицейских друзей; она вызывает большой интерес у школьников.

Дальше идут фотографии Лицея, на фасаде которого укреплена мемориальная доска с надписью: «Здесь воспитывался Александр Сергеевич Пушкин с 1811 по 1817 год».

Рассказывая о Лицее, учитель покажет на фотографии окна Актового зала, где лицеист Пушкин читал на экзамене свои стихи; окна четвертого этажа, где помещались комнаты лицеистов. Все эти детали имеют особое значение: здесь жил Пушкин. Живой интерес учащихся вызывает рассказ о быте лицеистов, их занятиях, интересах, развлечениях. Интереснейший материал об этом учитель найдет в воспоминаниях Пушина. Отдельные отрывки из этих воспоминаний (первый день в Лицее, описание комнат лицеистов, режим дня, Пушкин-лицеист) могут быть прочитаны заранее подготовленными учениками.

³ Пушкин в воспоминаниях современников. ГИХЛ, 1950, стр. 44.

На нескольких страницах альбома помещены снимки живописных уголков Екатерининского парка, где часто бывал Пушкин. Тенистые аллеи, задумчивые пруды, мраморные «белые кумиры» восхищали юного поэта, им он посвящает свои вдохновенные строки. Фотографии, помещенные в альбоме, послужат хорошей иллюстрацией к стихотворению Пушкина «Воспоминания в Царском Селе», «Царское Село», «Царскосельская статуя». Отрывки из этих стихотворений целесообразно прочитать на уроке.

На отдельном листке альбома нужно поместить фотографию уголка Лицейского садика, в центре которого находится бронзовый памятник Пушкину-лицейсту работы Р. Р. Баха.

Фотография обычно бывает знакома ученикам, она часто воспроизводится в книгах о Пушкине, на открытках и даже на почтовых конвертах и марках. Но о самом памятнике ученики, как правило, ничего не знают.

Этот памятник является одним из лучших среди многочисленных скульптурных изображений Пушкина, поэтому он требует к себе особого внимания.

Памятник был заложен в 1899 году, в день, когда отмечалось столетие со дня рождения поэта. Интересно сообщить ученикам такую деталь: памятник был сооружен на пожертвования жителей Царского Села. Образ, созданный скульптором, полон мечтательности и проникновенного лиризма; он не оставляет человека равнодушным. Вот почему нужно предложить учащимся внимательно рассмотреть фотографию памятника и поделиться своими впечатлениями.

В ходе коллективной беседы составителю небольшой рассказ примерно такого содержания: «В свободное от занятий время Пушкин бродит по тенистым аллеям парка. Сейчас он пришел сюда, в этот тихий уголок. Ничто не нарушает покоя, тишины. Опустившись на старинную садовую скамейку, подперев голову рукой, тихо и спокойно сидит юный Пушкин. Он сейчас позабыл обо всем на свете, он наедине со своими думами, со своими поэтическими видениями».

Дополняют представления учащихся о Пушкине-лицейсте стихи:

В те дни в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине.
Являться муза стала мне.

Эти стихи из романа «Евгений Онегин» читает заранее подготовленный ученик. В сочетании со зрительным образом они получают большую силу эмоционального воздействия.

Заканчивается альбом репродукцией с картины Репина «Пушкин на лицейском экзамене», отражающей важнейшее со-

бытие в жизни поэта. В ходе коллективной беседы выясняется содержание этой картины. В рассказ включаются отрывки из воспоминаний А. С. Пушкина, И. И. Пущина.

Работа с альбомом-выставкой может проходить по-разному. В одном случае беседу ведет учитель. Материал для беседы отбирается с учетом тех иллюстраций, которые есть в альбоме. По такому принципу строила урок по теме «Пушкин в Михайловском» Р. М. Михайлова (школа-интернат № 2 г. Пскова). Листы альбома вывешивались на классной доске. Учительница не подменяла анализ поэтических образов рассказом по картинкам; но, переходя к основным частям темы, каждый раз обращала внимание учащихся на соответствующую репродукцию, фотографию, предлагала учащимся прочитать отрывки из стихотворений Пушкина. Все это обостряло внимание школьников к теме.

Т. С. Куницына (школа № 12 г. Пскова) строила этот урок иначе.

Большая группа учеников (6—7 чел.) получила индивидуальное задание. Каждому предлагалось дома внимательно рассмотреть иллюстрацию, подготовиться показать ее классу, делая необходимые комментарии, подготовить чтение отрывков из стихотворений А. С. Пушкина. Выполняя это задание, ученики знакомились с дополнительной литературой, с новыми лирическими произведениями Пушкина. В результате основной материал был изложен самими учениками.

Хорошо, если на одну и ту же тему будет предложено несколько вариантов. Так, мысль об идейных и творческих связях Пушкина и декабристов может быть оформлена в альбоме «Пушкин и декабристы» по-разному.

В школьном учебнике эта мысль выражена очень лаконично: «Пушкин создает такие вольнолюбивые, насыщенные декабристскими идеями произведения, как ода «Вольность» (1817), и «К Чаадаеву» (1818), «Сказки» (1818), «Деревня» (1819) и эпиграммы на Александра I, Аракчеева, министра Голицына и другие. Такие стихотворения распространялись в рукописном виде по всей стране, и не только среди дворян; они проникали в среду разночинной интеллигенции, грамотных крестьян, солдат».⁴

Этот тезис прозвучит ярче, убедительнее, если будут специально подобраны, а в классе выразительно прочитаны и сопоставлены отдельные высказывания декабристов об огромной популярности «возмутительных» стихов Пушкина.

Вот некоторые из них. (Они помещаются на отдельных листах альбома, а рядом — фотографии декабристов и тех сти-

---

⁴ С. М. Флоринский. Русская литература. Учебник для 8 классов средней школы, стр. 141.

хотворных списков, которые ходили по рукам). И. И. Пущин: «... тогда везде ходили по рукам, переписывались и читались наизусть его «Деревня», «Ода на свободу», «Ура! в Россию скачет...» и другие мелочи в том же духе. Не было живого человека, который не знал бы его стихов».⁵

Д. И. Завалишин: «Можно наверное сказать, что по крайней мере 9/10, если не 99/100 тогдашней молодежи первые понятия о крайних революционных мерах получили из его стихов... В наше время едва ли был какой взрослый воспитанник, который не списывал и не выучивал наизусть этих стихотворений».

М. П. Бестужев-Рюмин: «Рукописных экземпляров вольнодумных сочинений Пушкина... столько по полкам, что это нас самих удивляло».⁶

И. Д. Якушкин: «Я ему (Пушкину) прочел его «Ура! в Россию скачет», и он очень удивился, как я его знаю, а между тем все его ненапечатанные сочинения: «Деревня», «Кинжал», четырехстишие к Аракчееву, послание к Петру Чаадаеву и много других — были не только всем известны, но в то время не было сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии, который не знал их наизусть... И вот, может быть, почему он был поэт истинно народный, каких не бывало прежде в России».⁷

Все эти высказывания интересны прежде всего потому, что они являются живым свидетельством самих декабристов, в них дана оценка истоков подлинной народности пушкинского творчества, его революционизирующего значения. Становится понятным, почему пушкинские стихи нашли в бумагах всех арестованных декабристов, почему его имя так часто произносилось во время следствия по делу декабристов, почему царь произнес: «Пушкин наводнил Россию возмутительными стихами». Когда учащиеся узнают об этих фактах, увидят фотографии рукописных списков стихотворений Пушкина, они будут не просто механически повторять страницы учебника, а говорить о значении поэзии Пушкина со знанием дела.

На уроках важно показать, как росли, углублялись связи Пушкина с передовым движением эпохи, с движением декабристов. И здесь нужны не общие, громкие фразы, а конкретные факты.

Очень много может дать учащимся знакомство с перепиской Пушкина с декабристами, особенно с Рылевым. Ученики ведь не знают, что Рылеев и Пушкин были большими друзьями, единомышленниками, которые очень дорожили мнением друг друга (хотя иногда и расходились в оценке отдельных литера-

---

⁵ Пушкин в воспоминаниях современников. ГИХЛ, 1950, стр. 15—16.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

турных фактов). Их письма — письма людей, которые понимают друг друга, которые помогают друг другу.

Особенно интересны два письма Рылеева Пушкину от 1825 года. Отрывки из этих писем нужно особенно тщательно подготовить.

Рылеев — Пушкину (5—7 января 1825 г.)

«... Ты идешь шагами великана и радуешь истинно русские сердца. Я пишу к тебе: ты, потому что холодное в вы не ложится под перо; надеюсь, что имею на это право и по душе и по мыслям. Пушкин познакомит нас короче. Прощай, будь здоров и не ленись; ты около Пскова: там задушены последние вспышки русской свободы; настоящий край вдохновения — и неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы».⁸

В этом письме интересно все: и признание огромного таланта Пушкина, и чувство радости, связанное с творческими успехами Пушкина, и подчеркивание духовной, идейной близости. Пушкин был для декабристов своим. Интересна и фраза: «Пушкин познакомит нас короче». Ведь мысль о приеме Пушкина в члены тайного общества в кругах декабристов жила постоянно.

А вот другое письмо, написанное в конце ноября 1825 года. Нужно обратить внимание учащихся на дату — около 20 ноября 1825 года — это усилит значительность тех строчек, которые прозвучат на уроке.

«... На тебя устремлены глаза России; тебя любят, тебе верят, тебе подражают. Будь Поэт и гражданин».⁹

Написанное незадолго до восстания декабристов, это письмо звучит как завещание.

У учителя есть большие возможности показать, что Пушкин выполнил это завещание. Его стихи «В Сибирь», «Арион», «Анчар», «Памятник» и многие, многие другие звучат как стихи страстного поэта-гражданина.

---

⁸ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений. АН СССР, 1937, т. 13, стр. 133.

⁹ Там же, стр. 241.

ОПЫТ НРАВСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ, ОБЪЕДИНЕННОГО ТЕМОЙ «А. С. ПУШКИН»

*В. Н. ГОРШКОВА,
учительница Псковской областной
заочной средней школы*

В этой статье мне хочется поделиться опытом внеклассной работы, объединенной темой «Пушкин», которая проводилась в Псковской областной заочной средней школе в истекшем учебном году.

Творчество Пушкина — благодатный материал для нравственно-эстетического воспитания и расширения общекультурного кругозора учащегося. Нет ни одного крупного художника, скульптора, музыканта послепушкинского времени, у которого не состоялась бы своя «встреча» с великим писателем.

На пушкинские темы писали композиторы Глинка, Чайковский, Даргомыжский, Мусоргский, Римский-Корсаков, Рахманинов; художники Тропинин, Кипренский, Брюллов, Серов, Репин.

Пушкинские образы помогли формированию таких видных деятелей советской культуры, как Глиер, Уланова, Аникушин, Фаворский и другие.

Объединяя эстетическое воспитание темой «Пушкин», мы руководствовались соображениями и другого порядка. Псковская земля навеки связана с именем поэта. Здесь, в Святогорском монастыре, покоится прах писателя.

10 февраля 1962 года страна широко отметила 125-летие со дня гибели Пушкина, затравленного царским самодержавием. И еще один юбилей отметили мы в 1962 году: молодая Советская республика 17 марта 1922 года объявила пушкинские места заповедными.

Возможности для внеклассной работы в заочных школах ограничены по сравнению с вечерними и тем более дневными школами: только два раза в неделю, т. е. во время групповых консультаций, встречаемся мы с основной массой учащихся.

Часто собирать учеников в другие дни для проведения внеклассной работы нет возможности. Хотелось поэтому максимально использовать время пребывания учащихся в школе.

Так возникла мысль проводить часть внеклассной работы на больших переменах в дни групповых консультаций (большие перемены были специально введены для этой цели).

Чтобы не утомлять учащихся, мероприятия между уроками должны отличаться по форме от программных занятий, иметь занимательный характер. Такими могут быть литературные и музыкальные передачи по школьному радио, показ кинокартин, беседы, сопровождаемые демонстрацией диафильмов, диапозитивов, разнообразных иллюстраций и др.

В начале учебного года, ознакомив учеников по школьному радио с намеченной программой, мы приступили к показу немых учебных фильмов о Пушкине биографического характера («Москва в жизни Пушкина», «Пушкин на юге», «Пушкин в селе Михайловском» и др.). Фильмы эти имеются в городской фильмотеке. Они немые. Каждый из них состоит из 2—3 частей. Ученикам показывалась одна часть в день, предварительно ее просматривал учитель, составлял комментарий, не повторяя ученика.

В результате просмотра фильмов этой серии учащиеся школы довольно подробно ознакомились с биографией поэта, с его творческим путем. Фильмы показывались в школьном кинозале.

После этого шел цикл радиопередач, объединенных темой «Музыка, которую слушал Пушкин». Организовывались эти передачи следующим образом. По радио на двух первых переменах, а иногда еще и перед началом занятий, звучали только музыкальные произведения с объявлением того, что передается, а в коридорах школы были вывешены стенды «Сегодня слушаем», где ученики могли познакомиться с текстовой частью к передаче, посмотреть портрет композитора. Например, если передача была посвящена композитору Верстовскому, то на стенде ученики могли прочитать краткую биографическую справку о композиторе, историю его взаимоотношений с Пушкиным, краткое содержание оперы «Аскольдова могила», отрывки из которой исполнялись в этот день, а также узнать, какие арии и хоры из этой оперы наиболее популярны. Текстовая часть была не больше двух-трех машинописных листов, чтобы не отпугнуть учащихся своей громоздкостью. Ученик мог прочитать ее даже на пятиминутной перемене.

Тексты вывешивались к тому времени, когда первые учащиеся начинали приходить в школу, чтобы учитель еще до начала уроков мог у стенда провести соответствующую работу: ведь он мог сообщить учащимся больше написанного. Нельзя было упускать благоприятный случай и для проведения воспи-

тательной работы, какой давали биографии Бетховена, Моцарта, Глинки.

Среди учеников есть, безусловно, люди, у которых не все счастливо сложилось в личной жизни, есть ученики с недостаточной волевым характером. Пример Бетховена, чья всепобеждающая любовь к искусству, к жизни преодолела личную боль и отчаяние, очень поучителен. Как нужно было любить людей, верить в них, чтобы создавать, несмотря на полную глухоту, произведения жизнеутверждающие, звучащие и сейчас в дни торжеств и народных празднеств, как, например, хор «К радости» из 9-й симфонии.

Примером исключительной работоспособности является великий Моцарт. За свою короткую 35-летнюю жизнь, несмотря на тяжелые условия, он написал более 15 опер, свыше 40 симфоний и много других произведений. В последние годы жизни композитора светская публика окончательно отвернулась от его необычайно бодрой, жизнерадостной музыки. Моцарт, одаривший человечество бесценным богатством, умер в нищете и был похоронен в общей могиле для бедных.

Беседуя у стенда о Моцарте, мы говорили и о пушкинской маленькой трагедии «Моцарт и Сальери». Не все учащиеся знакомы с этим произведением, хотя такие стихи, как

Гений и злодейство —
Две вещи несовместные, —

многие знают.

И уж, конечно, очень знаменательна дружба Пушкина с Михаилом Глинкой, основоположником русской реалистической музыки.

Всего было проведено 6 передач этого цикла: Россини, Моцарт, Бетховен (две передачи), Верстовский, Глинка.

Учащиеся слушали отрывки из оперы «Севильский цирюльник» Россини, отрывки из опер Моцарта «Дон Жуан» и «Волшебная флейта», его же «Колыбельную песню» и несколько частей из «Реквиема».

Из произведений Бетховена были даны две сонаты («Патетическая» и «Аппассионата»), а также заключительный хор «К радости» из 9-й симфонии.

В передаче, посвященной Глинке, звучали отрывки из опер «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила».

Музыкальные передачи, проводимые во время перемен, дают должный эффект только при широком участии учителей школы. Если учитель, заканчивая урок, скажет несколько слов о том, что сейчас будет передаваться (допустим, объявит сонату «Аппассионату» и приведет ленинский отзыв об этом произведении), то в слушателях не будет недостатка.

Вслед за передачами «Музыка, которую слушал Пушкин» пошли беседы по циклу «Пушкин в живописи и скульптуре». Проводились они в кинозале. Рассказ учителя сопровождался показом с помощью проекционного фонаря. Беседы эти пользовались неизменным успехом у слушателей. Из каждой новой передачи учащиеся узнавали еще об одном скульпторе или художнике, жизнь или творчество которого были связаны с поэтом.

Вот тематика этих передач:

1. Пушкин и Брюллов
2. Художник Тропинин (его портрет Пушкина).
3. Художник Кипренский (Пушкин в его изображении).
4. Пушкин в изображении Репина.
5. Скульптор Опекушин и его памятник Пушкину.
6. Лауреат Ленинской премии скульптор Аникушин и его памятник Пушкину в Ленинграде.

Только одна из бесед строго ограничивалась названной темой — это «Пушкин в изображении Репина». Материал беседы довольно обширен, да и во время 20-минутной перемены вряд ли можно сказать что-нибудь новое для учащихся о столь популярном художнике, как Репин.

Говоря же о Брюллове, Тропинине, Кипренском и Опекушине, рассказчик стремился дать общее представление об этих художниках, показать их значение в становлении реализма в русской живописи и скульптуре, показать по возможности и те работы, которые не связаны с именем Пушкина.

В передаче о лауреате Ленинской премии скульпторе Аникушине на примерах двух памятников Пушкину (ленинградского и дореволюционного московского) мы попытались рассказать о реализме и социалистическом реализме, о том, какими глазами видят Пушкина люди разных эпох.

Ни одна из бесед этого цикла не обходилась без чтения соответствующих стихов Пушкина. Стихи предварительно печатались крупным шрифтом на машинке и во время передачи вставлялись в проекционный фонарь. Ученики не только слышали их в исполнении учителя, но и сами могли читать.

Передачи «Пушкин в живописи и скульптуре» чередовались с заочными экскурсиями «По пушкинским местам». Ученикам был показан звуковой фильм в двух частях «Петродворец», а учитель рассказал о пребывании Пушкина в Петергофе и стихах, связанных с этим.

В виде приложения к общешкольной газете была оформлена заочная экскурсия по городу Пушкину (краткий очерк возникновения города, фотографии наиболее известных памятников архитектуры города, комментарии к ним).

«Псков времен Пушкина» — такую лекцию прочитал ученикам директор Псковского историко-художественного музея И. Н. Ларионов, познакомив их с историей и памятниками

древней архитектуры города, рассказав о пребывании Пушкина в Пскове. Лекция сопровождалась показом диапозитивов. После нее был продемонстрирован художественный фильм «Евгений Онегин».

Специальный цикл передач по школьному радио, проводимых на больших переменах, был приурочен к началу изучения темы «Пушкин» в 8 классе. Вот тематика их:

1. Предки и родственники Пушкина.
2. Лицей.
3. И. И. Пущин.
4. В. К. Кюхельбекер.
5. А. А. Дельвиг.
6. А. П. Керн.
7. Няня Пушкина.
8. Стихи Пушкина в исполнении мастеров художественного слова.
9. Романсы русских композиторов на слова Пушкина.
10. Романсы советских композиторов на слова Пушкина.

Некоторые из этих передач записаны на магнитофонные пленки, так что они пополняют школьную фонотеку и смогут быть использованы в следующие годы.

Часть передач смонтирована с музыкой. В передачу о Керн, составленную по одной из глав книги П. Антокольского «О Пушкине», включен романс Глинки «Я помню чудное мгновенье»; в сообщении о лицейском друге Пушкина Дельвиге, на слова которого написано немало песен и романсов, — песня Глинки «Не осенний частый дождичек» и романс Алябьева «Соловей»; в передачу об Арине Родионовне — романс лицейского товарища Пушкина Яковлева «Зимний вечер».

К передачам этого цикла в школе была организована постоянно действующая выставка «А. С. Пушкин». Один из отделов ее менялся в зависимости от передачи. Если рассказывается, например, о Пущине, то в отделе «К сегодняшней передаче» ученики увидят портрет Пущина и репродукцию картины художника Ге «Пушкин и Пущин в селе Михайловском».

Большую помощь как практическими советами, так и материалами оказали нам сотрудники пушкинского заповедника. Кроме того, пять научных сотрудников заповедника во главе с директором С. С. Гейченко приехали в нашу школу во время зимних каникул и провели «Пушкинские чтения». На «чтения», представлявшие большой интерес как для учащихся, так и для учителей, были приглашены словесники города. Тематика прочитанных докладов была такова: «Пушкин и его старый дядька Никита Козлов», «Пушкин-атеист», «Пушкин и П. И. Ганнибал», «Пушкин и И. Е. Великопольский», «Рана Пушкина».

Конечно, мы не использовали всех тех поистине безгранич-

ных возможностей, которые дает для внеклассного изучения творчество Пушкина.

Но главная цель, которую мы ставили, достигнута. Нам удалось пробудить у учащихся любознательность, желание знать как можно больше. Отдых между уроками стал активным, содержательным и полезным. Иное, более любовное отношение к поэзии почувствовала я у учащихся, изучая в 8-м классе следующую за Пушкиным программную тему «Лермонтов».

Нам кажется, что построение внеклассной работы вокруг одной большой, стержневой темы, например, «Пушкин», наиболее целесообразно. Это дает большие возможности для совместной внеклассной работы учителей-словесников, историков и др. Ученический коллектив школы в целом живет общими интересами.

Думается, что не малое значение при такой постановке внеклассной работы имеет и то, что перед учащимися разворачивается широкая картина эпохи с ее людьми, идеями, выходящая за рамки одного учебного предмета.

«К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ТВОРЧЕСТВА А. С. ПУШКИНА В АНГЛИИ»

А. И. ГОЛЫШЕВА

В годы второй мировой войны в Англии усиливается интерес к русской классической и советской литературе. Среди писателей, жизнь и творчество которых привлекает внимание английских литературоведов, выделяется Пушкин.

Работы о Пушкине, вышедшие в Англии, необычайно разнообразны. И хотя в подавляющем большинстве они проникнуты искренним уважением к творческой индивидуальности русского поэта, к высоким художественным достоинствам его поэзии, некоторые из них тенденциозны в дурном смысле этого слова и в отношении идеологических оценок для нас неприемлемы.

Примечательным является тот факт, что в эти годы в Англии появляются во множестве различные переводы пушкинских произведений.

Так, в 1943 году переиздается «Евгений Онегин» в переводе Оливера Элтона,¹ впервые изданный им в 1938 году.

Знаток Пушкина и прекрасный переводчик, Элтон с большим мастерством преодолевает трудности оригинала, опровергая мнение о том, что — как еще недавно считали, — Пушкин не переводим. Однако в своем предисловии к переводу Элтон высказывает ряд замечаний, свидетельствующих о недостаточном проникновении в идейно-художественный смысл романа Пушкина. В частности, отмечая многогранность «Евгения Онегина», переводчик считает, что роман не свободен и от недостатков. К числу их он относит замечания о женских ножках, встречающиеся в первой главе, которые, как ему кажется, граничат с безвкусицей; сатирические ссылки, имеющие часто лишь исторический интерес; замечания о разочарованности героя, которые кажутся автору порой банальными. Впрочем, обобщая, автор и сам замечает, что это, возможно, всего лишь англо-

¹ A. S. Pushkin "Evgeny Onegin". Translated by Oliver Elton and Illustrated by M. V. Dobujinsky, London, 1943.

саксонские придирки, и как бы то ни было, они не являются критикой мастерства. Пушкинская точность, подчеркивает Элтон, его чувство законченности отделки произведения не может ему изменить.

Дело, конечно, не в этих «англо-саксонских придирках», а в том, что за ними пропало представление о романе как об «энциклопедии русской жизни» первых десятилетий XIX века. «Центральной фигурой русской литературы», «национальным поэтом России» называет Пушкина английский профессор Янко Лаврин, специалист по русской литературе. С этого определения начинается он главу о Пушкине в своем «Введении к русскому роману», написанном в 1943 году.² Отмечая величие Пушкина и его значение как основоположника русской литературы, автор рассматривает преемственность его традиций в творчестве Гоголя, Лермонтова, Гончарова, Тургенева и Толстого. Работа в целом представляет определенный интерес, свидетельствуя о хорошей осведомленности автора в русской литературе. Однако с отдельными положениями ее трудно согласиться. Так, касаясь биографии поэта, исследователь стремится свести отношения Пушкина с Николаем I к чисто личным отношениям, осложненным интересом царя к Наталье Гончаровой. Отсюда дуэль и трагическая гибель поэта даются как результат придворных сплетен, что совершенно снимает вопрос об отношении Пушкина к «гнусному убийце героев 14 декабря».

Стремление подменить политические расхождения поэта с Николаем I недоразумениями личного характера является виной не только Лаврина, а и многих современных буржуазных исследователей творчества Пушкина, свидетельствуя не столько о неведении, сколько о нежелании объективно вникнуть в суть добытых наукой о Пушкине фактов. Хотя исследователь отмечает и широту взглядов Пушкина, и его необычайную культуру, он не сумел показать, какие события русской и мировой действительности сделали Пушкина подлинным русским национальным поэтом. А именно глубокое исследование связей Пушкина с исторической эпохой, сказавшихся на его идейном развитии, определивших его мировоззрение, помогли бы Лаврину вскрыть причины, обусловившие ту роль, которую Пушкин сыграл в истории русской литературы.

Высоко оценивая прозу Пушкина, говоря о воздействии на него В. Скотта, автор не показывает нам, в чем именно это влияние сказалось, что обусловило переход Пушкина к прозаической форме, в чем своеобразие отражения в его прозе исторических и социальных процессов, о которых Пушкин говорит в «Капитанской дочке» и «Истории Пугачева» (последнее произведение Лаврин упорно именуется «История пугачевского бун-

² "An Introduction to the Russian Novel" by Janko Lavrin, London, 1943.

та»). Касаясь этих произведений, Лаврин отмечает, что Пушкин заимствовал тему для них из исторического прошлого. Но Лаврин не ставит вопроса о том, какие объективные обстоятельства сделали неизбежным восстание Пугачева и как эти обстоятельства раскрыты в произведениях Пушкина. Не удалось автору вскрыть и важнейшие проблемы пушкинской прозы: проблемы народа и личности.

Говоря о традиции Пушкина в русской поэзии, автор видит эти традиции прежде всего у декадентов и в творчестве Вл. Соловьева. Тем самым Лаврин, хотел он того или нет, искажает роль Пушкина в истории русской литературы.

В 1945 году выходит из печати сборник стихов Пушкина в переводе Уолтера Морисона,³ знатока славянских языков, преподавателя сравнительной славянской филологии в Лондонском университете. В краткой заметке, предпосланной книге, указывается, что этот сборник теснее сблизил Англию и Россию. Человеческий дух, подчеркивается далее, не знает границ времени и пространства. Пушкинские произведения не постарели. Наоборот, интерес к ним сейчас сильнее, чем когда-либо. Спрос на книги Пушкина постоянен в Советской России и, очевидно, недалеко то время, когда Пушкин будет лучше известен и читателям за пределами своей страны.

Предисловие к этому сборнику переводов написал уже упоминавшийся нами Янко Лаврин. В предисловии дается характеристика творчества поэта и его политических взглядов. Говоря об отношении Пушкина к декабристам, Лаврин отмечает, что поэт сам, возможно, стал бы активным декабристом, если бы он не был в ссылке во время восстания. Касаясь свидания Пушкина с Николаем I и предложения последнего статью его цензором, автор справедливо замечает, что намерение царя таким образом превратить величайшего русского поэта в человека, прославляющего реакционный режим, не увенчалось успехом. Автор дает высокую оценку прозе Пушкина, отмечая, что она тоже является важным связующим звеном между английской и русской литературами. Лаврин указывает на воздействие В. Скотта на Пушкина. Однако об этом воздействии он говорит излишне категорично, не достаточно учитывая порой национальную основу прозаических произведений Пушкина. В частности, говорится, что «Дубровский» основывается на романтической интриге, напоминающей «Ламмермурскую невесту». Легковесность подобных суждений об одном из самобытнейших произведений русской действительности, насквозь пронизанном социальными мотивами, давно развенчаны советским литературоведением.

---

³ "Pushkin's Poems" A selection Translated by Walter Morison with an Introduction and Notes by Y. Lavrin, L. 1945.

Одним из интересных событий в английском пушкиноведении был перевод в 1945 году известной книги Леонида Гроссмана, озаглавленной в английском переводе так: «Роман о последних годах Александра Пушкина. Смерть поэта».⁴ В предисловии к книге высоко оцениваются ее художественные достоинства. Подчеркивается умение автора создать живой и человечный портрет Пушкина, колоритную картину императорского Петербурга 30-х годов XIX века.

Союзнические отношения, связывающие Англию и Советский Союз в годы совместной борьбы против фашистской Германии, находят отражение в тех статьях и заметках, которые появляются в «Британском союзнике» этого периода. Цель этих статей — познакомить советского читателя со степенью осведомленности англичан в русской литературе.

Так, в мартовском номере за 1945 год мы встречаем статью лауреата фестиваля народных певцов Уэльса Джонса «Переводы русских классиков».⁵ В ней говорится о профессоре Гудсон-Вильямсе, который посвятил свой большой талант литератора и ученого переводу русских классиков на валийский язык. Выучив русский язык, он начал переводить Пушкина.

В апрельском номере «Британского союзника» обращает на себя внимание статья Аллена Хотта «Русские классики в Англии».⁶ Автор знакомит нас с английскими переводами произведений Пушкина.

В сентябрьском номере журнала за 1949 год напечатана статья того же Аллена Хотта «Англичане в России».⁷ В статье охватывается период с 1800 по 1840 годы. Знакома читателя с воспоминаниями английских путешественников, побывавших в России, автор статьи упоминает доктора Эдуарда Нортон. Думается, что в фамилии здесь допущена опечатка и имеется в виду Мортон.⁸

Факты, изложенные в приведенных выше статьях, безусловно интересны для широкого читателя, так как знакомят его с популярностью Пушкина в Англии. Но в плане научном статьи эти ничего нового в себе не несут. Материал, который в них имеется, уже был известен по обстоятельным работам академика М. П. Алексеева.⁹

⁴ "A novel of the last years of Alexander Pushkin. Death of a Poet" by Leonid Grossman. Translated from the Russian by E. Bone. Lnd, 1945.

⁵ «Британский союзник» № 12, 25 марта, 1945, стр. 12.

⁶ «Британский союзник» № 14, 8 апреля, 1945, стр. 8.

⁷ «Британский союзник» № 36, 2 сентября, 1945.

⁸ E. Morton "Travels in Russia and a residence at St. Petersburg and Odessa", L., 1830.

⁹ См. М. П. Алексеев, «Пушкин на Западе», «Временник пушкинской комиссии», № 3, изд. АН СССР, М—Л, 1937, стр. 104. М. П. Алексеев «Пушкин в мировой лит-ре», «Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина» Труды пушкинской сессии АН СССР. М—Л, 1938, стр. 175.

В 1946 году «Британский союзник» вновь выступает с серией статей, рассказывающих о популярности русской литературы в Англии и, в частности, творчества Пушкина. В статье «К смерти Баринга»¹⁰ воздается дань уважения поэту, переводчику, писателю и критику, трудам которого англичане обязаны своим знакомством с русской литературой. Особенно выделяется его «Очерк русской литературы» и «Оксфордский альманах русской поэзии», который называется классической антологией. В статье перечисляются его переводы из Пушкина, среди них отмечается перевод «Пророка».

В марте 1946 года «Британский союзник» публикует статью профессора С. М. Боура «Оливер Элтон».¹¹ Статья является своеобразным некрологом умершему в возрасте 83 лет переводчику Пушкина. Среди таких переводов Элтона, как «Руслан и Людмила», «Полтава», «Сказки», «Медный всадник» и другие, выделяется перевод «Евгения Онегина», о котором уже упоминалось. Автор статьи отмечает, что Элтон создал прекрасную поэму, имеющую и самостоятельную ценность и многие свойства поэзии Пушкина. Будем надеяться, заканчивает Боур, что другие поэты завершат его труд и дадут Британии перевод полного собрания сочинений Пушкина, который она давно уже ждет.

В 1946 году в Англии вышел сборник рассказов, включающий наиболее характерные образцы этого жанра в русской литературе от Пушкина до Горького, с предисловием известного нам Янко Лаврина.¹² В предисловии говорится, что русская литература завоевала мировую известность главным образом благодаря своим романам. Поэтому часто склонны забывать ее достижения в области рассказа, которыми она в равной мере может гордиться.

Автор далее замечает, что, не считая Франции, Россия, кажется, действительно единственная европейская страна, где культ рассказа как высокого литературного жанра (не путая с обычным журнальным рассказом), стал уже сильной и установившейся традицией, основание для которой было заложено главным образом Пушкиным и Гоголем.

Далее прослеживается развитие жанра рассказа в русской литературе. Автор подчеркивает, что первую значительную веху в истории русского рассказа можно найти в творчестве Пушкина. Преимущественно поэт — один из величайших в Европе — он был известен также как драматург и прозаик. Это он ввел в литературу своего времени ту строгую простоту, которая стала такой знаменательной чертой последующего русского реализма.

¹⁰ «Британский союзник» № 7, 17 февраля, 1946, стр. 10.

¹¹ «Британский союзник» № 9, 3 марта, 1946.

¹² "A first series of Representative Russian Stories Pushkin to Gorky selected and Edited and with an introduction by Y. Lavrin". London 1946.

Пушкин санкционировал негероического героя, иначе «маленького человека» русской прозы.

Суждения Я. Лаврина о творчестве Пушкина обобщены в его книге «Пушкин и русская литература»,¹³ появившейся в 1947 году. Издатель книги Роуз кратко излагает ее сущность. В частности, отмечается, что глубокое восхищение Пушкина английской литературой и особенно Шекспиром и Байроном имело большое влияние в России и стало наиболее жизнеспособным и плодотворным моментом контакта между двумя странами.

Далее следует вводная заметка автора книги. Лаврин отмечает, что его работа не столько биография, сколько попытка представить иностранному читателю большую литературную фигуру через собственные творения в соотношении с фоном эпохи, в которой она жила.

Книга снабжена картой Российской империи, на которую нанесены Псков, Михайловское и другие места, связанные с жизнью и деятельностью Пушкина.

Книга является плодом большой и кропотливой работы исследователя, однако ряд ее положений совершенно неверны. Вопреки истине слишком большой упор делается автором на «гуманное» отношение Николая I к семье поэта. Принижается самобытность великого русского поэта и тенденциозно подчеркивается его зависимость от западно-европейской литературы. В сносках к «Бахчисарайскому фонтану» указывается, что Гирей Пушкина слегка напоминает Гассана из «Гяура», тогда как ревнивая Зарема напоминает Гульнару из «Корсара». Борис Годунов воспринимается автором как герой, имеющий одну или несколько общих черт с Ричардом III, Дмитрий — с Генрихом IV французским.

Обращает на себя внимание и злоупотребление биографизмом. Так, героиня «Бахчисарайского фонтана» Мария рассматривается как возможный портрет Марии Раевской. Драма ревности, переживаемая Алеко, расценивается как отголосок того чувства, которое Пушкин испытывал к Амалии Ризнич. Этот же биографический элемент подчеркивается и в ряде стихотворений, возникновение которых ставится в прямую связь с теми или иными увлечениями поэта.

Это копание в биографическом материале дает себя знать у Лаврина и тогда, когда он говорит о «Скупом рыцаре». Отец Пушкина уподобляется Скупому. Автор приводит свидетельство Ходасевича, который подчеркивает, что содержание разговора Скупого с сыном в 3-ей сцене наваяно фактом из жизни самого

---

¹³ "Pushkin and Russian Literature" by Yanko Lavrin, London 1947. Published by Hodder, Stoughton limited for the English University Press. Edited by A. L. Rows.

поэта: фальшивым обвинением, которое предъявил Сергей Львович своему сыну-поэту, утверждая, что тот поднял на него руку. Подобным образом расценивается и «Каменный гость», в котором Дон Гуан уподобляется Пушкину.

Не лучше обстоит дело и с трактовкой героев «Евгения Онегина». Так, ссылаясь на письмо А. Раевского, автор указывает, что Татьяна является портретом графини Воронцовой, в которую Пушкин был влюблен в Одессе. Отношения Татьяны к мужу, замечает Лаврин, в какой-то мере, напоминают отношения Натальи к Пушкину. Далее проводится аналогия между замужеством Татьяны и Марии Раевской.

В 1947 году «Славянское и Восточно-Европейское обозрение»¹⁴ опубликовало ряд статей о Пушкине. В разделе «Поэзия» даются переводы из Пушкина Ефима Фогеля и Михаила Виттока. Статья Глеба Струве «Мицкевич в России» содержит в себе особый раздел, в котором автор останавливается на отношениях Мицкевича и Пушкина. Неправильно здесь положение о том, что если у Мицкевича было мало причин любить Россию и русских, как национальность, то Пушкин никогда не симпатизировал Польше. Еще более сомнительно и прямо ошибочно стремление автора установить тождество между отношением к Польше Николая I и Пушкина. Автор прямо указывает, что в этом поэт был заодно с императором Николаем I, которого — в это время во всяком случае — он уважал и — искренне восхищался в такой же мере, в какой не любил его предшественника. Для Пушкина, говорится далее, так же как и для Николая I, вопрос сводился к тому, которая из двух стран, Россия или Польша, подчинится одна другой. Естественно, они не могли выбирать или колебаться. При этом Струве ссылается на стихотворение «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», без всяких оснований утверждая, что они были направлены против Польши.

Струве указывает, что эти стихи Пушкина дошли до Мицкевича и больно его ранили. Это нашло выражение в произведении Мицкевича «Друзьям в России». Неоправданность подобного утверждения, повторяющего зады некоторых реакционных литераторов, давно доказана советским литературоведением.¹⁵

В предисловии к своей статье Струве пишет, что не претендует на оригинальное исследование вопроса. С этим нельзя не согласиться. Лживые легенды и антинаучные суждения действи-

---

¹⁴ "The Slavonic and East European Review" November 1947, vol XXVI No. 66 Published for the University of London school of Slavonic and East European studies.

¹⁵ К. М. Симонов, А. С. Пушкин. Доклад на торжественном заседании в Большом театре Союза ССР 6 июля 1949 г. «Лит. газета», № 46 от 8 июля 1949 г.

М. Живов «Адам Мицкевич» Жизнь и тв.-во. М, 1956, стр. 307.

тельно не могут претендовать на оригинальность, хотя и могут послужить недобрым целям идеологической войны.

В статье Джона Фрэнка «Пушкин и Гете» обсуждается вопрос о том, в какой мере Пушкин был знаком с творчеством Гете и насколько последний влиял на первого. Приводятся свидетельства разных точек зрения.

«Шекспировским элементам в «Борисе Годунове» посвящена статья Генри Гиффорда. Не умаляя достоинства Пушкина, как русского поэта, автор отмечает плодотворность освоения им шекспировского наследства. Статья свидетельствует о знакомстве с советскими исследованиями в этой области, даются ссылки на работы Бонди и Винокура о «Борисе Годунове». Отмечая, что сходство «Бориса Годунова» с эпизодами шекспировских драм часто подмечалось, автор видит задачу своей статьи в том, чтобы, кратко обзрев то что уже хорошо известно, дополнить ее новым материалом. Однако, думается, что движимый благородной целью, Гиффорд в своем стремлении истолковать сходство отдельных ситуаций и стиля Пушкина с аналогичными явлениями в творчестве Шекспира и В. Скотта несколько злоупотребляет методом произвольных сближений.

Статья Изасенко, входящая в этот же сборник, озаглавлена «Пушкиниана в Словакии». В статье рассказывается о сестре жены Пушкина, Александре Гончаровой, которая вышла замуж за барона Густава Фризенгофа и провела свои последние годы в маленькой деревне Словакии Бродани. Здесь их навещает Наталья Николаевна, бывают и дети Пушкина. Подробно излагается история первой жены Фризенгофа Натальи Ивановны, урожденной Загрязской. Особое внимание уделяется жизни Александры в доме Пушкиных, ее отношениям с поэтом, которые, как подчеркивает автор, были ближе, нежели просто родственными.

Автор отмечает, что Пушкин-поэт продолжает жить в сердцах людей. Каждый маленький камень в мозаике его жизни драгоценен. С этим не приходится спорить. Но так ли уж нужно копаться в мелочах, если эти мелочи ничего не прибавляют к нашему пониманию личности поэта и его творчества.

В 1947 году выходит книга Ричарда Хэа «Русская литература от Пушкина до наших дней».¹⁶ Знакома читателя с жизнью и творчеством Пушкина, автор дает высокую оценку русскому поэту. Пушкин, отмечает Хэа, был выразителем просыпающегося национального самосознания русского народа в тот короткий, отмеченный энтузиазмом период, когда все силы общества сплелись в единое целое, чтобы выкинуть наполеоновские армии из России.

---

¹⁶ "Russian Literature from Pushkin to the Present day" by Richard Hare. London 1947.

Говоря об отношении Пушкина к Байрону, исследователь указывает, что влияние английского поэта на Пушкина было вызвано не столько его творчеством, сколько обаянием его личности. Бунтарь-аристократ, отдавший жизнь, чтобы помочь грекам в их борьбе с турками, не мог не вдохновлять дворянскую молодежь России. Высокую оценку дает Хэа особенно «Евгению Онегину», солидаризируясь с тем отзывом, который дал роману Белинский.

Но при всем этом ряд положений работы представляются ошибочными. Высоко оценивая Пушкина, автор ссылается при этом на Лёнина, который Пушкина ценил выше Маяковского. В этом заметно явное стремление походя умалить значение Маяковского, а заодно, быть может, и советской литературы.

Знакомя читателя с жизнью и творчеством Пушкина, автор во многом придерживается тех взглядов, которые выработало буржуазное литературоведение Англии на этот счет. Перед нами тот же метод, согласно которому отдельные факты, отдельные параллели заслоняют подлинно историко-литературный анализ творчества Пушкина. Так, увлечение поэта графиней Воронцовой рассматривается как событие, давшее материал для создания образа Татьяны из «Евгения Онегина». Акцентируется автобиографический элемент, якобы свойственный всему творчеству Пушкина. Исследователь особенно подчеркивает его в «Цыганах». Вновь вытаскивается на свет обветшавшая уже легенда о лояльном будто бы отношении поэта к царю в последние годы его жизни. Отсюда и дуэль Пушкина дается как результат завистливых интриг его врагов, безответственной фривольности жены и его собственной гордой бескомпромиссной натуры.

В эти же годы выходит книга о русском и славянских языках.¹⁷ Профессор Энтуисл и Морисон (уже упоминавшийся нами выше) указывают в ней на огромные заслуги Пушкина в области развития русского литературного языка. Он — говорится в книге — демократизировал национальный язык, объединив литературные стили путем отказа от их традиционного разделения, — частично окрасил его разговорной струей. Простой язык он очищал, облагораживая его новыми художественными формами.

Юбилейный 1949 год принес с собой новые попытки в Англии осмыслить значение творчества Пушкина.

Принципиально по-новому раскрыл культурно-исторический смысл и значение пушкинского наследия прогрессивный английский писатель Джек Линдсей¹⁸ В своем выступлении на торже-

¹⁷ "Russian and the Slavonic languages" by W. Y. Entwistle, M. A. and W. A. Morison, B. A., Ph. D. Faber and Faber limited 24 Russell square London, p. 279.

¹⁸ «А. С. Пушкин» 1799—1949, Материалы юбилейных торжеств, М—1951, стр. 60—61.

ственном заседании общего собрания АН СССР он прямо подчеркнул, что Пушкин «стоит в одном ряду с Гомером, Данте, Шекспиром, Сервантесом...» «Эти великие гении — сказал он — являются провозвестниками единства, сплочения сил людей, и в то же время эти великие писатели вскрывают классовые противоречия, назревающие внутри народа... Они указывают пути к будущему через классовую борьбу, к будущему, в котором будет царить столь желаемая свобода и братство. Это то, чего не может и не смеет понять буржуазное общество. Оно вульгаризирует понимание великих поэтов-гуманистов, всеми средствами стараясь скрыть, что гуманистическая любовь к человеку заложена в самой логике развития их творчества... Я люблю и чту Пушкина за то, что он является одним из великих творцов, чье значение столь же велико для всего мира, сколько оно велико для России. Его неизменная любовь к правде, любовь к человеку является неотъемлемой частью социалистической культуры... Поэт обретает своих наследников тогда, когда народ считает его наследие своим. Пушкин является теперь частью великолепного непобедимого мира — Страны Советов; Пушкин призван играть все большую роль как в советской, так и в мировой культуре».

Эту мысль Линдсей развивает и в своей книге «Мир будущего».¹⁹ Шекспир или Пушкин, говорит он, отнюдь не утрачивают своего значения при социалистическом обществе; напротив, именно теперь они раскрывают все свои тайны, звучат во всю силу и находят достойную их аудиторию. Касаясь вопроса всенародности характера пушкинских торжеств в нашей стране, являющихся, по его словам, триумфом социалистического единства, не имеющего прецедентов в истории, Линдсей говорит, что слова, прозвучавшие у подножия памятника Пушкину, отозвались миллионом голосов по всему Советскому Союзу, и на них откликнулся весь народ... Кажется, что в эти дни в Советском Союзе все взоры были обращены к памятнику Пушкина в Москве.

«Daily Worker», откликаясь на юбилей Пушкина, в номере от 6 июня 1949 года печатает статью уже известного нам Аллена Хотта.²⁰ В вводной части ее акцентируется великая роль Пушкина в создании русского литературного языка. Далее дается краткая биография поэта. Отмечая дружбу Пушкина с декабристами, Хотт подчеркивает, что только ссылка помешала поэту принять участие в восстании. Пребывание в Михайловском рассматривается как наиболее благотворный для творчества Пушкина период. Указывая на все растущую попу-

---

¹⁹ Yack Lindsay. "A World ahead". London, 1950

²⁰ "Daily Worker", June 6, 1949, p. 2.

лярность Пушкина, автор говорит, что именно она усилила преследования поэта со стороны мрачного тирана Николая I.

Серия грязных придворных интриг и провокаций толкнули Пушкина на дуэль с темным искателем приключений, иностранцем Дантесом, которая окончилась для поэта трагически. Статья иллюстрирована фотографиями Пушкина, его жены, с. Михайловского.

В 1954 году Дороти Брустер издала книгу об изучении литературных связей.²¹ Свою задачу автор видит в том, чтобы собрать воедино в последовательный рассказ массу разбросанного материала. И действительно, книга строится на богатом фактическом материале, правда, давно уже известном советскому литературоведению. Однако осмысление этого фактического материала в книге порой весьма сомнительно. Это тем более досадно, что из краткого предисловия мы узнаем, что автор большой знаток русской литературы, пять раз приезжала в Советский Союз, последний раз была у нас в 1946 году. Проследившая интерес к русской литературе, возникший в Англии в XIX веке, исследователь останавливается на отзывах путешественников, побывавших в России. В частности, говоря о капитане Фрэнклэнде, который дважды посетил нашу страну и в 1832 году опубликовал рассказ об этих визитах, автор отмечает, что в нем Фрэнклэнд особенно подчеркивает свое знакомство с А. Пушкиным, «русским Байроном», которого он навестил и чье мнение о политических и социальных вопросах государства Российского он беспорядочно перемешал со своим собственным. Далее Брустер, ссылаясь на то место из книги Фрэнклэнда, в котором говорится о том, что русские крепостные еще не достигли того состояния, когда появляется ощущение острой необходимости освободиться от крепостной зависимости, с сомнительной осторожностью и ненужной «объективностью» заявляет, что трудно сказать, кому из двух, Пушкину или Фрэнклэнду, принадлежат эти мысли. Для всякого непредубежденного исследователя совершенно ясно, что такие мысли Пушкину принадлежать не могут.

В 1957 году в январском номере журнала «*Essay in Criticism*» печатается рецензия уже известного нам Генри Гиффорда, написанная на книгу американского литературоведа В. Ледницкого «Пушкинский «Медный всадник»».²²

Об интересе к творчеству Пушкина свидетельствует и помещенный в февральском номере журнала Общества любителей

---

²¹ Dorothy Brewster "East-West Passage" A study in Literary Relationships. London 1954.

²² Henry Gifford. "The Bronze Horseman" Bristol University ("Essays in Criticism" vol VII January 1957 No. 1, p. 84. A. Quarterly Journal of Literary Criticism. Ed. by F. W. Bateson).

творчества Шоу²³ отчет, озаглавленный «Встреча с Пушкинским клубом». В нем дается краткое изложение совместного с обществом Шоу собрания Пушкинского клуба в Лиге Национальной книги в Лондоне, имевшем место 30 октября 1959 года. С речью «Пушкин как создатель большой русской литературы» выступила Берта Молник. Кратко изложив биографию Пушкина, Молник остановилась на значительных произведениях поэта. На собрании подчеркивалось, что до сих пор нет надлежащего издания основных произведений поэта. Было предложено самим учить русский язык, чтобы лучше узнать Пушкина. В заключение было отмечено, что подобно Шоу, Пушкин был великим романтиком-реалистом и пожизненным бунтарем.

К 125-летию со дня смерти Пушкина в Англии вышел сборник его повестей. Переводчик Розмэри Эдмондс во вступительной статье говорит о поэте как «о величайшем имени в русской литературе».

К этой же памятной дате русского поэта приурочено и открытие в Дамфрисе Клуба дружбы имени А. С. Пушкина. В Эдинбургском университете прочитана лекция на тему: «Пушкин в русской музыке».

Тесные узы дружбы связывают шотландских любителей творчества Пушкина с советскими почитателями поэзии Бернса. Отмечая годовщину со дня смерти русского писателя, уэльский композитор и поэт Джек Морган прислал в Москву Клубу друзей Шотландии имени Роберта Бернса свою песню «Памяти Пушкина и Бернса», в которой, славя «певцов шотландских древних скал и невских берегов», выражает уверенность в том, что «вместе с песнями живет их вещая мечта»:

Настанет день, и час пробьет:
вражды исчезнет тень,
И солнце разума взойдет,
и светел будет день!

Перевод с английского Б. Лихачева.²⁴

Мы далеко не исчерпали всего написанного в Англии о Пушкине. Однако даже беглый обзор литературы о Пушкине, имеющийся на английском языке, свидетельствует о несомненном интересе к творчеству русского поэта.

В приведенных выше работах встречаются спорные, сомнительные, а порой и прямо неверные положения, отражающие не только литературную, но и политическую позицию их авторов. Вместе с тем несомненно и важно, что в подавляющем большинстве английские исследователи все более и более склонны вос-

²³ "The Shavian". "Meeting with the Pushkin Club". The Journal of the Shaw Society, vol 2, February 1960, number 1.

²⁴ См. «Литературная газета», 10 февраля 1962 г.

принимать творчество Пушкина как наиболее совершенное выражение духовной сущности человечества. Это хорошо отметил известный английский писатель Джон Брэйн, посетивший нашу страну летом 1960 года. Вспоминая станцию Ленинградского метро, где скульптором запечатлен образ Пушкина, он писал: «...когда смотришь на скульптуру Пушкина, то постигаешь нечто более важное: человек способен думать не только о своем комфорте и о своем личном существовании, но и о чем-то гораздо большем. Человек существует не только для того, чтобы есть, пить и наряжаться, — он существует для чего-то более важного и значительного. И нужно, чтобы тебе напоминали о таких людях, как Пушкин».²⁵

---

²⁵ Джон Брэйн, «Я верю в мирное сосуществование...», Литературная газета, 24 декабря 1960.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Ю. М. Лотман. Идеиная структура «Капитанской дочки»	3
А. Ф. Теплов. Атеистическая тема в «Борисе Годунове»	21
Т. Ю. Мальцева. Пушкин — читатель тригорской библиотеки	33
М. Т. Ефимова. Традиции Пушкина в реалистических поэмах Лермонтова	44
В. Н. Голицына. Пушкин и Блок	57
Б. Ф. Егоров. О некоторых особенностях высказываний Добролюбова о Пушкине	74
Е. А. Маймин. Дружеская переписка Пушкина с точки зрения стили- стики	77
Э. В. Попова. Элегия «Погасло дневное светило» (стилистический анализ)	88
И. И. Чернова. Использование наглядных пособий на уроках по твор- честву Пушкина	95
В. Н. Горшкова. Опыт нравственно-эстетического воспитания, объеди- ненного темой «А. С. Пушкин»	104
А. И. Голышева. К вопросу об изучении Пушкина в Англии	110.

Сдано в набор 12/IX 1962. Подписано к печати
22/XI 1962. Бумага $60 \times 90,2/16$ Печатных ли-
стов 7,75 Тираж 1000 экз. ТЖ-02017. Заказ № 7661

Типография им Ханса Хейдеманна. ЭССР,
г Тарту, ул Юликооли, 17/19. II.

Цена 35 коп